

Алексей Котов

**Изо
всех
сил**

Алексей Николаевич Котов

Изо всех сил

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25200982

Аннотация

Любовь не знает предела, человек – тоже, а потому их поединок, их прорастание к свету, их самопожертвование всегда вечны. Двадцать четыре непошлых рассказа о любви.

Дорога из Тимакова

1.

Как бы не страдала Валентина от неразделенной любви, а все-таки ее жизнь была довольно уютной. Например, приличная зарплата в самоуверенной фирме «Мебель «Каприз» обеспечивала ей безбедное существование, подруги девушки были умны и не завистливы, а добрая мама в далекой деревне не надоедала советами. Даже старенькие «Жигули», побывавшие в руках хорошего мастера, привозили-увозили Валю на работу со старанием совестливого ослика. Валентине во многом везло? Наверное. Но она все-таки страдала... Ее любовь к Борису была огромной и мучительной, как нескончаемый сериал в телевизоре с вдруг пропавшим звуком.

Девушка сняла на городской окраине домик с вишней под окном. Точнее говоря, это была времянка во дворе большого дома. Домик был теплым, уютным и со всеми удобствами. Валентина по вечерам рассматривала звезды за окошком меж зеленеющей листвы и думала о своем расставании с Борисом. Она страдала-страдала-страдала...

По ночам прохладный воздух пах живой зеленью сада. Тишина была упоительной с едва обозначенными шорохами листвы, а сами ночи заполнялись мягким лунным светом и прохладными движениями ветерка.

Но женскому уединению с самого начала вдруг стал мешать кот. Сначала в большой форточке возникала неясная тень, а потом на подоконник с характерным звуком приземлялись кошачьи лапки. Кот чего-то ждал там, за шторой...

Когда Валя плакала, она кричала в подушку:

– Пошел вон, сволочь!..

Но кот не уходил. Иногда утром Валя находила кота спящим в кресле, а однажды незваный гость улегся у нее в ногах на диване. Валя трижды побила наглеца тапочкой. Но кот снова и снова возвращался, он был таким же упрямым, как Сережка «из гаража».

Нет-нет!.. По большому счету настоящим «хамами» не был ни кот, ни Сережка. Кот всегда ретировался по первому требованию хозяйки уютного домика, а незваный «жених» Сережка не был навязчив. Сережка был даже улыбчив и – в отличие от Бориса – настолько простодушен, что Валя иногда даже улыбалась ему в ответ...

2.

В пятницу вечером Валя поехала погостить к своей маме. Дорога домой – 70 километров по «московской трассе» – примерно посередине своего пути проходила мимо деревни Тимаково. Деревня расположилась рядом с трассой в изгибе симпатичной речки и со стороны дороги были хорошо видны ее крыши и дворики, густо засаженные яблонями. Тима-

ково казалось удивительно добрым, как что-то сказочное из далекого детства.

Валя остановила свои «Жигули» на въезде.

«Что ж, пусть здесь!..» – решила она.

Девушка открыла дорожную сумку и вытащила из нее недоевшего кота-«захватчика».

– Будешь жить в этой деревне, – строго сказала Валя коту.

Кот отвел глаза, словно понимал, что девушка собирается сделать что-то нехорошее. Валя поморщилась... Она выбросила кота в окно и нажала на газ.

3.

... В понедельник Валя рассказала хозяйке дома Екатерине Тимофеевне, что избавилась от кота.

Екатерина Тимофеевна улыбнулась и пожала плечами.

– Знаете, а вообще-то, наверное, это Мишка был...

Оказывается, у кота был имя.

– Во времянке семья пять лет жила. Это их кот... – Екатерина Тимофеевна смотрела на Валю добрыми глазами и продолжала улыбаться какой-то натянутой, вымученной улыбкой. – А когда мои жильцы квартиру в Новосибирске купили, они Мишку с собой не взяли...

Валя вдруг поняла причину поведения кота. Ей стало немножко стыдно: как выяснилось, кот не без оснований считал времянку своим домом.

– А еще у меня военный с семьей полгода жил, – хозяйка перестала улыбаться и чуть поморщилась, словно вспоминала о чем-то неприятном. – Кот им, как и вам, надоел. Знаете, Мишку два раза в Тимаково отвозили...

– Куда-куда? – удивилась Валя.

– В Тимаково, – хозяйка махнула в сторону «московской трассы». – Тут недалеко... Дача там у квартирантов была, что ли?.. Последний раз перед самым отъездом Мишку выбросили. Но он, видно, снова вернулся...

Валя потеряно кинула. Она оборвала разговор и ушла к себе в домик.

Стыд за свой недавний поступок слегка подрумянил щеки девушки. Оказалось, кот Мишка уже дважды проходил одну и ту же дорогу, но теперь – уже по ее вине! – вдруг снова оказался в изгнании. И что не менее важно, в той же самой деревне Тимаково.

Вечером Валя впервые не вспоминала Бориса. Ее воображение было занято другим: оно то и дело рисовало девушке кота, который шел по дороге в сторону города...

Валя достала сотовый телефон и позвонила Сережке. Она сказала, что ей скучно и что именно сегодня она согласна пойти с ним еще раз в кино.

«Просто отвлекусь немного...» – решила девушка.

...Кот-изгнанник вернулся во вторник утром. Он бесшумно возник в форточке и замер, рассматривая лицо Вали.

– Ми-и-ишенька пришел, – девушка радостно рассмеялась. – Привет, эмигрант из Тимаково. Как добирался?

Валя осторожно, чтобы не испугать кота, подошла к окну.

– Колбаски хочешь?

Кот жалобно мяукнул... В его глазах замер немой вопрос.

Внешний вид кота-путешественника поведал Вале о том, что его очередное – третье по счету – возвращение из Тимаково было не столь простым. Вываленную в пыли шубку кота украшали репы, а левое ухо откровенно кровоточило.

– Ладно, ладно!.. Пошли завтракать.

Кот согласился. Он даже позволил взять себя на руки.

– Так и быть, живи у меня, – объявила Валя. – Только учти, что вечером я тебя выкупаю.

Мишка ел долго и жадно. Валя иногда поглаживала кота, а кот, когда его касалась мягкая рука, замирал, чуть прижимая ушки. Левое почти не двигалось и, наверное, коту было больно.

– Ой, ну хватит меня бояться, – не повышая голоса, возмущалась Валя.

Она нашла картонный коробок от недавно купленных сапожек и устроила коту уютное гнездышко.

– Отдыхай, изгнанник. Кстати, приду с работы, обязательно тебя выкупаю. Я же тебе пообещала.

5.

Вечером Валя не смогла загнать свои «Жигули» во дворик – мешала огромная «фура» на улице.

– Сын ко мне переехал, – пояснила квартирантке Екатерина Тимофеевна. – Пару дней у меня поживет. Канализацию у них дома прорвало...

На порошках дома сидел веселый парень. Он пил пиво из горлышка бутылки и играл с хохочущим на его коленях малышом.

– Моя «фура» вам заехать мешает? – догадался он, едва взглянув на Валю. – Сейчас отгоню.

– Кстати, Валя, а Мишка-то, оказывается, вернулся, – сказала Екатерина Тимофеевна.

Девушка не успела подтвердить, что да, кот действительно вернулся и она рада этому.

Но домохозяйка продолжила:

– Настырный какой, а?!.. Только вы не беспокойтесь, я его снова выбросила.

Девушку шатнуло.

– Куда выбросили? – с ужасом спросила она.

– Куда, сынок? – спросила сына Екатерина Тимофеевна.

– А куда ж его девать-то? – пожал плечами парень. – Я сегодня утром в Жлобино «фуру» гонял... В Тимаково ко-та и выбросил. Деревенька с виду очень даже симпатичная.

Думаю, не пропадет там кот.

«В четвертый раз!..» – мысль была настолько огромной, что заслонила собой весь мир. Валя споткнулась на порогах своей временки и чуть не упала.

«В четвертый раз!..»

6.

Ночь прошла почти без сна... Утром Валя позвонила на работу и сказала, что берет день «без содержания». Дорогу до деревни Тимаково Валя проскочила за час.

По пути она попыталась прикинуть в уме, сколько мог пройти кот Мишка за последние двенадцать часов. Валя остановила машину за мостом возле лесополосы, километрах в десяти, не доезжая Тимаково.

Девушка вышла из машины и громко позвала:
– Кис-кис, Мишка!..

Из ближайших зарослей высунулась сначала рыжая, а потом сразу две черных кошачьи мордочки. Валя позвала Мишку еще раз. Кустарник зашевелился и оттуда вышел огромный персидский кот.

«Господи, да сколько же их тут?!» – удивилась девушка.

Валя осторожно приблизилась к кустарнику. Там, за листвой, она увидела еще чуть ли не десяток котиков и кошек всех возрастов, несколько перепуганных и крохотных домашних собачек, трех енотов и даже пару песчаных лисичек с огром-

ными ушами – феньков.

«... Их, значит, тут бросают, – догадалась Валя. – Мол, симпатичная деревенька, здесь и живите. Но в Тимаково никто не остается. Они все в город идут... Домой!»

Девушка оглянулась. Там, у недалекого моста, отдыхала и лениво резвилась огромная стая бродячих собак. Псы караулили мост и знали, что добыча не может пройти мимо.

«Но они все равно идут домой...»

Девушка немного успокоилась и попыталась подманить животных, чтобы хоть нескольких перевести через страшный мост. У нее ничего не получилось, коты разбежались.

Девушка заплакала.

– Мишка!.. – что было сил закричала она. – Кис-кис, сволочь!

Кот Мишка трижды проходил через мост возле Тимаково. Но Валя не была уверена, что кот сможет пройти его в четвертый раз...

7.

Сережка получил странную «эсэмеску» в девять вечера. В ней говорилось о мосте вблизи Тимаково, ружье, канистре бензина и «желательно фонарике».

Сережка примчался в указанное Валентиной место уже через сорок минут. Наступали сумерки, и он легко заметил огромный костер за мостом.

– Они, как и волки, света боятся, – пояснила Сережке веселая и перепачканная золой Валя.

– Кто?.. – удивился Сережка.

Валя рассказала о коте Мишке и крохотных существах, которые сейчас идут домой из Тимаково.

– Они ночи ждут, чтобы прорваться через мост. А на них собаки охотятся. Но собаки боятся огня, – Валя тепло улыбнулась, рассматривая лицо Сережки. – Я уже видела, как через мост пробежали пять кошек...

Сережка плохо понимал девушку. Он поймал ее очередной ласковый взгляд и с огромной, облегчающей радостью подумал: «Она просто сошла с ума!»

– А теперь давай веток в костер подкинем, –скомандовала Валя. – И бензина плеснем. Нам Мишку, может быть, до рассвета ждать.

Сережка развел такой огромный костер, что в небо полетел целый фейерверк искр. Водитель одной из фур притормозил и выразительно повертел пальцем у виска.

Сережка только отмахнулся.

– Знаешь, Сережа, – вдруг тихо сказала Валя. – А ведь нет никакой любви... И не было ее у меня. Потому что, теперь и здесь, я поняла, что значит вся наша жизнь...

– И что же?.. – осторожно поинтересовался Сережка.

– Она – дорога из Тимаково.

Костер разгорался все ярче и гнал темноту в сторону лесополосы.

«Господи, главное чтобы Валя до загса не выздоровела! – вместе с искрами летела к небу улыбочивая молитва Сережки. – Главное, чтобы не выздоровела!..»

Связанный ангел

...В подъезде, на порожках, сидел самый настоящий черт в дорогом кашемировом пальто. Черт лукаво щурился и барабанил пальцами по «дипломату» на коленях.

Коля потрясено икнул и попятился к выходу.

– Подожди, мужик, – весело сказал черт. – Хочешь, самое заветное желание выполню?

Коля посмотрел на лохматые ноги, которые вместо ботинок украшали лакированные копытца, и отрицательно покачал головой.

– Да ладно тебе, не бойся, – черт раскрыл дипломат и вытащил толстую пачку денег. – На, держи!

«Душу хочет купить, сволочь, – пронеслось в не совсем трезвой, после дружеской вечеринки голове, Коли. – На-кося выкуси!..»

– Душа? – засмеялся черт. – Дурак! При случае я ее за пару ящичков водки куплю. А с другой стороны, посуди сам: сейчас ты домой придешь, жена ругаться начнет, а ты ей — деньги. На, мол, и никакого скандала. Короче говоря, просто так тебе их даю. Усек?

Коля подозрительно покосился на деньги. С первого

взгляда они выглядели довольно симпатично...

...Жена Людочка действительно начала ругаться прямо с порога.

– Одиннадцать часов! – кричала она. – А ты опять, да?

Коля молча протянул жене целый ворох толстых денежных пачек и не спеша разделся. Захватив из кармана куртки недопитую бутылку водки, он пошел на кухню.

Потрясенная и бледная Людка возникла на пороге как приведение.

– Здесь сто тысяч долларов, – прошептала она. – Откуда, Коля?!

Коля со вкусом выпил водки. Молчать было приятно.

– Откуда?!.. – снова простонала Людочка.

– Один мужик должок отдал, – соврал Коля. – Теперь мы квиты.

Людочка села за стол. Супруги долго рассматривали деньги. Наконец, Люда осторожно отодвинула несколько пачек в сторону.

– Это на новую квартиру... – робко пояснила она, взглянув на мужа.

Коля кивнул. В глазах жены появился теплый интерес к деньгам и женские пальчики отделили новую пачку:

– Это на мебель... Знаешь, какую я замечательную стенку недавно видела?

– Догадываюсь. Но на мебель и побольше можно, – снис-

ходительно заметил Коля.

– Ладно. А это на... На машину, да?

Коля снова кивнул.

Людочка задумалась: денег оставалось еще очень много. Время летело незаметно. Супруги принялись обсуждать, что можно купить на оставшуюся сумму. Фантазия работала на пределе возможного.

– Можно купить дачу, – сказала Люда.

– Очень хорошую дачу, – поправил Коля.

– И шубку!

– Даже две.

– А зачем две?

– Мало ли, а вдруг инфляция?! И вообще, на эти деньги сейчас все можно купить, – убеждено сказал Коля. – Все, включая место на кладбище.

Потеплевшее было лицо Люды, вдруг дрогнуло.

– Коля, а откуда все-таки деньги? – тихо спросила она.

– Да тебе-то что? – возмутился Коля.

– Как это что? – тоже повысила голос Людочка. – Ты приносишь целую кучу денег и, по-твоему, я должна молчать?

– Другая бы обрадовалась.

– Я не другая! – обиделась Люда.

Коля пожалел, что так некстати помянул какую-то «другую», Люда была очень ревнива. Он выпил водки и поперхнулся. Люда сдвинула деньги к рукам мужа.

– Знаешь что?.. Иди-ка, отнеси их, откуда взял, – строго

сказала она. – Хоть в самом деле на кладбище.

– Дура! – взревел Коля. – Ведь даром же, даром дают!

Люда встала и молча вышла. Коля чертыхнулся – если жена замолкала, спорить с ней было бесполезно. Коля вздохнул и потер грудь. Он вспомнил о лакированных копытах под пальто, и сердце вдруг необъяснимо заныло.

«Может быть, и в самом деле, – подумал он. – Ну их, эти деньги, к черту, а?..»

...На порожках никого не было. В темном углу шевелилось и тихо стонало что-то белое и неясное. Коля на всякий случай перекрестился дрожащей рукой и подошел поближе. На полу лежал связанный ангел.

Ангел сердито засопел и показал взглядом на веревки.

– Балбес ты! – закричал ангел, лишь только Коля вытащил изо рта пленника кляп из свернутой шляпы. – Нашел с кем связываться, с рогатым!

«Ангел-хранитель мой, наверное», – догадался Коля, заботливо помогая пленнику избавиться от веревок.

– Не твой, а твоей жены! – буркнул ангел. – Думаешь, к тебе рогатый приходил? Размечтался!.. Жена ему твоя нужна, понял? К ней он подбирается.

Коля удивленно заморгал глазами.

– А мой... Этот, с нимбом... Как его? – он покраснел. – Где, а?..

Ангел промолчал и вырвал из рук Коли деньги.

– Сволочи! – раздраженно пробормотал крылатый небожитель, рассматривая на тусклый свет одну из банкнот. – Уже с настоящими работают. Прогресс!..

– А мой-то, говорю этот... – снова начал, было, Коля.

– Не положено! – оборвал его ангел.

– Что не положено?

– Знать, что не полагается! – ангел сунул деньги в карман и пошел к выходу. На порожках он оглянулся. – Лохматому при случае передай, все равно рога ему поотшибаю. Так и скажи.

Дверь сердито захлопнулась.

...Коля вернулся домой совершенно убитым. Людочка сидела на кухне за пустым столом и смотрела в окошко.

– Есть будешь? – виновато улыбаясь, спросила Людочка.

«Ей-то хорошо! – ревниво подумал Коля. – Ишь, что этот крылатый пообещал – рога, говорит, за нее поотшибаю. А за меня кто?!...»

Коля махнул рукой и поплелся в спальню. Он быстро разделся, лег и укрылся с головой одеялом. Острое чувство одиночества жгло его почти до физической боли. Коля страдал...

Людочка присела рядом, откинула кончик одеяла и погладила мужа по голове.

– Колечка, ты что? – спросила она. – Не расстраивайся, пожалуйста. Подумаешь, деньги. Сами и зарабатываем.

«Да не в деньгах тут дело!.. Все люди, как люди, – подумал Коля. – У всех, наверное, эти крылатые, с нимбами есть... Охраняют, наверное, берегут. А я... Черт сказал, мол, за пару ящиков водки тебя куплю... – Коля вдруг всхлипнул. – Подумаешь, выпиваю... Ну и что?!»

Людочка легла, прильнула к мужу и погладила его ладошкой по груди.

– Отстань!.. – сквозь слезы простонал Коля.

– Ну, хватит же, – улыбнулась Людочка. – Давай мы купим тебе новую куртку?

– К черту куртку, к тому черту, который в кашемировом пальто!.. – закричал Коля. – Не понимаешь ты ничего, глупая!

– И что же я не понимаю? – Людочка нежно поцеловала мужа в ухо.

«Что-что!.. Чем я хуже других-то?!» – подумал Коля.

По щеке Коли побежала слеза. Натолкнувшись на женский носик, капля нерешительно замерла. Людочка невидимо улыбнулась в темноте и коснулась слезинки языком. Колю перестал бить озноб. Теплая рука жены гладила его то по голове, то по груди, то снова по горящему лбу.

«Вот брошу пить и сразу, наверное, рядом кто-нибудь с нимбом объявится, – решил про себя Коля. – Обидно, правда, почему его теперь нет. Живи, понимаешь, один, как дурак да водку пей...»

Рука Людочки вытерла лицо мужа. Рука была удивитель-

но теплой, доброй и мягкой. Коле стало немного легче. Он закрыл глаза и вздохнул. Людочка шепнула что-то в ухо мужа, и он улыбнулся.

Людочка тихо засмеялась. Женская рука снова коснулась лба мужа.

– Спи, пожалуйста, Коля, спи.

Коля еще раз облегченно вздохнул и умиротворенно засопел носом...

Удостоверившись, что муж уснул, Людочка встала и пошла на кухню попить воды. Потом она долго стояла на балконе и смотрела на звезды. Мир был огромен и прекрасен.

«Ах, – вдруг улыбаясь, подумала Людочка, протягивая руки и огромному звездному небу, – как же летать хочется! Просто удивительно как хочется!..»

Женщина засмеялась от чистого, переполняющего душу счастья. Полет туда, к далеким звездам, вдруг показался ей не только возможным, но и смутно знакомым. Людочка потерла лоб, пытаясь собраться с мыслями. Да-да!.. Стоит только взмахнуть крыльями и тогда все получится само собой – легко и просто... Как раньше. Сзади чуть слышно зашелетели крылья...

В спальне громко всхрапнул Коля. Людочка вздрогнула и оглянулась...

Вернувшись в комнату, она нырнула под одеяло и, все еще чему-то улыбаясь, положила голову на грудь мужа.

«Все будет хорошо, – подумала Людочка. – Все будет хорошо, и я почему-то знаю это...»

Она закрыла глаза.

За шторой, на балконе, мелькнула черная тень с длинной, похожей на огромную косу, палкой в худой руке. Тень прилипла к стеклу, что-то напряженно высматривая в комнате. Коля спал, широко раскинув руки. Штора шевельнулась, и лунный свет коснулся удивительно красивого женского лица. Женщина улыбалась...

Черная тень отшатнулась от окна, потом взмахнула крыльями и исчезла во тьме.

Сволочь

Все, Леша, с самой обыкновенной аварии началось... Ехал я по делам на своем «БМВ», как вдруг откуда-то сбоку, как черт из шкатулки, захудалый «Москвичок» выскочил. Долбанул он меня в бочару да так хитро, что я чуть было половину зубов на баранке не оставил. Даже услышал, как челюсть и нос у меня хрустнули.

Вытер я кровь с физиономии и думаю: все, мужик, кранты тебе!.. Из машины вышел злой как черт. Один шаг сделал, даже на «Москвич» взглянуть не успел, – поскользнулся. Весна была, гололед... Затылком ко льду приложиться по такой погоде – раз плюнуть. В общем, только небо мне в глаза брызнуло, а дальше – полная тьма.

В себя я только через пару дней пришел, уже после операции. Пошевелился чуть-чуть... Чувствую, состояние около нуля: зубы проволокой перевязаны, к правой руке, словно гирию подвесили, а на голове «чалма» из бинтов. Замычал что-то... Вдруг женское лицо надо мной склонилось. Прямо ангельское личико: красивое до тихого совершенства, а в глазах ничего кроме любви и сострадания.

Я мычу: м-м-м!.. Мол, что я и где я?!

Улыбнулась девушка. Улыбка у нее... Не расскажешь про такую улыбку, Леша, при всем желании ее не опишешь ее. Художником нужно быть. За такой улыбкой, Леш, любой мужик на край света пойдет и дорогу назад с удовольствием забудет.

Потом все мне медсестра Танюша рассказала, про все мои переломы, начиная от макушки. А у меня первая мысль в голове: надо же так на ровном месте покалечиться?! Ну, мужик, очень я жалею, что до твоего «Москвичка» дойти не успел.

Лечиться всегда трудно, тем более такому неумемному как я... Меня же словно из самой гущи жизни за уши выдернули да к больничной койке привязали. Волком взвоешь! К тому же бизнес у меня был аховый – каждый час что-то решать нужно иначе если и не все потеряешь, то очень многое. А тут лежи и мычи.

Через неделю записку от жены мне передали. Развернула у меня ее писульку Танечка перед глазами. Читаю я, и соб-

ственным глазам поверить не могу: прощай, мол, дорогой, на веки, поскольку у меня большая любовь с твоим лучшим другом.

Вот так, Леша, все в жизни я потерял: дело, жену, дом и все движимое и недвижимое имущество, поскольку моя бывшая женушка большой стервой оказалась и практически все на свое имя до суда перевела. А я ведь что?.. Я ведь на койке связанный лежу и не то, что пошевелится, слова и того сказать не могу.

Звереть я начал... Если бы не Танечка точно с ума спятил. Такая меня, Леш, обида жгла, что сил нет!.. Иной раз бился в истерике как припадочный. Не то, что от человеческого голоса, от любого громкого звука до белого каления за секунду доходил. Танечка и успокаивала меня... Отдельную палату мне нашла. Сама за нее и заплатила. У меня ведь, Леш, ни отца, ни матери нет, и все доверенности на жену были оформлены. Впрочем, что там отдельная палата!.. У меня денег даже на яблочный сок не было. Танечка на свои кровные и выхаживала меня...

Никогда еще в жизни, Леш, я такой нечеловеческой преданности и верности от женщины не видел. Помню, какого-то «крутого» хотели в мою палату положить, а меня, стало быть, куда подальше сунуть. Так Танечка чуть ли не в драку!.. Смешно, честное слово. Смешно было смотреть, как девчонка с кулачками на двухметровых «жлобов» бросалась. И если бы вдруг вытащили мою койку, допустим, на улицу

под дождь, уверен, Танечка рядом стояла и зонтик надо мной держала. И не ушла бы она, ни за что не ушла!

А кто кроме Танечки «утку» мне подносил, кто с боку на бок ворочал, кто белье менял, кто по ночам не спал?.. И кто сказки мне читал?! Не смейся, Леш!.. Какие сказки, спрашиваешь?.. Да самые обычные, детские. Читает мне их Танечка и волосы мои рукой ворошит. Иначе не усыпал я. А так... Так вроде и легче было. словно в деревне на печке у бабушки лежишь.

Потом – кризис... И физический и этот... Как его? В общем, внутренний. Исхудал я страшно, ослабел до дистрофической дрожи. Как-то раз украл у Танечки зеркальце, взглянул в него... Скелет лежит! Все, думаю, помираю я... Отбегался, мужик, отшебурился.

В таком состоянии, Леш, когда только на потолок смотришь, наверное, любой человек все, вся и всем простить может. Да ну вас, мол, к черту граждане люди, достали вы меня! Если разобраться, то, как я жил и что в жизни видел?.. Суету одну. Вспомнить толком нечего, не то, что поблагодарить за что-то. А люди... Они же все глупые. Ну, куда мы спешим, куда бежим и что в итоге получаем?!.. Тогда и понял я, одну простую истину: человек не меняется. Вся эта философия о само совершенстве – бред сивой кобылы. Единственная и самая великая свобода, что дана человеку – возможность изменить соотношение добра и зла в собственной душе. И все!

Ах, как хорошо прощать-то, оказывается, Леша!.. Помню,

лежу и смеяться от счастья готов: легко на душе, радостно и светло. Думаю про себя: что мне жена?.. что друзья?.. что вся эта тараканья возня под названием бизнес?.. Господи, Создатель мой, да отними ты у меня сейчас все, я только тебе спасибо скажу. Об одном лишь Тебя попрошу, оставь мне, пожалуйста, Танечку! Если выживу, что и кто мне еще будет нужно кроме нее?.. А ради нее я на все готов. Деньги ей понадобятся?.. Заработаю, я мужик крепкий. Хотя, разве в деньгах тут дело?.. Тут, думаю, Господи, еще что-то нужно... Только что? И очень уж легко здесь запутаться можно. Поэтому ты, Господи, пожалуйста, это самое... Похлопчи там, а? Человек я грешный и куда мне теперь без Тебя?

Смешно, честное слово!.. Ведь раньше я совсем другим был, чем-то вроде колхозного бугая. Посуди сам: рост у меня – метр девяносто, вес – центнер, кулаком на спор стену в полкирпича прошибал. А такому, ох, как трудно не стену, а самого себя пробить. Эта стена покрепче кирпичной будет.

В общем, Леш, простить-то я все-таки не всех сумел... Весь мир простил, а вот ту сволочь в «Москвиче» так и не смог. Помню, лежу, смотрю в потолок и на душе светло как на земляничной полянке в солнечный денек. Но вдруг мысль в голову: хорошо, братан, ну а «Москвичок» тот как же, а?.. И ту сволочь ты, значит, тоже простишь?

И темнело у меня в глазах от безумной злобы!.. Прогибало всего до судороги. Ну, думаю, водила чертов, об одном только жалею, что не смог до тебя добраться.

Даже сны снились: выхожу из машины и подхожу к «Москвичу»... Дверцу не то что открываю, а отрываю к чертовой матери! А там никого нет... Пусто.

Танечка рассказывала, рычал я во сне от бешенства, метался, одеяло рвал... Если бы не она!.. Если бы не она, Леш, вынесли бы меня из больницы вперед ногами и похоронили за казенный счет на кладбище для бомжей.

Время – тоже лекарь... Стал я поправляться. Когда чеплюсть поджила, проволоку наконец-то с зубов сняли... А я вдруг думаю: что если и Танечка меня бросит? Ну, вот возьмет и бросит?.. Что же тогда, мол, я бедный и разнесчастный делать-то буду?! Идиотизм, конечно, но любому человеку, для того чтобы химеру в своих мозгах соорудить много не нужно. В общем, еще прямо там, в больнице, я попытался Танечку к себе в постель затащить. Представляешь, эту картину, да?.. Худой, небритый скелет пытается обеими руками ухватиться за жизнь.

Рассмеялась Танечка, поцеловала меня в щеку, погладила по голове как ребенка и говорит:

– У тю-тю-тю, какие мы, оказывается, сексуальные. Дала бы я тебе по физиономии, да не хочу, чтобы на тебя опять проволочный намордник надели.

Как-то раз болтали мы с Танечкой, о чем придется... Настроение у меня было лучше и представить нельзя. Уж и не помню точно, о чем мы говорили, только вдруг почему-то опять я водилу «Москвича» вспомнил.

Потемнело у меня в глазах.

– Ну, – рычу я, – повезло этому типу, что он мне в руки не попался!

– Зачем? – спрашивает Танечка.

– Узнал бы!.. – говорю, – где только он, сволочь эта?

Потупилась Танечка, покраснела и шепчет:

– Здесь...

Понял, да?!.. На работу в больницу Танечка моя с подружкой ехала и по собственной детской глупости за руль попросилась. Она и врезалась в мою машину, потому что во время затормозить не успела.

Все внутри меня в ту секундочку перемешалось: и добро и зло, и любовь и ненависть, и солнышко и грозовые тучи.

Посмотрел я на потупленное лицо Танечки и шепчу:

– Танечка, сволочь ты моя ненаглядная, нет, не было и не будет у меня никого на целом свете дороже тебя. Ты же меня, сволочь, чуть не угробила!.. Выходи, ради Бога, за меня замуж!

Вот и вся история, Леш... Уже пять лет мы с Танечкой вместе. Двух детей нарожали и, тем не менее, друг другу еще не надоели. Иногда, правда, ссоримся по пустякам, люди мы все-таки... А недавно прильнула ко мне Танечка после ссоры, заглянула в глаза и спрашивает: «Слушай, медведь, а здорово я тебя от первой жены отбила, а?»

И смех и грех!..

Наш с тобой разговор с чего начался?.. С того, что по-

спорили мы о том, что можно простить человеку, а что нет. Так вот, Леш, если по-настоящему, если изнутри, то прощать нужно не поступок человеческий, а самого человека. Пони-маешь?.. А, поэтому, прощая именно так, ты в первую оче-редь самого главного дурака и простишь – самого себя...

Везучая

1.

Таежный поселок Порошево иногда называли «городком геологов». Впрочем, романтика 50-х давно миновала, и по-селок живет своей самостоятельной жизнью уже не только благодаря бородатым, веселым поисковикам.

Старенький «пазик» ездит в райцентр только два раза в неделю. Автобус отправляется ровно в три. И Зоя очень спе-шила... Шестимесячного Мишеньку, исхудавшего донельзя за последние две недели, снова вырвало после кормления. Зоя плакала, и у нее дрожали руки. Едва выйдя из дома, она вернулась, потом что на улице было довольно прохладно по-сле недавнего дождя. Молодая женщина завернула сына в подвернувшийся под руку плащ мужа и бегом поспешила к автобусной остановке.

Шофер Колька Пустовалов курил возле кабины «пазика».

– Ну, теперь все в сборе, значит... – он бросил на Зою укоризненный взгляд.

Та невольно покраснела. Последнюю неделю Зоя испытывала только два жгучих чувства: безотчетный стыд и темный, не переходящий страх за крохотного Мишеньку.

Два дня назад районный педиатр Петр Николаевич Ухов обнаружил у Мишеньки опухоль желудка. Но добраться из райцентра в Иркутск можно было только вертолетом. Стояла нелетная погода и Зоя вернулась домой, в Порошево.

– Ты – неумеха! – у мужа Витьки было злое и холодное лицо. – Ты должна была подождать вертолет, там, в райцентре. Тем более что Петр Николаевич сам просил тебя об этом.

А Зоя вернулась домой, потому что ей было страшно остаться одной, среди незнакомых людей. Она краснела, грызла кулачок и с надеждой смотрела на мужа. Зое недавно исполнилось девятнадцать лет. Свою прошлую, еще детскую жизнь она провела в большом городе. Мать воспитывала Зою одна. Витька – большой и сильный, иногда слишком резкий – «зашибал деньги» работая геологом. Зоя приехала к нему сразу, после родов. Сначала Витька назвал жену «дурой», но потом увидел сына и сразу подобрел.

– Пойми, Зайка, тут же тайга, а не город...

Но теперь Витька был рядом... И Зоя не боялась ничего на свете. Она считала себя взрослой и даже устроилась на работу воспитательницей в детские ясли.

– Глупая ты у меня еще, Зайка...

В постели Зоя прижималась к огромному и теплomu телу мужа и жизнь казалась ей удивительно прекрасной. Она

быстро усыпала и ей снились цветные и очень счастливые сны.

Болезнь маленького Мишеньки была слишком неожиданной... Как удар в спину.

– Колька, поехали!

Пассажиров было довольно много. Зое уступили место возле передней двери – там меньше трясло. Мишенька спал. У него было бледное, измученное личико.

Таежная дорога, как шутили некоторые, «направление движения между двух сосен, через бугор, к третьей», могла бы оправдать и более ироничную шутку. «Пазик» то и дело резко бросало из стороны в сторону. Двигатель надрывно ревел на пониженной передаче...

Мост через речку Сойку был хорошо знаком водителю Кольке. Он потянулся за сигаретами и перестал обращать внимание на дорогу. Автобус круто спускался вниз и Колька слишком поздно понял, что машина не слушается руля – ее неудержимо тянуло вправо.

«Шина лопнула!» – Колька вжал педаль тормоза в пол.

«Пазик» проскочил мимо моста и обрушился в реку. Кто-то дико вскрикнул... Стекла салона с треском лопнули и на людей обрушился поток холодной воды.

В сущности, Зоя не поняла что происходит. Она видела только одно – случилась беда. Зоя сидела возле двери и когда та распахнулась, она прижала к себе сына и, не думая, шагнула вперед...

2.

...Стараясь удержать ребенка над водой, Зоя перевернулась на спину. Она отлично плавала, но течение реки было очень бурным. Молодой женщине приходилось прикладывать максимум усилий, чтобы не захлебнуться. Ее пронесло мимо валунов...

Мишенька проснулся и заплакал. Зоя отчаянно сопротивлялась течению. Она попыталась приблизиться к правому, более близкому берегу, но ее едва не расшибло об очередной валун. Удар в плечо получился очень болезненным. Краем глаза Зоя видела потрескавшиеся, древние скалы и верхушки сосен. Но правый берег оказался недостижим, нужно было выбираться на более плоский левый...

Холодная вода сводила судорогой ноги. Зоя с огромным трудом удерживала ребенка над водой. Новый удар, уже в другой плечо, едва не лишил ее сознания. Но Зоя все-таки сумела добраться до берега... Нога задела дно и она встала. Она ползла к берегу на коленях, уже без сил и боялась только одного – уронить в воду отчаянно ревущего Мишку...

3.

Женщина пришла в себя, когда солнце ушло за верхушки деревьев. Мишенька спал... Женщина села. Сильно болели

руки и спина. Холод сковывал тело и мешал дышать.

Чтобы не разбудить ребенка Зоя осторожно приоткрыла плащ, в который был завернут ребенок. У Мишеньки были мокрые ножки... Но они были теплыми и розовыми. Плащ спас ребенка от воды.

Зажигалку Зоя нашла в правом кармане плаща. Целый час Зоя потратила на то, чтобы собрать сухой валежник для костра, а потом долго, до злых слез, щелкала зажигалкой. Замерзшие и исцарапанные пальцы плохо слушались, и даже когда фитилек зажигалки вспыхивал, пламя тут же гасил ветер.

Зоя перенесла валежник подальше от берега, за сосны. Мишенька проснулся и заплакал. Женщина покормила ребенка грудью, но немного, чтобы его не стошнило. Она то и дело согревала ребенка своим телом, хотя сама дрожала от холода. Мишенька уснул. А Зою бил страшный озноб и она снова и снова щелкала зажигалкой...

4.

Утро было холодным, но чистым и ясным.

Зоя открыла глаза и увидела перед самым носом тоненький стебелек. Он уцелел каким-то чудом под кучей валежника брошенного у догорающего костра. Зоя слабо улыбнулась... Валежник был колючим, но лежать на нем было значительно теплее, чем на сырой земле.

У Зои болело горло. Кроме того, простуда заложила нос. Женщина вспомнила вчерашнюю аварию и последний, человеческий вскрик за спиной... Но страха уже не было.

Зоя встала и развела притухший костер. Одежда хорошо высохла, правда, немного мерзла спина.

На полянке Зоя нашла ягоды и несколько грибов на толстых ножках. Она пекла грибы и посматривала на реку... Зоя ждала и верила в то, что ее найдут именно сегодня. Она хорошо помнила каменную гряду, мимо которой ее пронесла речка и понимала, что пути назад, к дороге, для нее нет.

Костер потрескивал и приятно пах грибами. Грибы оказались довольно вкусными, но их было мало. Зоя снова пошла на полянку. Грибов она не нашла и стала собирать ягоды. Они были чуть сладкими и приятные на вкус, но ощущения сытости не приходило.

Уже вечером ожидание Зоя погасло... Она поняла, что все пассажиры автобуса погибли и что о пропавшем автобусе забеспокоятся в Порошево только вечером.

Она села на землю и заплакала. Ей было жалко водителя Кольку, толстую и жадную тетю Любу из единственного магазинчика в поселке и маленькую девочку, имени которой, она не знала. Там, в автобусе, девочка сидела возле окна и с нескрываемым любопытством рассматривала пейзажи за окном... Потом в это окно хлынула речка Сойка.

Вторая ночь прошла тихо и показалась Леночке теплее вчерашней. Простуда быстро отступала... Возможно дома, Зоя немного покапризничала. Однажды она уже болела ангиной и Витька, суровый и строгий Витька, вдруг стал удивительно покладистым и даже нежным. Он готовил, стирал, мыл, сам кормил из бутылочки Мишеньку и категорически запретил жене вставать из теплой постели. Но молодой женщине нестерпимо хотелось покомандовать мужем. Когда ее дела пошли на поправку, она слонялась по комнатам следом за Витькой и постоянно «удивлялась» его неумению вести простые, хозяйственные дела.

Но теперь Витьки не было... Вокруг шумела тайга.

Утром Зоя в реке поймала большую рыбу. Для этого ей пришлось снять платье и снова войти в холодную воду на отмели. А потом на отмель пришел медведь. Зоя опрометью бросилась в лес, прижимая к груди Мишеньку и бьющуюся рыбину.

Медведь показался Леночке огромным и ужасным. Она долго бежала, не разбирая дороги, пока не споткнулась. Женщина лежала на земле и с ужасом слушала бешеный стук своего сердца.

Страх перед «хозяином тайги» смог победить только голод. Зоя развела костер и испекла рыбу. Днем ей удалось найти очередную ягодную поляну. Зоя ела жадно, но значительно больше голода ее беспокоила мысль, что возвращать-

ся к реке было опасно. Зоя абсолютно не знала здешних мест и понимала, что найти человеческое жильё можно только возле реки. Она пошла на юг, в надежде снова наткнуться на Сойку ниже по течению. Но реки не было...

6.

Четвертую ночь в тайге Зоя провела под разлапистой, старой елью. Ее нижние ветви росли в землю, образуя нечто вроде сухого и уютного шалаша. А там, «на улице» лил дождь... Зоя прижимала к себе притихшего Мишеньку и рассказывала ему бабушкины сказки. Ребенок понимал только интонацию ее голоса. Он жадно сосал почти пустую грудь матери. Когда Мишенька, прерывисто, и как казалось Лене, обиженно вздыхал, у нее наворачивались на глазах слезы. Правда, плакать было совсем-совсем нельзя... Нужно было искать дорогу домой.

А еще Зоя радовалась дождю... Она вволю напилась и даже набрала воды в непромокаемые карманы плаща.

7.

... Дороги не было. Реки тоже.

Зоя боялась есть подозрительные на вид грибы, и собирала только ягоды. В какой-то мере они помогали справиться и с жаждой.

Потом она увидела волков. Они игрались друг с другом возле оврага, который собиралась осмотреть Зоя в поисках воды. Зоя увидела их первой. У волков были серые, широкие спины и открытые пасти... Тот волк, что побольше явно поддавался в игре своему товарищу. Он отступал, повиливая хвостом и словно смеялся, оголяя огромные белые клыки.

Зоя уходила очень тихо. Она тщательно осматривала землю, чтобы случайно не наступить на сухую ветку. Иной страх, не тот почти панический, когда она увидела медведя, а другой, холодный и трезвый, безошибочно вел ее вперед.

Зоя вспомнила, что летом волки не нападают на людей. Но страх не ушел, а казалось, только рассмеялся над подобным «знанием». Зоя нашла во внутреннем кармане плаща Витьки уже высохшую после купания в Сойке пачку сигарет и аккуратно посыпала табаком свои следы.

Потом она снова ела ягоды и ела их не потому, что хотела, есть – голод уже стал для нее привычным – а потому что ей нужно было кормить Мишеньку. Молока было мало и оно казалось Лене непривычно густым, когда ребенок высасывал его из груди.

8.

...Зоя привыкла к боли и холоду. Она просто перестала обращать на них внимание. Иногда у нее сильно кружилась голова. Но даже когда она садилась, ее тело было похоже на

сжатую, стальную пружину.

Неделя, проведенная в тайге, сделала молодую женщину осторожной и расчетливой. Зоя подобрала по дороге сук, похожий на небольшую дубинку, и едва ли не сутки носила его с собой. Иногда воображение рисовало ей схватку с волками... Зоя сжимала зубы и понимала, что не уступит им до самого конца. Там, в этой страшной мысленной схватке, она наносила врагу удары и видела кровь... Ее острое и жадное желание выжить, выжить во чтобы то ни стало, вопреки всему, стократно усиливалось любовью к крохотному Мишеньке.

Когда Зоя кормила сына, она касалась прохладными губами его теплого лобика, и ей хотелось улыбнуться. Ожесточение таяло, и Зоя осматривалась вокруг себя совсем другими глазами. В такие минуты, а иногда даже часы, Зоя переставала испытывать страх. Тайга казалась ей другой... Тайга спасала и укрывала, а не подстерегала и ждала, чтобы нанести последний, страшный удар.

9.

Вечером седьмого дня Зоя нашла воду. Она уже шла с огромным трудом и только отчаянная жажда гнала ее вперед. Родник бил из под огромных валунов на пригорке поросшим молодыми березками. В сущности, Лену поманил к себе белый цвет их стволов, столь необычный для тайги и

едва видимый за густыми зарослями.

Она напилась сама и согрела воду в ладонях, напоила Мишеньку. Ребенок пил очень жадно. Лене пришлось несколько раз набирать воду из крохотной, хрустально прозрачной лужицы и долго греть ее в ладонях.

Зоя совсем не удивилась тому, что к водопою пришел лось. Огромное животное косилось на женщину лиловыми глазами и осторожно, смешно сложив толстые губы трубочкой, касалось воды.

Как-то раз Витька рассказывал, что лоси могут быть очень опасны. Но Зоя не боялась. Она словно чувствовала, как спокойно это могучее животное.

Потом лось ушел и на водопой пришли зайцы.

– Мишенька, Мишенька ты только посмотри!.. – Зоя была готова расхохотаться и у нее саднили растрескавшиеся губы.

Целое стадо молодых зайчат во главе с толстой зайчихой долго рассматривало женщину и только потом, окончательно убедившись в том, что нет никакой опасности, зайцы приблизилось к роднику.

– Мишенька, смотри же!..

Зоя приподняла сына... Мишка захныкал.

Зайцы едва дотрагивались мордочками воды, тут же отбежали в сторону, но возвращались снова и снова. Они не ушли даже тогда, когда перестали подходить к воде. Зоя видела, как шевелится высокая трава на пригорке и понимала, что если зайцы не уходят, то значит, нет никакой опасности во-

круг.

Зоя так и уснула возле родника... Эта была, наверное, самая тихая, теплая и спокойная ночь за последнюю неделю. Утром женщина напилась удивительно чистой и вкусной воды и как могла, осторожно вымыла Мишеньку и напоила его.

Потом она встала и пошла... И Зоя отлично знала, что ее приключения закончились и она, наконец, идет к людям.

10.

– Петр Николаевич, это же невозможно, поймите!..

– Что невозможно?

– Все!.. И меня просто трясет от злости.

– Хотите, валерьяночки дам? – врач Петр Николаевич снисходительно улыбнулся.

Лицо Витьки вдруг дрогнуло, и по нему скользнула едва заметная, по-детски жалкая улыбка.

– Мы же искали Зойку и Мишку целую неделю... Понимаете?

– Я стараюсь понять.

– И не поймете даже при всем желании! – снова повысил голос Витька – Во-первых, когда этот дурак Колька промахнулся мимо моста и въехал в реку, пассажиров только окатило водой. А потом все посмеялись над этим довольно безобидным приключением. Но Зойка решила прыгнуть в реку, потому что Колька случайно задел рукавом рычаг открытия

дверей... Знаете какая там глубина Сойки?

– Ну, метра два-три...

– Метр, не больше!!.. Зойка могла в любое мгновение встать на ноги.

– Она плыла на спине с ребенком, и ей нелегко было это понять.

– Хорошо. Но зачем она ушла от реки?!

– Она увидела медведя...

– А ошейник на нем в ладонь шириной она не заметила?!.. Это же ручной медвежонок лесника Лукича, Шатунчик!.. Помните, когда мы ездили с вами на рыбалку, вы кормили его с ладошки конфетами? Но самое главное в том, что Зойка бродила не-де-лю, – последнее слово Витька пропел нараспев, – целую не-де-лю в треугольнике двадцать на пятнадцать километров между двумя деревнями и кордоном Лукича!

– Вот и искали бы ее там...

– Искали!.. Прочесали всю тайгу чуть ли не расческами, но не нашли. А потом мы обшарили все вокруг в радиусе почти пятьдесят километров. Нам в голову не могло прийти, что Зойка бегает от волков поблизости от Сойки между трех сосен!

– Вот видите? Волки очень опасны и...

– Собаки рыбаков это были, а не волки! – снова закричал Витька. – Знаете, вообще-то это место между Сойкой и Белыми Камнями Посадом называют. Монах там раньше жил,

что ли?.. Но теперь там две дороги – в сторону Иркутска и Нежинки. Как Зойка на грибников не натолкнулась?! Их же там больше, чем грибов.

Врач улыбнулся .

– Идите и отдохните, Витя, я отменяю ваше свидание с женой.

– Петр Николаевич, вы меня простите, но мне очень хочется сказать Зойке, что...

– Хватит! – голос врача стал строгим и властным.

Витька понял, что спорить бесполезно и вздохнул.

– А что с Мишенькой, Петр Николаевич? – тихо спросил он.

– Повторяю вам третий раз, ничего страшного. Если бы я сам не ставил малышу предыдущий диагноз, то я посчитал бы его нелепой ошибкой. Ваш сын абсолютно здоров. Впрочем... – Петр Николаевич на секунду умолк. – В такие чудеса действительно трудно верить...

– Да какие там чудеса! – отмахнулся Витька. – После того, что случилось с Зойкой, я готов поверить во что угодно. Кстати, Петр Николаевич, вы, я слышал, снова на рыбалку к Лукичу собираетесь?

– И вы, как я понимаю, тоже?

– Да, только я возьму с собой Зойку и Мишку. Иногда женщину нужно ткнуть носом в ее же собственную глупость.

Петр Николаевич возился с клубком перепутанной лески. Медведь Шатунчик сидел возле сеновала и жадно потягивал воздух носом. Оттуда, из широко распахнутой двери, вкусно пахло конфетами. Петр Николаевич улыбнулся и погрозил медведю пальцем. Шатунчик вздохнул и отвернулся...

Витька и лесник Лукич вернулись только через час. Петр Николаевич уже справился с леской и налаживал спиннинг.

– Ну, нашли?..

Витька устало присел рядом.

– Нет... А Зойка где?

– С Мишенькой на сеновале спит, – Петр Николаевич снова улыбнулся. – А Шатунчик их караулит.

– Я вот и говорю, какой тут родник?.. – Лукич словно продолжал прерванный разговор. – Его уже, почитай, лет шестьдесят нету. Как умер монах Сергей, так и родник пересох. А раньше-то родник этот, Сергиев ключ называли...

– А вы сами монаха того видели? – спросил Петр Николаевич.

– Сергия?.. Видел... Мальчонкой еще. Добрый был человек, хоть и один жил... Монастыри-то порушили, вот он и ушел в тайгу. Но людей никогда не чурался... Лечил всегда.

– Там земля возле валунов еще мокрая... – глухо сказал Витька.

– Все одно, ушел родник, – вздохнул Лукич.

Старик поднял глаза и, прищурившись, посмотрел на

солнце.

– Добрый был человек Сергей-то...

– Наверное, и тебя лечил, Лукич?

– Не только лечил... Крестил! И с тех пор болеть мне некогда.

Петр Николаевич недоверчиво покачал головой и отвел глаза.

Шатунчик решил, что люди слишком заняты разговором и осторожно вошел в сарай... Витька встал и поспешил следом.

– А ну, брысь! – громко крикнул он медведю.

– Вот я и говорю... – снова начал было Лукич, но вдруг замолчал.

– Чудеса, что ли? – не поднимая головы, спросил Петр Николаевич.

– Кто ж знает... Кстати, мы и лосиные следы нашли... И зайцев видели.

Из сеновала послышался смех Зои. Шатунчик пулей вылетел из сарая.

– Витька, уйди!.. – Зоя громко ойкнула и снова засмеялась. – Уйди, а то стукну!

Петр Николаевич осматривал готовый к ловле спиннинг. Лукич смотрел на сосны и молчал...

Изо всех сил

1.

Скалистый островок Аффа на первый взгляд казался уютным. Десяток легких кемпингов, небольшой песчаный пляж и единственная достопримечательность острова – далеко выдающийся в море мыс Капелька, сначала не производили на туристов никакого впечатления.

– Ты просто меня ревнуешь к Сереже! – смеялась Олечка. – Если это не так, то посмотри мне в глаза и скажи «нет».

Мишка дразнил веткой сердитого краба. Тот пятился к воде, грозно подняв вверх тяжелые клешни.

– Ну, скажи, скажи!..

Мишка улыбнулся.

– Глупости это... – не поднимая глаз, сказал он. – Лучше иди и проверь акваланги.

– Хочешь искупаться? Тогда спать нужно меньше. И кстати, мы зря не захватили с собой твой любимый диван...

– Почему любимый? – удивился Мишка.

Но Олечка уже надоело спорить с мужем. Она отвернулась и почти тут же заметила мокрую голову Сергея в толпе туристов. Олечка приветливо помахала ему рукой. Сергей ответил... Рядом с красавцем Сергеем стояла стройная Джоан и что-то весело объясняла туристам.

Олечка побежала к толпе... Туристы рассматривали фотографии только что сделанные Сергеем. Олечка восхищенно ойкнула: почти сюрреалистический подводный мир ост-

рова Аффа пестрел всеми цветами радуги.

Сергей подмигнул Олечке и протянул один из снимков. Огромные и плоские валуны на песчаном дне можно было принять за «диван». На «диване» сидела Джоан и ее улыбку не портил даже водолазный носогубник.

– Где это?! – простонала Олечка.

– Там... – Сергей махнул рукой в сторону мыса Капелька. – Чуть левее Крабьего рифа. Глубина не больше четырех метров. Далековато чуть-чуть, но такой красоты я еще нигде не видел...

Олечка мельком взглянула на часы... Ей предстояло сделать выбор: либо отправиться с Мишкой по только что услышанному «адресу» на морском дне, либо все-таки выбрать круиз, в который записались все остальные туристы...

2.

Мишка плыл сзади. В баллонах оставалось еще достаточно воздуха, когда Олечка наконец увидела место на снимках, которые показывал ей Сергей.

Она поманила рукой Мишку. Мишка кивнул и показал большой палец.

«Сама вижу, что здорово! – захотелось крикнуть Олечке. – Иди сюда, лежебока! – она снова взмахнула рукой и показала вниз. – Смотри!...»

Мишка понял все сразу. «Диван» стоял посреди роскош-

ных кораллов, словно в комнате. Разноцветные рыбки были похожи на выпущенных на волю попугаев.

Олечка приготовила фотоаппарат. Мишка сел на «диван».

«Ложись, так будет лучше, – Оля беззвучно засмеялась и провела ладонью по дну. – Ложись!..»

Мишка послушно лег... «Спинку» подводного «дивана» удерживал в вертикальном положении крохотный камень. Мишка задел его ногой и огромный, плоский валун-«спинка», падая вниз захлопнул ловушку словно гигантская раковина.

Олечка бросила фотоаппарат и рванулась к мужу.

«Нога!..» – на перекошенном от боли лице Мишки не было ни кровинки.

Олечка с ужасом смотрела на валун-«спинку». Поднять его вдвоем было практически невозможно. Молодая женщина сняла акваланг, отдала его Мишке, и с силой оттолкнувшись от дна, поплыла наверх к далекому, зеленому солнцу...

3.

Катер ушел час назад и все кемпинги были пусты.

– Да помогите же хоть кто-нибудь! – Олечка готова была заплакать от отчаяния. – Помогите!!..

Шум близкого прибоя заглушал ее голос. Мысли в голове путались, и Олечка никак не могла поверить в то, что она осталась на острове совсем одна.

«Спокойнее, спокойнее!.. – женщина впиалась зубами в кулак. – Нужно подумать... Ведь что-то же можно сделать!»

Она оглянулась по сторонам. Рядом с одним из домиков лежал небольшой ломик, спасательный круг и свернутый в бухту длинный и легкий гофрированный шланг...

Обратный путь по извилистой тропинке туда, за мыс Капелька, отнял у запыхавшейся Олечки еще двадцать минут. Прежде чем войти в воду, она привязала один конец шланга к спасательному кругу, а на втором закрепила водолазный носогубник. Эта примитивная и торопливая конструкция должна была «связать» дно и поверхность моря... Оля не могла придумать лучше. Ей нужно было спешить.

Плыть, опираясь рукой на спасательный круг, было легко... Но прежде чем нырнуть Олечка долго смотрела на яркое солнце и пыталась справиться с бурным дыханием. Там, внизу, в двух аквалангах уже практически не было воздуха...

4.

Сергей осторожно отошел от окна и сел в кресло. Тишина вокруг напоминала безмолвие морской глубины. В кемпинге было душно, но шум старого кондиционера мог привлечь чужое внимание.

Прошли долгие пять минут... Сергей вытер пот со лба и достал сотовый телефон.

– Дмитрия Борисовича, пожалуйста, – тихо сказал он.

– Его нет, – ответил далекий и бесстрастный голос.

– Тогда найдите его! – Сергей переложил трубку из одной мокрой от пота ладони в другую. – Скажите, что его беспокоят по поводу «курортного» контракта и оплаты за него...

– Дмитрия Борисовича больше нет... – голос в телефонной трубке оставался по-прежнему совершенно спокойным. – Он умер.

– Когда?!

– Вчера. Нелепая автокатастрофа... Простите, а кто вы?

Сергей выключил телефон и откинулся на спинку кресла.

Слюна во рту была горькой, странно похожей на морскую воду...

5.

...Валун удалось сдвинуть с помощью лома только на чуть-чуть. Дышать через шланг двум донельзя усталым людям было все труднее и труднее.

«Уходи! – Мишка показал рукой вверх. – Уходи сейчас же!...»

У Олечки кружилась голова. Она отобрала у Мишки ломик и сунула его под валун. Приподнять камень можно было только с помощью Мишки, но тогда ему не хватало только одного мгновения, чтобы вытащить угодившую в капкан ногу.

«Давай еще!.. – в шланг попадала морская вода, и Олечке

приходилось то и дело подавлять приступы тошноты. – Давай, ну что же ты стоишь?!»

Мишка взялся за ломик.

«Еще!.. Выше! – Олечка тянула и тянула камень вверх. – Ну же, еще!..»

Когда щель оказалась достаточно широкой для того, чтобы в нее можно было просунуть руку и на мгновение задержать валун, Олечка не задумываясь сделала это...

6.

Сергей вспомнил полное отчаяния лицо Олечки и вдруг почувствовал ноющую, холодную боль под сердцем.

«Они погибнут оба! – боль пульсировала и жгла как острая игла. – А контракт больше не нужен... Черт!»

Сергей быстро встал и потянулся к аквалангу на смятой постели. Его взгляд скользнул по часам на запястье.

«У них уже кончился воздух... – Сергей выронил лямки акваланга, и устало опустился в кресло. – Их обоих уже нет...»

Ловушку на морском дне Сергей готовил целый день. Он был профессиональным водолазом, но не очень-то верил в то, что именно эта ловушка сработает. Но тогда Сергей мог приготовить другую...

«Вот только контракт больше не нужен!»

Тут же пришла другая мысль: «А самое страшное то, что

уже поздно что-то изменить. Еще никому не удавалось победить время...»

Сергей не был убийцей... Он просто спасал близких ему людей. Он менял жизнь одного неизвестного ему человека на несколько жизней очень близких ему людей.

Холодная боль под сердцем стала чудовищной...

Сергей закрыл лицо руками и глухо застонал.

7.

Катер шел к материку и за прозрачной полосой тумана уже показался берег.

– ...Знаете, мне просто повезло. Когда Мишка вырвал ногу, он ударил меня по руке и валун только оцарапал мне кожу, – Олечка улыбнулась, рассматривая смущенное лицо Сергея. – Вот, посмотрите!.. – она протянула руку. – Правда, что было потом я уже не помню. Я пришла в себя, когда Мишка вытащил меня на берег. Меня постоянно рвало, и я даже не смогла перевязать Мишке ногу...

– И все-таки я ничего не понимаю, – Сергей попытался в ответ улыбнуться, но улыбка получилась довольно вымученной. – Кажется, вы что-то упоминали про шланг?

– Ну, да!.. Мы же дышали только благодаря ему.

Сергей чуть побледнел.

– Вы не могли делать этого, – тихо сказал он.

– Почему?

– Потому что когда тяжелый водолаз опускается под воду, ему качают воздух насосом. Понимаете?.. Представьте себе объем ваших легких и внутренний объем четырехметрового шланга. Вы дышали с мужем одним и тем же, уже отработанным в легких воздухом, и должны были погибнуть.

– Разве? – Олечка растерянно улыбнулась. – Но я просто не знала об этом...

– При чем тут знали или не знали? Это законы физики, понимаете?..

Сергей жадно всматривался в лицо Оли, словно пытался найти в нем какую-то очень важную разгадку. Женское лицо вдруг стало холодным, а в глазах загорелись неприязненные, отталкивающие огоньки.

– Чушь! – громко сказала Оля.

– Что чушь? – удивился Сергей.

– Все, что вы говорите! – холодные огоньки в темных глазах Оли стали похожи на звезды. – Ерунда это, какая ерунда, Боже мой!..

Она повернулась и побежала. А у Сергея звучало в ушах безостановочное «Боже мой!.. Боже мой!.. Боже мой!..»

8.

На корме катера никого не было. Сергей сидел в кресле и рассматривал пистолет.

«Любая игра должна быть честной. Боже мой, ты слы-

шишь меня?.. – он криво усмехнулся и взвел курок. – Эта девчонка спасла человека вопреки всем законам физики, но теперь пришел и мой черед. Кто спасет меня, Бог?»

Сергей поднял глаза и посмотрел на светлеющее небо. На какое-то мгновение ему показалось, что к нему вернулось прежнее чувство жалости и сопереживания к уже отчаявшейся найти помощь молодой женщине и ее мужу. Пальцы, поглаживающие вороненую сталь, дрогнули...

«Нет-нет!.. Там, в домике, я просто подумал о том, что контракт больше не нужен, – Сергей выпрямился и поднял пистолет. – Какая для меня разница, есть Бог или нет? Ведь я опоздал к тому, который есть и к тому, которого для меня никогда не было».

Он снова отчетливо вспомнил полное отчаяния лицо Оли. Боль внутри стала совсем другой – горячей и перемешанной со стыдом за практичную жалость и за те оправдания, которые он тогда придумывал для себя. Стыд стал сильнее боли... Стыд и горячее раскаяние не только за попытку убить человека, но и за сволочное холодное сострадание там, в домике, выжигали внутри все без остатка.

«А любая игра должна быть честной, Бог!»

Сергей нажал на спуск. Сухой щелчок осечки прозвучал как выстрел. Сердце дрогнуло и на какое-то мгновение человек с пистолетом умер...

На борт катера села чайка. Она громко крикнула и снова взмыла вверх.

Сергей вытер мокрое от пота лицо и проследил полет чайки. Она растаяла в небе, но человек в кресле еще долго смотрел на облака.

«Тебе виднее... – подумал Сергей. – И ты решил, Господи, что я все-таки успел. Успел именно сегодня, спустя сутки. Спасибо Тебе!»

Сергей резко встал и выбросил пистолет за борт. Возвращаясь в свою каюту, он столкнулся с Джоан. Женщина призывно улыбнулась ему. Сергей отвернулся и, войдя в каюту, с силой захлопнул за собой дверь...

Иуда

1.

Всю неделю Толику снились запахи. Запахи были самыми разными, начиная от упоительного «фимиама» жареного поросенка и заканчивая ароматом спирта, настоящего на сорока травах.

– Я готов! – Толик пригладил ладошкой упрямый хохолок на голове и отошел от зеркала.

Люся вязала в кресле.

– Мы никуда не пойдем, – не поднимая головы, сухо и твердо сказала она. – Я поссорилась с Наташкой.

Толик медленно опустился на стул.

– Как это поссорилась?! – его голос трагически дрогнул.

– Очень просто – на всю жизнь.

Домашние субботние вечеринки у Петровых продолжались весь октябрь. Годовщину свадьбы сменила целая серия дней рождений. Розовощекая теща Петровых, перегруженная сумками, с регулярным постоянством курсировала между городом и деревней.

Толик сглотнул слюну. Веселый праздник хмельного застолья испарился как дым.

– А может, ничего, а?.. – Толик умоляюще смотрел на жену. – Пошли!

Люся подняла глаза. У Толика было жалкое, растерянное лицо.

– Нет, – коротко и холодно бросила Люся.

Толик целую минуту тупо рассматривал телевизор в углу.

– Мне в гараж нужно, – наконец с трудом выдавил он. – Я, в общем... Я пойду.

Стараясь не смотреть на жену, Толик вышел из комнаты. В прихожей тихо хлопнула входная дверь.

Люся вдруг поняла, что сейчас заплачет.

«Сбежал, подлец! – мысль была жгучей, как крапива. – К Петровым ушел, иуда!..»

Люся бросила вязание и закрыла лицо руками.

2.

Сначала Люся не обратила внимания на звонок. Потом

она оставила в покое уже порядком покусанный кулачок и поплелась в прихожую. За дверью стояла улыбающаяся Наташка. Она держала перед собой поднос, прикрытый сверху большой салфеткой.

– А я к тебе! – Наташка весело подмигнула. – Пустишь в гости?

Люся растерянно улыбнулась в ответ и посторонилась.

– Ну, их, этих мужиков, – не теряя веселости, болтала Наташка. В комнате она сразу же принялась накрывать на стол. – Я по тебе соскучилась. Люсечка, милая, прости меня, пожалуйста, а?.. Иногда я такое ляпну, что потом сама удивляюсь.

Люся радостно кивнула.

– Я ведь тоже погорячилась... – она робко улыбнулась. – Правда?

– Правда. Только дура все-таки я, а не ты.

Люсе вдруг хотелось засмеяться от облегчения.

– Пить будем только чай, – Наташка потерла ладошки. – Я же знаю, ты терпеть не можешь ни вино, ни водку, ни самиздатовский самогон. Но тосты говорить будем и первый за тебя!..

Время летело совершенно незаметно. Женская болтовня была веселой, и часто перескакивал с одной темы на другую.

Наташка достала сигареты. Взглянув на закрытую форточку, она встала, подошла к окну, но, протянув руку к шторе, вдруг замерла.

– Посмотри, вон Толик сидит, как гриб под дождем. У нас уже вечеринка кончилась, а Толик домой боится идти.

Люся выглянула на улицу из-за плеча подруги.

Толик сидел на лавочке возле подъезда, подняв воротник легкого плаща. Он сильно горбился и немного кренился на бок.

– Правильно делает, что боится, – твердо сказала Люся. – Предатель!

– Ты знаешь, так нельзя, – Наташка мягко улыбнулась. – В конце концов, можно понять и простить любого человека.

– Даже этого иуду?!

– Иуду?.. – Наташка покачала головой. – Возможно, я и не очень хороший адвокат, Люся, но твоего Толика я смогла бы оправдать даже перед средневековой инквизицией.

3.

Холод пробирал до костей и тепло держалось только в желудке.

«В гараж пойти ночевать, что ли? – Толик нашарил в кармане пачку сигарет, и спички. – Околеешь тут совсем...»

Он оглянулся и тоской посмотрел на окна своей квартиры. На мгновение ему показалось, что за шторой мелькнула чья-то тень.

Толик поежился. Спички были мокрыми. Толик с трудом зажег одну и вдруг заметил, что у него предательски дрожат

руки...

4.

Лицо Наташки было строгим, как у судьи.

– Хорошо, давай во всем спокойно разберемся. Скажи, твой Толик виноват в нашей ссоре?

– Нет, – Люся пожала плечами. – Но какая разница виноват он в ней или нет?

– Не спеши!.. Итак, Толик узнал о нашей ссоре только перед уходом. Скажи, когда Толик уходил, ты знала, что он пойдет к нам?

– Да.

– Ты пыталась удержать его?

– Нет. Он же взрослый человек!

– Взрослый?.. – Наташка снисходительно улыбнулась. – Отлично! Теперь давай поставим самих себя на место твоего мужа...

Люся поморщилась и снова выглянула в окно. С высоты третьего этажа фигура на лавочке под дождем казалась маленькой и жалкой.

«Толик фуражку не надел, – механически подумала Люся. – Простудится еще...»

– Значит, обвинение не возражает? – Разгоряченное лицо Наташки светилось от азарта. – Итак, во-первых, я абсолютно уверена в том, что Толик очень ждал эту субботу. Очень

ждал, понимаешь?..

– Все равно он иуда, – перебила Люся. – Продал жену за кусок поросенка и стакан водки.

– ...Во-вторых, когда продают, то уже не надеются получить проданное назад, – тут же парировала Наташка. – Поступок Толика был импульсивен и похож на поступок ребенка. Маленький мальчик вдруг узнал, что ему нельзя идти во двор, чтобы поиграть с другими детьми. Но он так ждал этого дня!.. Прости меня, Люся, но ему было очень больно.

– А мне разве не было?! – возмутилась Люся.

– Тогда почему ты не предупредила его заранее о нашей ссоре? – Наташка внимательно смотрела на подругу. Этот взгляд вдруг показался Люсе пронизывающим и всезнающим. – Хочешь, я скажу почему? Ты упивалась своей обидой на меня и тебе была интересна только эта обида. А еще тебя раздражала радость Толика по поводу предстоящей вечеринки. Ты очень хладнокровно и заранее рассчитала свой поступок...

– Какой поступок?!

– Ты сознательно поставила Толика перед трудным выбором без подготовки.

– Чушь! – коротко бросила Люся. Она не выдержала взгляда подруги и отвернулась.

– Совсем не чушь. Ты когда-нибудь видела, как малыш тянет свою мать в магазин за плюшевым мишкой, а она рвет малыша за руку так, чтобы сознательно причинить ему боль?

Ты поступила так же.

– По-твоему Толик ребенок?

– Тут суть в другом, Толик он был готов к радости и именно поэтому он был похож на ребенка. Понимаешь мою логику, да?.. Ты думаешь, Толик сбежал от тебя?.. Нет! Он сбежал от твоей обиды на меня, потому что он не понимал ее, как не понимает осознано творимое зло любой малыш. А теперь ответь мне, кто из вас двоих иуда: Толик, который совершил пусть плохой, но бессознательный поступок и теперь сидит под дождем, обвиняя себя во всех смертных грехах, или ты, которая все рассчитала заранее и теперь здесь, в тепле, упиваешься своей моральной победой?

Люся опустила голову.

– Я ничего не рассчитывала... – глухо сказала она.

– Не верю! – Наташка не спеша, вытащила из пачки очередную сигарету. – Но сейчас, в сущности, страшна не твоя ложь, а то, что сейчас у тебя нет выхода.

Пауза получилось очень долгой.

Люка снова покосилась в окно.

– Почему нет выхода? – тихо спросила она.

– Потому что сейчас Толик и в самом деле чувствует себя последним иудой. Даже если ты откажешься от своей лжи, выйдешь к нему и попросишь прощения, он тебя не поймет.

– Почему?..

– Да потому что Толик уже взял всю вину на себя! – закричала Наташка. – Он будет смотреть на тебя огромными, из-

мученными глазами и не по-ни-мать тебя!.. Ты хладнокровно ждала, что бы предать его, и ты сделала это. Теперь Толик – иуда, ты – победительница, а победитель никогда не станет перед побежденным на колени. Но подумай... Подумай и тогда ты поймешь, что иуда – не Толик, а ты.

Люся тихо всхлипнула.

– Фуражка... – тихо и с трудом выдавила она из себя.

– Что?

– Толик без фуражки... Там на улице, – Люся покраснела от стыда. – Ты говоришь, что он не поймет... Наташенька, миленькая, пожалуйста, ну придумай что-нибудь!

Наташка чуть заметно улыбнулась.

– Прямо сейчас?

– А когда же?!.. Он же замерзнет!

5.

На балконе с силой распахнулась дверь, и до Толика донесся раздраженный и громкий голос Люськи. Ему отвечал резкий голос Наташки.

«Скандал, что ли?!» – Толик вскочил.

Не думая больше ни о чем, он бросился в подъезд. Дверь в квартиру была открыта.

– Она, видите ли, меня учить пришла, – красная от гнева Люся стояла в центре зала и грозно размахивала руками. – То же мне, умная нашлась!

Кроме жены в квартире никого не было.

Толик чуть не споткнулся на пороге.

– Что случилось-то?! – с трудом переводя дыхание, спросил он.

– Ничего, – Люся отмахнулась от мужа и снова обратила свой пламенный взор к открытой двери. – Пришла тут, понимаешь!.. Если я мужа к вам отпустила, то нечего меня за дуручку считать.

Тяжело посапывая, Люся осмотрела Толика с ног до головы.

– Толик, я тебя к Петровым сама отпустила, правда?

Толик покраснел до кончиков волос и опустил глаза.

– Ну, правда...

– Тогда чего она тут?!..

– Да кто, она-то?

– Наташка, – взгляд Люси застыл на лице мужа, – Кстати, Толик, ты, почему такой мокрый и синий?

– Я это... В гараж ходил, – Толик по извозчичьи похлопал себя руками по мокрым бокам. – Замерз, короче говоря...

– Зачем в гараж?

– Да чего там, у Петровых делать?.. Ну, выпил стакан и ушел. Мне кардан на машине менять нужно.

– Горе ты мое! – Люся подошла к мужу и стала снимать с него плащ. – Раздевайся немедленно, ведь простудишься, балбес. Лучше бы у Петровых сидел!

Наташка позвонила пол-первого ночи.

– Ну, как наш «концерт»? – весело спросила она. – А моя речь в защиту осужденного иуды? Теперь ты будешь знать, как связываться с профессиональным адвокатом. Я еще и не такое в нашем суде придумывала. У меня зал позавчера буквально стонал и плакал от восторга.

Люся всхлипнула.

– Наташ, у Толика температура под сорок.

– Простыл, все-таки?..

– Простыл. Я ему укол сделала. Легкие послушала – хрипов вроде нет. Может «скорую» вызвать?

– Люсь, ты же медсестра, а не я...

– А что я могу?! – вдруг повысила голос Люся. – Вдруг я ошибаюсь?

– Ну, я не знаю... – растерянно протянула Наташка.

– Ты ничего не знаешь! – раздражено перебила Люся. – Толик на лавочке чуть ли не час сидел, а ты тут языком трепалась. То же мне, гениальная адвокатша нашлась!..

– А почему ты на меня кричишь? – удивилась Наташка.

Ее голос стал сухим и строгим.

– А вот хочу и буду кричать!

Люся швырнула трубу и обхватила голову руками. Голова горела как в огне.

«Боже мой, да что же делать-то?! – с отчаянием подумала

Люська, – А вдруг Толик умрет? И на Наташку я опять накричала... А зачем? Господи, что со мной?!.. Завтра нужно пирожков испечь и к Наташке зайти... Помирился, наверное. А вот Толик...»

Люся посмотрела на мужа. Тот тяжело дышал и беспокойно водил руками по одеялу. По лицу Люси побежали слезы.

– То-о-олич-ка-а-а, ты мой!.. – тоненько и по-бабьи заголосила она – Про-о-остишь ли ты ме-ня когда-нибудь та-ку-ю-ю ду-ру-у?!..

Люся упала на грудь Толика и обхватила его руками за шею. Слезы лились неудержимым потоком. Они были горячими и жгучими до боли.

На столе снова зазвонил телефон, но Люся его не слышала...

Ласточка

1.

Из спрессованных осколков пакового льда торчали обгоревшие концы бревен. Второй пилот Сашка тер варежкой замерзший нос. Он то и дело посматривал на стоящую неподалеку тяжелую винтокрылую машину словно боялся потерять ее из вида.

– Подвижка льдов опаснее землетрясения, – первый пилот Витька Скворцов сидел на корточках и рассматривал найденные в снегу вещи. – Зимовка могла уйти под лед меньше,

чем за минуту.

– Но сначала она сгорела?

– Да.

– Слышь, командир, тогда плохо дело...

Старенький «МИ-8» уже казался Сашке едва ли не по домашнему уютным.

Витька поднял глаза.

– Люди живы, – он чуть улыбнулся. – Они ушли к устью Енисея.

– Две сотни километров?!

– Еще хуже сидеть без радиации и ждать неизвестно чего. Только там, куда они пошли, больше нет стойбища Каргына. Все ушли на юг с оленями... – Витька встал. – Нам пора. У нас еще время.

– Найдешь их тут!.. – ворчал Сашка. Он шел сзади командира и старался попадать след в след. – Один шанс из тысячи. «Если бы из тысячи...» – подумал про себя Витька.

В кабине вертолета было тепло и даже уютно. Подготовка машины к взлету заняла не больше минуты.

– База, я – «Ласточка»!..

– Ну?.. – голос в наушниках казался далеким и безразличным. – Что там у вас?

– Зимовщики живы. Нужно искать.

– Ищи, «Ласточка», ищи... Кстати, сколько их там, на этой зимовке, было?

– Восемь человек.

– Отчет потом сам напишешь. У меня на мрачные бумаги рука слишком тяжелая.

Витька поморщился и излишне резко поднял вертолет в воздух...

2.

– Вкусно?.. – Олечка жалобно смотрела на мужа и, судя по всему, была готова к худшему.

– Вкусно, – соврал Витька.

Котлеты покрывала горелая и основательно просоленная корка. Олечка покраснела.

– Витечка, мне же диссертацию писать нужно, понимаешь?..

– Понимаю, – Витька с усилием проглотил очередной кусок. – Трудно?..

– Очень! Представляешь, мне необходимо прочитать минимум две книги в день, – лицо молодой женщины ожило. – У меня уже голова болит от этих формул!..

Виктор слушал молча. Завершая ужин, он покосился в сторону мойки. Из горы грязной посуды выглядывала ручка сковородки. Она была чем-то похожа на торчащее изо льда обгоревшее бревно.

– Иди, работай, я вымою посуду сам, – перебил жену Витька.

– Ой, спасибо, солнышко мое, – Олечка поцеловала его в

щеку. – Кстати, ты не устал сегодня?

После пятичасового полета у Витьки сильно болели глаза.

– Нет, не устал. И не забудь поставить будильник на пять часов.

– Опять так рано?

– Пока доберусь до аэродрома, пока подготовим машину... Время! А теперь уходи и не мешай, – Витька мягко выставил Олечку из кухни.

Прежде чем приступить к работе, он долго курил и вдруг поймал себя на мысли, что не может оторвать взгляд от ручки прокопченной сковороды.

3.

Пятно на снегу оказалось тушей убитого белого медведя.

– А зачем они его, а?!.. – удивился Сашка.

Витька рассматривал следы. Их почти не было видно, но Витька был упрям, как начинающий сыщик. Ему удалось найти фантик от конфеты.

– Медведь бежал за маленьким человеком. Тут следы маленькие, видишь?.. Вон там человек упал... – Витька показал на ничего не значащую для Сашки ложбинку. – В медведя стреляли почти в упор те, кто бежал навстречу маленькому человеку.

– А за каким чертом этого маленького идиота понесло к медведю?! – удивился Сашка.

– Действительно любопытный факт, – Витька наморщил лоб. – Тем более, если учесть, что люди прошли больше сотни километров и порядком устали.

– Медведя жалко.

– Жалко, но человек все-таки дороже. И мы все-таки нашли их дорогу, Сашка...

Через несколько минут «Ласточка» сообщила на базу результаты поиска.

– Легче найти иголку в стоге сена, чем восемь человек среди сопок, – сказал далекий голос в наушниках.

«Ласточка» промолчала в ответ и еще через пару минут снова поднялась в воздух...

4.

...Лицо Олечки украшал небольшой синяк под глазом.

– Витечка, уверяю тебя, абсолютно ничего страшного! – она улыбалась. – Просто я немножко подралась с Верочкой. Кстати, у нее и синяк больше.

Витька осел на стул.

– Так, дальше что?

– А потом мы помирились и пили чай. Понимаешь, у Верочки нервы и нет мужа. Она даже плакала. А потом Верочка призналась, что немножко завидует мне.

– Еще раз не подрались?

– Ну, вот, опять ты смеешься! – Олечка капризно помор-

щилась. – Как ты не понимаешь, Верочку пожалеть надо.

Витька замер.

– Что-что? – быстро переспросил он.

– Пожалеть!

Витька сунул в рот сигарету и отошел к окну.

– Ты ужинать будешь? – спросила Олечка.

– Да... Я сейчас.

Витька смотрел на темную «Тойоту» возле дома Верочки и думал. Занесенная снегом машина была похожа на медведя. Она принадлежала командиру Витькиного отряда Виктору Петровичу Попову.

Олечка загремела посудой на кухне.

Витька вспомнил, что всегда сдержанный и интеллигентный Виктор Петрович уже трижды за последние полгода радостно сообщал друзьям о своей будущей свадьбе. Потом он вдруг мрачнел и заявлял, что свадьба переносится.

– Витечка, ты любишь чебуреки?! – донеслось из кухни.

– Да, а ты умеешь их готовить?

– Между прочим, я очень стараюсь!

«Это единственное мое утешение», – решил Витька и поплелся на кухню.

5.

...На втором часу полета Виктору все-таки удалось найти протоку, по которой пошли зимовщики.

– А как ты догадался, что кто-то из них провалился в полынью? – прокричал Сашка в ухо командира.

– Там быстрое течение и рыхлый морской лед. Кроме того, чтобы отогреть человека, нужно развести костер. Видишь, там, у берега темное пятно?.. А еще мокрые следы темные. Их видно... Усек?

Снежная поземка «оттеняла» следы и делала их фотографически четкими.

– Ага, – Сашка кивнул. – Волокли они его, что ли?..

– Похоже... А вон там уже несли на руках.

Витька хорошо знал место, о котором говорил. Тонкий лед рядом с полыньей был прозрачным и зеленым. И если человек хорошо всматривался в него, то он мог увидеть мир похожий на удивительно красивый аквариум.

«Ласточка» пошла вниз по протоке, но безликое и огромное пространство было похоже на чистый лист бумаги...

6.

Олечка плакала, как ребенок. Витька сидел в кресле и ел вчерашний чебурек.

– Не реви, это глупо.

– Деньги жалко!..

– Не у тебя первой свистнули кошелек.

Холодные чебуреки оказались вполне съедобными. Правда, еще вчера Витька с трудом смог справиться лишь с од-

ним.

Олечка смотрела на мужа огромными, доверчивыми глазами и ждала чуда.

– Не горюй, проживем как-нибудь, – Витька улыбнулся. – Мне за лишние полетные часы премия полагается. Кстати, ты зачем на рынок поехала?

– Хотела купить тебе свитер, – Олечка робко улыбнулась в ответ. – А потом я стояла у витрины «Моя прекрасная леди» и смотрела на туфельки...

– Тогда и сперли кошелек?

Олечка подавила вздох.

– Ну и шут с ним! – отмахнулся Витька. – Кстати, очень есть хочется. Что у нас на ужин?

Олечка удивленно заморгала глазами.

– Как что?... – и уже упавшим голосом добавила. – Чебуреки же...

Витька посмотрел половину недоеденного чебурека на тарелке и вдруг почувствовал изжогу.

– Я пожарю яичницу, – сказал он. – Что у нас в холодильнике?

– Витечка, но я ведь так и не успела дойти до рынка!..

7.

...Следы на снегу были совсем свежими.

– Чертовы загадки! – ругался Сашка. – Командир, они

могли и сами сжечь свою палатку.

– Зачем?

– Наверное, увидели вертолет. Тут недалеко трасса на Истру. Хотели подать сигнал.

– Может быть, – Витька подбросил на ладони пустую, покрытую инеем гильзу от ракетницы. – Но это очень далеко. И глупо жечь ради сигнального дыма свое единственное спасение от холода, – Витька ковырнул ногой почерневший от копоти снег. – Остается надеяться, что они не могли далеко уйти.

Припорошенные снегом следы саней вели точно на юг.

– Через час стемнеет, а ночью метеорологи обещали пургу. – Сашка с надеждой ждал возражения командира.

– Если они ушли не дальше, чем на двадцать километров, завтра мы их найдем.

– А если дальше?

Витька ничего не ответил и пошел к вертолету...

8.

В квартире было подозрительно темно и тихо. Витька снял летнюю куртку и прошел в зал. По пути он чуть было не опрокинул стул. Олечка лежала на диване и тихо стонала.

– Ну, что у нас на этот раз? – Витька присел рядом.

– Понимаешь, я купила микроволновую печь... – начала Олечка.

– Подожди, еще вчера у тебя украли все деньги, – напомнил Витька.

– Я одолжила у Верочки. Кстати, ты слышал, что она выходит замуж?

– Я слышу об этом уже полгода. Итак, ты купила «микро-волновку». Что дальше?..

– Короткое замыкание... – голос Олечки трагически дрогнул. – Витечка, меня током ударило вот тут, а еще вот тут...

Женщина перевернулась на живот и показала на округлое место ниже талии.

– Это не удар током, а целое избиение. Зачем ты включала эту игрушку без меня?

– Я хотела сделать тебе сюрприз.

– Лучше бы ты впервые в жизни приготовила нормальный ужин.

– А я что, по-твоему, хотела сделать?! – Олечка приподнялась на локте. В голосе молодой женщины легко угадывались возмущенные и даже трагические нотки. – И я думала, что ты мне посочувствуешь!..

– Я лучше молча перетерплю.

Витька встал и направился к потрескивающему электрическому счетчику...

9.

Посадить вертолет на крохотном «пяточке» между валу-

нов мог только Витька.

У зимовщиков был донельзя измотанный вид. Семеро из них бросили легкие, алюминиевые сани и брели к вертолету, не глядя друг на друга.

– Где она? – Витька остановил самого рослого парня.

– Кто?

– Ваша девушка. Ну, эта... Которая с конфетами от медведя бегала.

– Там... – парень кивнул в сторону саней. – Сигареты есть?

Витька отдал парню всю пачку и пошел к саням. У лежавшей на них молодой девушки были огромные, широко распахнутые голубые глаза. Она бредила и не видела склонившегося над ней Витьку.

– У нее воспаление легких, – мужчина возле саней судорожно закашлялся. – Но она успела заметить ваш вертолет... Она единственная, кто еще мог смотреть в небо. У нас остался еще один патрон для ракетницы.

– Вы ее муж? – Витька перевел взгляд на мужчину.

– Да, но теперь бывший, – мужчина отвернулся. – К черту!.. Я все уже решил.

– В общем, так, парень, слушай меня внимательно, – Витька строго посмотрел на мужчину. – Если бы твоя жена не вздумала накормить медведя конфетами, если бы она не провалилась в прорубь, рассматривая рыбок, если бы она не сожгла вашу палатку при помощи ракетницы и если бы вы на-

легке ушли слишком далеко от вашей вчерашней стоянки, я бы просто не нашел вас. Понимаешь?..

– Но она же и заставила нас пройти через весь этот ад! Это она спалила нашу зимовку как спичку!

– Приехала в гости и решила порадовать ужином? – Витька улыбнулся.

– Откуда вы знаете?

– Знаю, у меня ведь дома тоже... – Витька потер лицо, сгоняя с него улыбку. – Кстати, если бы зимовка не сгорела, вы все ушли бы под лед вместе с ней.

– Что?!..

Парень осел на сани.

– Кури, балбес! – Витька протянул запасную пачку сигарет. – Твоя жена спасала вас всех раз за разом... Каждый день.

Сани к вертолету тащили Витька и Сашка. Обессиленный муж едва поспевал следом.

– Тяжелые, черт!.. – сетовал Сашка.

– Лучше такие, чем ничего... – Витька остановился и поправил веревку на плече. Неожиданно он засмеялся, – Это же, как страховой полис, Сашка!.. Шанс на жизнь!

10.

– «Ласточка», «Ласточка» моя, ты где?!.. – в наушниках звучал бодрый и веселый голос Олечки. – «Ласточка», отзо-

вись!

Витька с трудом держал перегруженную машину на курсе. Мешала начинающаяся пурга...

– Олька, ты, что на базе делаешь?!

– «Ласточка», ты обед свой забыл.

Витька улыбнулся.

– Пока ты его довезла, он, наверное, в кусок льда превратился.

Голос Олечки вдруг стал далеким и неразборчивым.

– Прекратите болтовню в эфире и освободите мое место!.. – твердо сказал возмущенный казенный бас. – На секунду, понимаешь, отойти нельзя.

– Паша, а ты кури поменьше в коридоре, – посоветовал Витька.

– Это мое личное дело, – не теряя официального пафоса, сказал бас. – Кстати, на счет своего обеда вы можете не беспокоиться. Вам его доставили вместе с микроволновой печью... – голос вдруг дрогнул. – Вот черт!.. Не толкайтесь же... И еще... В общем, вам просили передать, «Ласточка», что вас очень-очень ждут дома!

Ненависть и пустота

Что я чувствую?..

Только одно – звериную, нечеловеческую ненависть.

... Руки хватают куски разваливающегося самана, ка-

кие-то дрова, и гораздо реже рыхлые, самодельные кирпичи. Эти кирпичи в налипшей и сухой соломенной трухе, как в каше. Все летит в сторону...

Быстрее, быстрее!..

Рядом суетится Сашка. Он уже рассадил руку об осколок стекла и кровь брызжет мне в лицо.

Быстрее, еще быстрее!..

Нет ничего кроме звериной ненависти. Потому что там, под рухнувшей саманной стеной и крышей, кричит ребенок.

Быстрее!..

Шагах в трех – рослый, гибкий парень в полосатой, армейской майке. Он – ближе всех к обвалившейся крыше.

Парень оглядывается и кричит:

– Оглоблю какую-нибудь дайте, суки!

И у него на лице тоже ничего нет кроме ненависти.

Мы приехали с Сашкой к его теще пару часов назад. Ее соседи в это время привезли бревна. Одно, шестиметровое, скатилось и ударило в стену их очень старого и огромного дома. Сначала рухнула стена, потом крыша, потом, на нее, еще одна стена. Чтобы добраться до крыши и попытаться поднять ее, нам нужно расчистить завал.

– Уйди, падла!.. – зло кричит на меня Сашка.

Мы уже сильно мешаем друг другу. Много пыли... Почти ничего не видно. Суета, крики, громко плачет молодая женщина. Ее тянут за руку, но она тут, рядом.

И снова оттуда, из под завала, – детский крик, крик,

крик...

Этот крик рождает в нас только одно – всеобщую, всепожирающую ненависть. И больше нет ничего, даже боли. Только ненависть.

– Быстрее, быстрее!!..

Кто приносит крепкое, длинное бревно. Это – рычаг. Мы приподнимаем крышу. Детский крик оттуда, из угла... И до него не добраться просто проломив старый шифер.

– Еще!!.. Навались!

Рычаг-бревно приподнимает балку крыши и трещит.

– Еще!

– Руку убери, сучара!

– Еще!

И детский крик, крик, крик...

Кто-то кого-то толкает и тот падает... Пыль... Едкая, до рвоты.

– Еще!

Парень в полосатой майке ныряет под приподнятый угол крыши.

Бревно-рычаг снова страшно трещит на изломе.

У Сашки белое, как мел лицо. У него не глаза – тьма.

– Держи бревно, скотина!

Это, кажется, я крикнул... Тяжело! Бревно неудержимо тащит в сторону.

Парень в полосатой майке вытаскивает маленькую девочку лет трех. Мелькает ее платице, потом, как из-под

земли, вырастает женщина и заслоняет ее своей спиной.

Все!

Скрип и грохот... Это рушится брошенная крыша. Удушьящее облако пыли.

Все...

Усталость... Она появляется неожиданно и давит на плечи словно свинцовая плита. Мир вокруг меняется, тускнеет и темнеет. Это как обрыв киноплёнки и ты сидишь один в темном и пустом зале.

Я так сильно выжат, что мне все безразлично... Я иду туда, к колодцу. Пью из ведра и вода льется в меня... В пустоту, как в бездну.

Рядом – Сашка.

Он тянет руки:

– Дай мне...

Он – моложе и меньше устал.

Я сажусь на груды бревен.

Сашка жадно пьет... Потом какая-то женщина торопливо перевязывает ему руку.

Я смотрю в землю... Дыхание постепенно успокаивается. Внутри пустота... Ни фиги нет. Никаких чувств. Курю... Снова хочется пить.

Сашка тянет мне ведро с водой:

– На!..

Он уже улыбается. Выносливый же, черт!

Кто-то громко говорит:

– Жива, Леночка, жива. Только ручку сломала.

На моей шее болтается разорванная цепочка... Крестик не соскользнул только потому, что помешал замок цепочки. А ее второй конец зацепился где-то там, за спиной, за майку.

Пустота... Слегка тошнит. И одна пустота внутри.

Шепчу про себя молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня!»

Пустота... Пустота ужасающая... Темная, как бездна. И как смерть.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня!»

Сашка садится рядом.

Он говорит медленно, растягивая каждое слово:

– Ой, мля, устал...

Я пытаюсь снять цепочку. Но она крепко зацепилась. Кроме того, пальцы в ссадинах и порезах... Сашка хочет помочь, но у него перевязана правая ладонь. Ладонь чисто вымыта и поэтому она белая, словно не живая.

Пустота. Неестественная... Выворачивающая.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня!»

– Пошли, водки выпьем, балбес, – говорит Сашка.

– Ща-а-а...

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня!»

Руки дрожат...

– У тебя физиономия, как у идиота, – Сашка гыгыкает.

Его лицо расплывается в удивительно доброй и просто-душной улыбке.

Я морщусь:

– Козел, ты, Саш... Отстань! Уморился я просто.

Мы идем к дому Сашкиной тещи. Я кладу цепочку и крестик в карман.

Пустота! Она убивает меня каждую секунду... Я не понимаю, почему я еще жив. Я снова и снова шепчу про себя молитву вслед удаляющемуся Богу: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня!»

Я уже не помню ненависти... Точнее, она – как ожог. Как корка какая-то... И бездна... Бездна там, под коркой. Нет ничего – никаких чувств... И ни капельки тепла.

Но Бог простит и ненависть, и пустоту.

Очень скоро...

Простит!

Нет, я не верю...

Я просто знаю.

Озеро Мбанго

1.

У посетительницы было спокойное и удивительно красивое лицо. Но она и явно нервничала, это было заметно по тому, что она не назвала своего имени, и сразу перешла к делу.

– Знаете, мне проще рассказать вам все с самого начала, – женщина закурила и откинулась на спинку кресла. – К сожа-

лению, вы не первый специалист, к которому мне пришлось обратиться.

– Проще было сразу прийти ко мне, – улыбнулся Мишка.

– Возможно. Но я не думаю, что вам понравится история с примесью мистики, – молодая женщина хладнокровно улыбнулась в ответ. – Короче говоря, год назад я и один мой знакомый посетили Замбезию. Это был довольно крутой вид отдыха без пяти звездных отелей. Впрочем, в африканской саванне есть своя прелесть. Нас просто несло один черт знает куда... – по лицу женщины скользнула тень. – Тогда мне нравилось рассматривать львов из джипа или купаться в речке Охо, после которой на теле остается золотая пыль. Однажды, вопреки желанию нашего проводника, мы посетили племя ндари. Название этого народца было не таким коротким, и я запомнила только первое слово. Целиком его можно было перевести, как «люди черного колдуна». К тому времени я уже успела здорово поссориться со своим богатым другом. Мы провели в гостях у колдунов-ндари только одну ночь. Я спала одна в хижине и, мягко говоря, была не совсем трезва. Утром я нашла на своем плече вот эту татуировку...

Женщина расстегнула легкую кофточку и обнажила плечо.

«Стерва», – почитал немного ошарашенный Мишка. Большие буквы состояли из замысловато переплетенных, зеленых змей.

– Вообще-то, за такие шутки быют физиономию, – неволь-

но заметил Мишка.

– Что я и сделала. Правда, тут же получила сдачи. Мой уже бывший друг был уверен, что я не уйду от него с таким клеймом. Он по-своему любил меня... А мне следовало бы держаться от такой любви подальше. Я вернулась, нашла вождя племени ндари и предложила любые деньги лишь бы избавиться от татуировки. Знаете, что он мне сказал?..

Пауза получилась довольно длинной.

– Ну и что же? – наконец осторожно спросил Мишка.

– От татуировки нанесенной ндари смог избавиться только один человек. Это была женщина соседнего племени. Она искупалась в водах озера Мбанго и смыла ее.

– Похоже на легенду.

– Да, тем более что никакого озера Мбанго не существует... Его просто нет! – Женщина нервно загасила сигарету в пепельнице. Ее голос стал глухим и тихим: – Знаете, мне всегда нравилось быть очаровательной стервой и получать от жизни то, что я хочу. Мне двадцать девять лет и я не думаю, что хотя бы одну минуту я провела как-то иначе. Но теперь я встретила очень доброго и удивительно родного человека...

Женщина замолчала.

– Как вас зовут? – спросил Мишка.

– Лариса. Поймите, если вы не сможете помочь мне...

– Я постараюсь, – Мишка встал. – Прилягте, пожалуйста, на кушетку и я попробую определить состав красителя вашей татуировки.

Передвигаясь по собственному кабинету, Мишка казался громадным и неуклюжим. Протез на левой ноге ниже колена громко топал по полу.

Лариса легла на кушетку и закрыла глаза.

– Перестаньте кусать губы, от этого вы не станете более симпатичной, – попробовал пошутить Мишка. – Ну-с, а теперь посмотрим, чем орудуют африканские колдуны...

2.

Володя явно нервничал.

– Лариса, я ничего не понимаю, – он говорил настолько громко, что прохожие оглядывались и смотрели на странную парочку на парковой скамейке.

Лариса старалась не смотреть на лицо Володи.

– Мне нужно время... – глухо сказала она.

– Зачем?

– Хотя бы затем, что я еще ни разу в жизни не была в загсе, – Лариса попыталась улыбнуться. – И не кричи так!.. Хочешь, я поглажу тебя по головке, и ты успокоишься?

– Я не ребенок.

– Нет, Володя, ты большое дитяти, хотя и заканчиваешь докторскую диссертацию. Кстати, мне очень нравится смотреть, как ты работаешь дома. Я даже научилась вязать, представляешь?

Тяжелая, мужская рука легла на колено Ларисы.

– Нет!.. – молодая женщина безучастно отвернулась в сторону.

– Почему нет?

– Потому что я люблю тебя, Володя... Я очень-очень люблю тебя и не хочу потерять.

– Но я опять ничего не понимаю.

– Вечером я прочитаю тебе сказку про Царевну-лягушку. Кстати, учти, ей тоже нужно было время, чтобы расстаться со своей лягушачьей кожей.

Лариса улыбнулась. У нее сильно болело плечо. Татуировка наделила ее как раскаленное клеймо, но молодая женщина уже давно научилась улыбаться, преодолевая и душевную и физическую боль.

3.

У Федора Степановича была добродушная физиономия пирата в отставке.

– Мишка, я учил тебя своему ремеслу шесть лет, – старик лукаво прищурился. – А ты вдруг приходишь ко мне и говоришь, что не можешь справиться с татуировкой сделанной безграмотным африканским колдуном.

– Федор Степаныч, все не так просто. – Мишка почесал затылок. – У меня друг работает в институте физической химии. Так вот, «чернила», которыми сделана татуировка, похожи на сок какого-то ядовитого растения. Они окрашивают

практически всю живую клетку, но не только кожи. Понимаете?.. Судя по всему, они проникают в глубину.

Старик насмешливо фыркнул.

– Миша, я провел на зоне почти четверть века. Мне пришлось повидать там таких мастеров-«колдунов», какие не приснятся тебе и в страшном сне. Когда шесть лет назад ты пришел ко мне, громыхая казенным протезом и кучей орденов, я надеялся, что вижу умного человека. Тебе удалось вырваться из жуткой мясорубки, потеряв только часть левой задней лапы. Но теперь добрый доктор Айболит собирается ехать в Африку. Зачем?..

– Я попробую найти племя ндари.

– Понимаю, тебе платят. Это хорошо... – старик кивнул. – Но ты сказал, что озера Мбанго не существует.

– В любой легенде можно найти часть правды.

– Как и любом приговоре суда, – перебил старик. – Миша, тебе нужно было оторвать и вторую лапу, чтобы ты перестал быть Айболитом. За все время своей работы ты не сделал ни одной татуировки, а только помогал клиентам избавляться от них. И почему ты только не служил в лагерной охране?..

Федор Степаныч вздохнул и не без доброго сожаления посмотрел на Мишкино лицо...

4.

Разговаривая по телефону, Лариса смотрела, как за окном

падает первый снег...

– Я не знаю, когда я вернусь, Лариса, – голос Мишки звучал не уверенно.

– Месяца вам хватит?

– Боюсь, что нет. Вы смотрели телевизор?.. В Забезии сейчас идет гражданская война.

– Хорошо.

Лариса положила трубку. Почти сразу раздался очередной звонок. Женщина протянула руку, но тут же отдернула ее.

«Это Володя», – она вдруг почувствовала, как сильно закололо под сердцем.

Лариса бессильно опустилась в кресло и, кусая губы, долго смотрела на не умолкающий телефон. Рядом с ним лежала упаковка с сильным снотворным. Лариса уже полгода не могла уснуть ночью из-за сильной боли в плече. Эта боль убивала, как может убивать только яд.

Женщина медленно взяла в руки коробочку лекарства и открыла ее. Горсть таблеток на ладони была похожа на грудку безобидных пуговиц из маминой шкатулки.

Лариса сжала таблетку в кулаке и вдруг поняла, что плачет.

«Володя, любимый мой, родной мой, прощай! – слезы были настолько горячими, что жгли лицо. – Озера Мбанго нет... И ты никогда не сможешь простить меня!»

Лариса уткнулась мокрым лицом в сжатые кулаки и зарыдала навзрыд. Телефон на мгновение смолк и зазвонил сно-

ва. Лариса почувствовала, как по ее рукам бегут слезы. Она почувствовала губами их соленый вкус и горечь.

«Володя, любимый мой, родной мой, прости меня!..»

Боль под сердцем стала огромной, всепоглощающей и похожей на черную бездну. Бездна манила к себе и казалась единственным спасением. Ларисе стало трудно дышать. Она рванула кофточку мокрыми от слез руками.

«Озера Мбанго не существует...»

Существовала только бездна и боль. Слезы бежали неудержимым потоком. Они заливали грудь и руки... На какое-то мгновение Ларисе показалось, что ей стало легче.

«А может быть... – мелькнула робкая мысль. – Нет! – тут же оборвала ее Лариса. – Озера Мбанго нет!»

Женщина поднесла ко рту крепко сжатый кулак, раскрыла его и уже ни о чем, не думая, проглотила таблетки.

5.

– Ты пойми, парень, головорезы, которые рвутся сейчас в Камбанаи с севера, самые обыкновенные фанатики. Ты видел, во что они превратили город? – у мужчины в рваной рубашке было злое и растерянное лицо. – Вчера мы два раза попадали под артобстрел, но так и не смогли пробиться к старому зданию посольства. Там у нас остались женщины и дети. А ты мне рассказываешь сказки про какого-то старика из племени ндари.

– Он обещал придти... – наверное, у Мишки был виноватый вид.

– Кстати, вообще-то я – посол. Меня зовут Виталий Сергеич, а ты кто?

– Я так... Я по личным делам, – Мишка окончательно смутился.

– Значит, старик должен был прийти, да? – Виталий Сергеевич потер лоб, собираясь с мыслями, и махнул рукой вдоль разрушенной улицы. – Он мог прийти только к старому зданию посольства.

– Я пойду с вами.

– Ты хоть воевать-то умеешь? – взгляд Виталия Сергеевича скользнул по Мишкиному протезу.

– Справлюсь как-нибудь.

– Тогда валяй, если тебе жизнь не дорога.

Посол потерял к Мишке всякий интерес и отошел к группе солдат из охраны посольства. Те молча смотрели, как по улице отступали правительственные войска.

– Значит так, – Виталий Сергеевич вытер рукавом грязное от пыли лицо. – Снова короткими перебежками и снова нужно держаться левой стороны улицы. Она не простреливается артиллерией. Только на этот раз мы должны дойти. Это наш последний шанс...

Мишка подобрал брошенный автомат и проверил обойму.

– Сказал бы, мол, за Родину, ребята, да далеко Россия, – пошутил Виталий Сергеевич. – Но отступать все равно не

куда. Пошли, что ли?..

Под ногами скрипели битые кирпичи и стекло. Мишка шел сзади всех. И, тем не менее, именно он успел снять с крыши старого посольства снайпера «северян» так и не успевшего сделать ни одного выстрела...

7.

Больницы уже не было видно. Володя шел медленно, бережно поддерживая Ларису под локоть.

– Как ты себя чувствуешь?

– У меня немного кружится голова... Но это скоро пройдет, – Лариса старалась не смотреть на улыбающееся лицо Володи. – Кстати, ты зря это сделал.

– Что?

– Выбил дверь и отвез в меня в больницу.

– Ты собираешься повторить попытку?

– Конечно, нет... Но мы все равно должны расстаться. Я сделаю так, что ты уйдешь сам.

Володя взял в ладони руку женщины и коснулся ее губами.

– Лариска, ты все-таки дура...

Женщина отстранилась. Она сняла куртку и расстегнула несколько пуговиц на блузке.

– Правда, очень жестока, Володя. Маленький мой!.. Тебе уже пора подрасти и принять мир таким, какой он есть. Те-

перь смотри.

Володя, удивленно моргая глазами, рассматривал обнаженное женское плечо.

– Ну? – наконец спросил он. – И все, что ли?..

– Читай!

Володя пожал плечами и осторожно развернул крохотную бирку на шве блузки.

– Мейд ин Италия... Дальше я не могу, тут слишком мелко написано.

Лариса осторожно скосила глаза... Татуировки на плече не было.

8.

– Значит, по личным делам сюда приехал? – Виталий Сергеевич положил автомат на пол, и устало присел рядом с Мишкой.

– По профессиональным, – уточнил Мишка.

– А-а-а!.. – Виталий Сергеевич улыбнулся. – То-то я смотрю, ты стреляешь как полубог на олимпийской охоте. Много воевал?

– Пришлось много...

– Старика-то своего нашел?

– Нашел. Только он ранен был, умирал уже... – Мишка безразлично рассматривал разбитый протез и перебинтованную ногу. – Мне помогла ваша переводчица. Старик сказал,

что озеро Мбанго вышло из берегов.

– Здесь нет такого озера.

– Есть...

– Где?

Мишка отвернулся и посмотрел в окно. Там был полуразрушенный город. На улицах лежали убитые люди.

Виталий Сергеевич проследил взгляд Мишки.

– У нас нет шансов вырваться отсюда, – сказал он.

– Есть.

– Что?.. – Виталий Сергеевич быстро взглянул на покрытое пылью и кровью лицо Мишки.

– Главное, это снайперы, – Мишка говорил спокойно, словно подводил итог уже сделанной работе. – Их трое. Если вы поможете добраться мне до окна на последнем этаже, я справлюсь с ними. А пока остальные головорезы не уберут подбитый танк от посольства, им нет пути вперед. Вы видели пару целых «джипов» в гараже?

– Видел. Но нас расстреляют, как только мы вырвемся за ворота.

– Я вас прикрою... Эти сволочи будут брить свои бороды об осколки стекла на асфальте.

– А ты?

– Мне все-таки оторвали вторую заднюю лапу... Но как заметил бы один умный старик, слишком поздно, – Мишка слабо улыбнулся и порылся в кармане. – Вот эту записку отдайте одной женщине... Адрес я написал.

– Это все?

– Все. А теперь помогите встать.

... Через час из стен горящего российского посольства вырвались два «джипа». Редкие выстрелы по ним ушли впустую и быстро смолкли. Но те, кто сидел в машинах, еще долго слышали сзади отчаянную перестрелку...

9.

Звонок в дверь был долгим и настойчивым.

– Здравствуйте. Простите, вас зовут Лариса?

У незнакомца был представительный вид. Лариса молча кивнула.

– Вот... – незнакомец протянул небольшой клочок бумаги. – Это от Миши.

Лариса взяла записку.

– Там все написано и нечего больше вам сказать, – мужчина немного грустно улыбнулся и старомодно приподнял шляпу. – Всего вам доброго!

Прежде, чем закрыть дверь Лариса нервно развернула записку.

«Вы должны сами найти озеро Мбанго. Правда, когда я вспоминаю ваше лицо, я почти не верю, что вам удастся сделать это, – кривые, неровные строчки вдруг заплясали в белом тумане. – Вас ждет очень трудная дорога, Лариса. Мне остается только пожелать вам удачи. Прощайте!...»

Лариса привалилась спиной к стене и долго стояла, снова и снова перечитывая записку...

10.

– У нас гости? – Володя что-то быстро писал и даже не поднял головы.

– Нет, просто перепутали адрес... – Лариса села на диван и взяла вязание.

Володя отложил авторучку и сладко потянулся.

– Знаешь, чего я боюсь больше всего на свете? Наверное, тебе скучно со мной.

– Что ты, Володенька, – Лариса засмеялась. – Петельки и узелки из шерсти это самое увлекательное занятие в жизни.

– Летом мы поедem куда-нибудь отдохнуть. Куда ты хочешь?

– Только не в Африку.

– Почему?

– Когда-нибудь, любимый, я расскажу тебе сказку о волшебном озере Мбанго. Один человек сказал, что туда ведет очень трудный и длинный путь. Но однажды я все-таки нашла туда дорогу и искупалась в этом озере.

– Ты была сказке? Интересно, как тебе удалось это сделать. Расскажи!

– Перебьешься. У каждой женщины должна быть тайна.

– И как долго ты собираешься хранить ее?

Лариса улыбнулась.

– До тех пор, пока ты рядом, мой любимый!..

Последний рубеж обороны

1.

Дима был толст и неуклюж. Особенно сильно это подчеркивал контраст между ним и молодыми, спортивного сложения парнями.

Подземное помещение тира было гулким, как коридор бомбоубежища.

– Пожалуйста, отойдите немного от мишени, – попросил инструктор.

Ближе всех к картонному человеку с черно-белыми кругами на груди стоял Дима. Он шагнул в сторону и тут же уперся грудью в чье-то плечо.

Лицо инструктора было сухим и бесстрастным, как лицо кино ковбоя. Если бы не седые волосы и пронзительные глаза, он вряд ли бы выглядел старше тридцати лет.

– Теперь о сущности вашей работы, – инструктор поднял пистолет. – Смотрите и запоминайте...

Выстрелы ударили неожиданно и резко. Молодые люди шарахнулись в сторону от мишени – ее словно протыкали гигантским невидимым гвоздем. Дима упал на колени и закрыл уши руками. Потом наступила тишина...

– Артобстрел закончился, – донесся до Димы сверху насмешливый голос. – Вставайте, молодой человек.

Кто-то засмеялся. Дима покраснел как мальчишка.

Инструктор показал пальцем на пять дырочек в центре мишени.

– Так вот, – продолжил он. – Сущность работы телохранителя заключается в том, чтобы этого не было... Ни при каких обстоятельствах. Но вы всегда будет стоять рядом с мишенью. Кстати, хотите знать, почему я вам не представился? Потому что многие из вас не придут сюда завтра, – инструктор усмехнулся. – А я не люблю мимолетные знакомства...

2.

Часы показывали половину первого ночи. Дима сидел на кровати и курил, уставившись в одну точку.

– Димочка, ну ложись, пожалуйста! – ласково позвала жена.

– Сейчас... – механически откликнулся Дима.

– Что-нибудь на работе случилось? – голос жены стал озобоченным.

– Нет, все хорошо... Ничего страшного.

Женщина засмеялась.

– Я не могу уснуть.

– Почему?

– Потому что ты большой и толстенький. Мне с тобой уютно и тепло, – женские руки мягко обвили шею Димы. – Ты

похож на поросеночка... – сквозь смех выдохнул в ухо горячий шепот. – Ложись. Хочешь, я почешу тебе спинку?

– Отстань! Я это... – Дима не выдержал и улыбнулся – Я думаю.

– Ты слишком много думаешь, – женский насмешливый шепот щекотал щеку Димы. – Когда сегодня за ужином ты съел две тарелки пельменей, ты тоже думал. Ты думал о том, что не нужно так много есть и ел. Ты ел и страдал!.. У тебя были глаза обиженного ребенка.

Дима вспомнил сухощавое лицо инструктора.

– Я обязательно похудею! – твердо пообещал он.

– Конечно, – легко и ласково согласилась жена. – А теперь ложись, медвежонок, я все-таки почешу тебе спинку... Кстати, ты мне нравишься таким, какой ты есть. И я не хочу, чтобы ты похудел.

3.

– Меня зовут Николай, фамилия Федоров, – сказал инструктор, протягивая Диме пистолет. – Заряжен холостыми. – Тут же пояснил он. – Но мы будем считать эти патроны условно боевыми. А теперь идите к мишени.

– Опять?! – искренне удивился Дима.

– Я уже говорил, что ваша работа, всегда стоять рядом с ней.

Дима поплелся к фанерному человеку у стены.

– Итак, я – преступник, – чуть заметно улыбнувшись, продолжил Николай. – Вы – телохранитель и рядом с вами ваш объект.

Инструктор вытащил пистолет и не спеша прицелился. Дима обречено смотрел в дуло пистолета и ждал.

– Какого черта стоишь?! – взорвался Николай.

Дима отбросил пистолет, метнулся к мишени и попытался повалить ее на пол. Иногда так поступала охрана в кино. Но фанерный человек стоял довольно прочно. Сзади ударил выстрел. Пуля пробила «голову» объекта наградив Диму занозой в ухо.

– Зачем пистолет бросил? – уже без иронии спросил Николай.

Дима посмотрел на пистолет, потом потрогал ухо.

«Наверное, нужно было стрелять...» – догадался он.

Инструктор больше не сказал ни слова и молча вышел.

4.

– Значит, завтра ровно в одиннадцать вечера, – Николай отложил в сторону листок бумаги с одной единственной строчкой и посмотрел на Елену Александровну. – Если можно, пожалуйста, поясните.

– Это правила игры, – сухо сказала красивая женщина за столом. – Год назад, если я не ошибаюсь в одиннадцать вечера, я разорвала контракт с довольно мерзким типом. Мне

пообещали вернуть «долг» с процентами ровно через год. Как вы понимаете, проценты – моя жизнь. Завтра у нас деловая вечеринка здесь, в здании офиса банка. Она будет продолжаться до полуночи...

– Немедленно отмените ее! – прервал Николай.

– Я не хочу и не буду этого делать. Кстати, мы увеличили штат охраны.

Восемнадцать рослых парней в кабинете чуть заметно оживились, давая понять, что они чего-то стоят. Дима стоял сзади всех и смотрел в пол. Окровавленное ухо он прикрывал ладонью.

Николай и Елена Александровна встретились глазами. Лицо молодой женщины было холодным как лед. Впрочем, его не портили даже чуть тонкие губы, выдававшие упрямый и практичный характер.

– Хорошо, – Николай кивнул и повернулся к охранникам. – Вы все слышали. Остается осмотреть помещение.

– Банкет будет на четвертом этаже, – подсказала Елена Александровна. – В главном зале.

Парни молча вышли.

Николай ткнул пальцем в листок, который он только что держал в руках.

– Знаете, кто это писал? – тихо спросил он. – Профессиональный убийца по кличке «Тихий».

– И что это значит?

– «Тихий» начнет свое дело ровно в одиннадцать. Этот

гад всегда держит слово, – инструктор показал на свои седые волосы. – Подарок от него. Он дважды проходил через моих ребят. Если он сделает это еще раз, моя карьера окончена.

Женщина откинулась на спинку кресла.

– Простите, вы за кого больше беспокоитесь, за меня или за себя?

– Я не боюсь пули! – повысил голос Николай. – Я боюсь, что меня, как негодного пса вышвырнут за ворота. – Николай навалился грудью на стол и приблизил свое лицо к уже успевшему потупитья холодному лицу женщины. – Послушайте, не могли бы вы сами уладить все как-нибудь иначе?

– Как?

– Не знаю... Ну, заплатите неустойку по тому чертову контракту... Извинитесь. Или что там у вас делают в банковском бизнесе, чтобы исправить ошибку?

– У нас не бывает ошибок, – женщина подняла глаза. – Кто ошибся – теряет все.

Николай встал.

– Тогда у меня остается только один выход, – твердо сказал он. – «Тихий» не фанатик-самоубийца и он не пойдет на дело, если у него отрезать все пути отхода. Как раз это я и собираюсь сделать. Покушения на вашу жизнь завтра не будет.

– А потом?

– Потом вы будете разбираться с вашими проблемами уже без меня.

– Вы – настоящий джентльмен.

– Я не джентльмен, я – профессионал. До свидания.

– Послушайте, – окликнула Елена Александровна инструктора уже возле двери. – Я видела среди ваших людей толстого человека с окровавленным ухом. Он не очень пострадал во время ваших дурацких тренировок?

– Не думаю. Кстати, он именно тот человек, которого взяли по вашей рекомендации.

– Разве?.. Ну и как он вам?

– Самый очаровательный в мире идиот! – сухо сказал Николай.

5.

Вряд ли на свете есть сыщик, которому заранее удалось бы осмотреть место будущего преступления. А Дима искренне не знал, что ему делать. Он стоял за спинами ребят и глазел на инструктора.

– В общем, так, ребята, – деловито говорил Николай. – В зале примерно двести квадратных метров ровного пространства. Там, у бара, два порожка и чуть выше. Оттуда мы сможем держать под контролем все помещение. Вывод напрашивается сам: наша полусумасшедшая красотка должна стоять за нашими спинами.

Бар был ярко освещен.

«Стоять, как на мишени...» – мелькнуло в голове Димы.

– Теперь входы и выходы. – Николай показал широкую

дверь. – Это единственный вход, а там, – палец инструктора ткнул на узкую дверь рядом со стойкой бара. – Единственный выход для психов.

«Почему для психов?» – подумал Дима.

На него никто не обращал внимания и он отошел ко второй двери.

Узкий короткий коридор за дверью вел в небольшую кладовку. Запасные стулья, столики, какие-то пестрые тряпки заполняли ее почти до предела. В углу стояло огромное зеркало. Дима подошел к окну. Далеко внизу блестел мокрый асфальт. Рядом со зданием росли высокие пирамидальные тополя, но место перед окном было свободно на расстоянии больше двадцати метров. Спустится вниз, по дереву было невозможно. Дима открыл окно и посмотрел вниз. Низкие, почти вровень с асфальтом пни, были еще свежими.

«Специально спилили, – решил Дима. – И что-то уж слишком низкие пни...»

Рядом был перекресток. Прямая, как стрела улица напротив окна шла между строящимися коттеджами и терялась в вечерней темноте.

Прежде чем выйти, Дима еще раз взглянул на себя в зеркало.

«Худеть нужно, – со вздохом подумал он. – К черту пельмени!»

– С повязкой на ухе ты похож на раненого зайца! – смеялась жена. – Димочка, тебе еще пельменьчиков положить?

Дима решительно отодвинул тарелку и закурил.

– Детектив за работой, – легко иронизировала женщина. – Пошли по телевизору концерт посмотрим.

– Сегодня ты слишком уж веселая, – проворчал Дима.

– Хо-хо! Пошли, контуженый зайчик.

Через пять минут Дима бездумно глазел на экран телевизора. Он вдруг поймал себя на мысли, что ему страшно смотреть, как на ярко освещенной сцене поет женщина. Пространство вокруг нее казалось огромным и пугающим. Женщина на сцене была беззащитной и одинокой перед темной зрительного зала. У Димы заныло под сердцем. Он молча встал и ушел на кухню. Возле окна он сунул в рот сигарету и закурил.

На улице шумели деревья и гудели машины.

«Деревья... – подумал Дима. – А там, возле банка их нет... Подожди, там еще перекресток!.. И окно в той кладовке прямо напротив перекрестка, – он замер, еще не смея поверить в простую догадку. – Черт, как же я сразу все не понял!..»

Радость открытия тут же омрачилась болью, что покушение все-таки состоится. Завтра ровно в одиннадцать вечера преступник хладнокровно расстреляет женщину на ярко освещенной сцене за бесполезной цепочкой охранников, а

потом он уйдет. Можно было бы грубо забить дверь в кладовку досками, показывая «Тихому», что выход перекрыт, но тогда бы началась тихая охота времени и места окончательной схватки в которой уже не знал никто...

Дима загасил сигарету и пошел в спальню. В коридоре он остановился и задумчиво посмотрел на себя в большое зеркало.

«Похож! – улыбаясь, подумал он. – Зеркало удивительная штука!»

В постели Диму ждала жена.

– Глупый заяц пришел.

Она громко засмеялась и обняла Диму обоими руками...

7.

Инструктаж Николая был долгим, но только не для Димы.

– Ты – блуждающий форвард, – пренебрежительно сказал он Диме, отпустив последнюю пару ребят в черных костюмах. – Гуляй, где хочешь, но если начнется кутерьма, падай на пол и не шевелись.

Дима нерешительно попросил пистолет. Николай Алексеевич протянул ему большой, ярко раскрашенный детский «наган».

– Под пиджаком он похож на настоящий, – пояснил инструктор.

Весь вечер Дима стоял у стойки бара и рассматривал

гостей. Елена Александровна была просто очаровательна. Правда, у нее больше чем обычно блестели глаза. Гости не скупилась на комплименты и, наверное, это был единственный вечер в жизни руководителя самого крупного городского банка, когда никто не пытался заговорить с ней о финансовых делах. Время летело довольно быстро. Круг гостей вокруг хозяйки вечера становился все шире и реже. Ближе к одиннадцати возле Елены Александровны остался только сухощавый, седоволосый человек чем-то похожий на американского ковбоя.

«Гости все знают... – догадался Дима. – Они просто боются!»

Елена Александровна медленно пошла к бару. Стрелки показывали без десяти одиннадцать. Двенадцать рослых парней выстроились в живую цепь, загораживая широкими спинами ярко освещенный подиум.

– Вишневый сок, пожалуйста, – услышал Дима тихий голос женщины.

Бармен налил сок и быстро отошел в сторону. Пустое пространство между баром и толпой гостей пересекали только официанты. Они проскальзывали возле стены и возвращались к гостям.

Елена Александровна повернулась. Толпа напротив казалась ей безликой и темной. Женщина сделала пару шагов в сторону гостей и остановилась... Потом неторопливо прикоснулась губами к бокалу.

«Без пяти минут одиннадцать, – лихорадочно соображал Дима. – «Тихому» нужна только одна секунда, чтобы выкинуть какой-нибудь фокус и отвлечь внимание охраны. Еще рано...»

Он вытер пот со лба и посмотрел на спины охранников. Они были напряжены и неподвижны.

«Еще чуть-чуть... Еще! Нельзя уходить слишком рано, – Дима сунул руку в карман и наткнулся на «револьвер». – Черт!..»

Он вдруг почувствовал, что у него дрожат ноги. Первый шаг был тяжелым и медленным, как во сне.

– За мной, быстро! – шепнул Дима Елене Александровне.

Та быстро взглянула на него. В огромных глазах женщины был ужас и вызов.

– Иди впереди меня, я закрою тебя сзади, – тихо сказал Дима. – Дверь в кладовку открыта.

Они были почти у двери, как вдруг в зале раздались оглушительные выстрелы. Кто-то дико вскрикнул. Краем глаза Дима успел заметить, как рослый официант, идущий к бару, неуклюже опрокинул на себя поднос и осел возле стены.

Охрана бросилась в зал.

– Стоять! – взревел Николай. – Стоять, это только петарды!..

Дима с силой захлопнул за собой дверь. Мимо перепуганного официанта пробежал Николай. Паника в зале стала почти безумной.

– Входную дверь держите, – кричал Николай. – Никого не выпускать!

Официант медленно встал и шагнул к двери следом за Димой и Еленой Александровной. На него никто не обратил внимания...

8.

В коридоре было темно. Тусклый свет из окна светил в глаза. «Официант» вытащил пистолет с глушителем и бесшумно вошел в комнату. Толстяк стоял возле окна. Он зажимал женщине рот рукой.

«Тихий» снисходительно улыбнулся и нажал на спуск. Ливень из двенадцати пуль заглушил звон разбитого стекла.

«Дьявол, это же зеркало!..» – мелькнуло в голове убийцы.

В ту же секунду тяжелый удар по руке выбил у него оружие.

– Раздавлю, гадина!..

Огромный толстый человек не умел драться, но его ярость не знала предела. «Тихий» попытался увернуться, но комната была слишком тесной. Удары по силе сравнимые разве что с ударами кувалды, сыпались на него со всех сторон. «Тихий» вдруг с ужасом понял, что применять приемы боевого самбо против толстяка можно было с таким же успехом, как против разъяренного слона. «Тихий» наугад ткнул пальцами в глаза страшного противника и метнулся к спасительно-

му окну. Толстяк отстал только на мгновение. Прыгая вниз с четвертого этажа «Тихий» испытал чувство, чем-то очень похожее на облегчение...

9.

– Димочка, перестань возиться, как медведь, – смеялась Елена Александровна – Ты перевернешь машину!

Машину вела она. Дима сидел рядом и пытался стащить с себя бронезилет.

– Да елки-палки!.. – ругался он. – Где тут эти... Кнопки, что ли?

– Порвешь на клочки бронезилет, я платить не буду.

– Смеешься, да? – вспыхнул Дима. – А, между прочим, я к тебе в мужья нанимался, а не в охранники.

– Ладно, не ругайся. Лучше расскажи, как ты обо всем догадался.

– Тут и ежу все понятно! – выпалил Дима.

– А все-таки? – Леночка, милая и взбалмошная Леночка, поцеловала мужа в щеку. – Хочешь, я почешу тебе за ушком?

– Нет у меня никакой чесотки, и не было никогда! – зарычал Дима. – Все ты выдумываешь.

– Конечно, – легко согласилась Леночка. – Я все выдумываю, потому что мне это очень приятно. А теперь рассказывай!..

Дима, наконец, стащил бронезилет и закурил.

– Деревья под окнами, – сказал он. – Их не было, потому что их недавно спилили. Напротив – улица. Ты когда-нибудь видела, как каскадеры прыгают с большой высоты?

– Да, на гору пустых картонных ящиков.

– Правильно. А деревья мешали подогнать под окно «фуру» с открытым верхом. Понимаешь?.. Там, в машине лежали пустые ящики. Сдать «фуру» задом и смять ограду без фундамента – дело техники. А дальше – прямая улица. «Тихий» рассчитывал именно на этот прыжок с четвертого этажа, потому что у него не было другого выхода. Я рассказал об этом в милиции, но они засмеялись. Потом я напомнил им, что киллера зовут «Тихий» и они мне дали бронезилет...

«Фуру» под окнами милиционеры блокировали двумя «камазами». Внизу наемного убийцу ждали не только картонные ящики, но и четверо грубых парней имеющих весьма отдаленное представление о хороших манерах.

– Это я уже знаю, – улыбнулась Леночка. – Но как ты все это вычислил?

Дима вспомнил артистку на ярко освещенной сцене и боль под сердцем. Эта похожая на отчаяние боль была жива даже сейчас.

– Я не знаю, – неуверенно сказал Дима. – Я просто догадался и все.

– Последний рубеж обороны... – тихо сказала Леночка.

– Что? – быстро переспросил Дима.

– Последний рубеж обороны, – чему-то улыбнувшись, по-

вторила Леночка – Как ты думаешь, что это?

– Понятия не имею. А что?

– Последний рубеж обороны, глупый мой, это всегда любовь...

Дима с недоумением смотрел на улыбающуюся жену и силился понять смысл сказанного ей.

Леночка покосилась на мужа.

– Ну что ты смотришь на меня как ребенок? – засмеялась она. – Хорошо-хорошо!.. Только не дуйся. Как только мы приедем домой, я сразу же почешу тебе спинку, хомячок ты мой ненаглядный!..

Хорошо быть судьбой

Из села Ручкина в райцентр две дороги ведут: старая грунтовая и новая шоссейная. Все новое сейчас по прямой линии делается, вот и «шоссейка», как вектор из арифметической задачи, бежит себе напрямую без всяких извилин «из пункта А в пункт Б». Ну, а старая дорога около своей подружки вьется: то в сторонку отбежит, на пруд посмотреть, то в рощицу нырнет что бы, значит, от солнышка охладиться, а в иной раз такую загогулину выпишет, что чертыхнется водитель, рванет ручку коробки передач и навек заречется по старой дороге ездить.

Дед Тимофей сметану и творог в райцентр всегда по старой дороге возит. И не то чтобы пыли и машин на ней мень-

ше, а просто спокойнее на старой дороге. Привычней, что ли, на ней немолодому извозчику.

А как-то раз окликнул деда растревоженный женский голосок:

– Дедушка, подождите!

Оглянулся дед... Смотрит он, с насыпи, от «шоссейки», красивая женщина к нему спешит. А на самом шоссе возле машины мужик курит. Одним словом, любому понятно станет – поссорились люди.

Запыхавшаяся красавица спрашивает:

– Вы в райцентр, дедушка?

Ну, а куда ж еще-то?..

Женщина говорит:

– И я с вами.

А деду Тимофею что, спрашивается?.. Лошади накормленные, телега крепкая: раньше на ней, на сенокос, по десятку веселых баб возили, а одна деревенская розовощекая баба против худенькой городской все равно что самовар против кофейничка.

В общем, поехали. Между бидонами и коробками, кстати говоря, не очень-то удобно сидеть, не то что в машине, но это ничего... Ведь по своей охоте человек из машины на телегу пересел.

Нырнула старая дорога в рощицу. Женщина молчит, то и дело раскрасневшееся лицо вытирает и о чем-то своем размышляет.

Дед думает: ну и ладно, стало быть, молча поедем.

В рощице тихо, ни шуму тебе, ни пыли. Только птички перекликаются. Телега скрипит. Бидоны друг о друга постукивают.

Дед лошадей хлестнул для порядка и говорит:

– Но, залетные!.. Совсем уснули.

Повертелась немного старая дорога между березок и снова к своей молодой подружке-«шоссейке» прижалась.

Смотрит дед, а там, наверху, та же машина стоит. Телегу дожидается.

Мужик в окошко голову высунул и кричит женщине:

– Поехали домой, дура!

Женщина с телеги кричит:

– Пошел к черту, идиот!

Мужик кричит:

– Ах, так, да?!.. Ну, ты еще пожалеешь.

Рванула машина с места... Столб пыли из-под колес – как из ракеты. Лошади и те морды в сторону воротить стали.

Улыбнулся дед, головой покачал и думает: слова-то какие люди говорят, а?.. Видно, не первый день друг на друга горло дерут.

Женщина шепчет тихонько:

– Ну и пусть!.. Так даже лучше.

А старая дорога, что ж?.. Снова она в сторону вильнула. Лошади, как только озеро почувствовали, сразу быстрее побежали.

Дед своей пассажирке говорит:

– Перекур небольшой. Лошадей напоить нужно.

Женщина улыбнулась виновато и спрашивает:

– А можно я искупаюсь, дедушка?

А почему нельзя? Озеро, поди, не купленное.

Напоил дед лошадей, потом краем глаза на свою пассажирку покосился. Ух, и хороша баба!.. Тоненькая как русалочка и волосы у нее словно сказочная грива. В воду входила – не плеснула; нырнула – словно в тишине растворилась.

Стоит дед, ждет... Потом, глядь, а красавица на том берегу кувшинки рассматривает. Сорвала пару штук, к волосам приладила... Забавно! А к другому берегу плыла – на спинку перевернулась. То ли купальник у нее слишком светлый, то ли вода в озере какая-то колдовская, только покраснел дед и в сторону отвернулся. От такой красоты и старый пень поневоле ошалает.

Обсохла чуток на берегу пассажирка. Спешить-то некуда. Тимофей узду поправил, бидоны осмотрел.

Хорошо возле озера!.. Городские люди говорят, что тишина, мол, а тут у вас. Нет, не тишина – покой. Такой покой разве что только в храме бывает. И воздух особенный, живой, светлый... Словно и не дышишь им, а он сам в человека льется.

Вздохнула женщина и шепчет:

– Чудно-то как, Господи!..

А ведь, поди, и в самом деле чудно. Посмотришь на озеро

– поневоле улыбнешься, а чему улыбнешься и не знаешь.

Время прошло – тронулись дальше. А дальше – лог... Старые ивы на взгорье накренились, словно дорогу рассматривают: кто там, мол, едет? Было солнышко – и нет его. Тень вокруг, сырость... Старыми грибами пахнет.

А лог все ниже, все темнее... Сучок треснет – поневоле вздрогнешь, ветерком сзади потянет – оглянешься. Ивы наверху с солнцем играют: упадет на землю лучик, а там, за ним, опять темнота прячется. На пенек какой-нибудь взглянешь и уже, кажется, словно чьи-то глаза на тебя таращатся.

Пассажирка смеется:

– Как в сказке, дедушка!

А что ж?.. Может и в самом деле как в сказке. Лог, поди, большой, а человек в нем маленький. Только сказочный страх – он легкий, сердца не ранит... Когда человек сам себе маленьким кажется, сказка его и хранит своими добрыми чудесами.

Через лог перебрались, – на шоссе опять машина стоит. Мужик колесо меняет. Оглянулся он, на пассажирку деда Тимофея глазами зыркнул. Ни слова не сказал – опять в работу уткнулся.

А дед Тимофей на всякий случай ход сбавил. Мало ли, мол, что?.. Вдруг людям ссорится надоело?

Когда рядом проезжали, мужик ворчит себе под нос:

– Все бабы такие! Что в лоб, что по лбу...

Женщина покраснела и кричит:

– А ты!.. Осел ты, вот ты кто!

Мужик кричит:

– К чертовой матери, развод!.. Завтра же.

Женщина кричит:

– Испугал!.. Катись отсюда!

Дед думает: нет, нужно снова ходу прибавить. А то подедутся еще. Отъехали подальше.

Женщина себе под нос ворчит:

– Вот не прощу и все!.. Никогда не прощу.

Дед думает: вот народ, а?.. И чего им только не хватает? Все бегут куда-то, торопятся. Куда и зачем?.. А затем, что по прямой линии нороят они по жизни проскользнуть. Мол, кратчайшее расстояние между двумя точками есть расстояние, которое на глазок прикинуть можно. А, значит, и рассчитать не сложно: от точки до точки. Для себя рассчитать, не для других...

Минут через двадцать вильнула старая дорога в сторону, потом в другую... По крохотному мостку через речушку перебрались. Дед Тимофей этот мосток любит. Скрипит он забавно: кгыр-р-р, а ударит колесо по дереву, мосток сразу в ответ – да. И снова – кгыр-р-р, да!.. Со всем соглашается старый мосток, видно не мало на своем веку перетерпел, немало повидал.

Дальше – поле... Трава по пояс, хоть купайся в ней. Спрыгнула с телеги женщина, за ромашками потянулась. Венок сплела, но сразу видно, слишком нервные у нее пальцы,

слишком торопливые. Одна ромашка под колесо телеги упала, потом другая. А она словно их и не видит, о своем думает. Что ж, ромашек в поле много, больше, чем мыслей у человека в голове.

Снова свернула старая дорога... А на шоссе опять машина стоит.

Мужик издалека кричит:

– Последний раз говорю, садись в машину!

Женщина веноч на голову одела и кричит:

– Ни за что!..

И главное так громко, что у деда Тимофея в ухе зачесалось.

Мужик свое:

– Да пойми же ты, в конце концов!..

Женщина своим обрывает:

– Надоело понимать, на-до-ело!

Березовая рощица началась. Дождь недавно прошел и вот загадка: в логу все ж таки суховато было, а в роще – лужа за лужей. Самая худшая и разбитая часть дороги – как раз в конце рощицы. Так телегу качает, только успевай за бидонами да пассажиркой присматривать.

Но кончилась рощица. Солнышко в глаза брызнуло... Возле одинокой старой березы остановились лошади. Оглянулась обе и на деда смотрят: мол, что делать будем, хозяин?

А дед Тимофей мужика под березкой сначала и не заметил: тот сидит, скорчился и за руку держится. Слез дед с те-

леги. Сзади женщина шею тянет, высматривает, что там?..
Почему стоим?

Мужик поморщился и говорит:

– Слышь, Наташка.

Женщина испуганно:

– Что?!

Мужик от боли зубами скрипнул и говорит:

– Разбил я машину... Там на шоссе разбил.

Вскрикнула женщина, к мужу бросилась... Осмотрела его. А у самой слезы по щекам – в два ручья.

– Коленька, милый, – шепчет, – как же ты так, а?!

Мужик говорит:

– А я что?.. Я ничего. Рука вот только...

Женщина сквозь слезы шепчет:

– Болит, да?

Мужик стонет:

– Да не рука у меня болит, а... Господи, что же я с такой душой связался?!

Женщина говорит:

– А сам?!..

Ну-у-у, думает дед Тимофей, тут уж не до разговоров.

Кашлянул он в кулак и говорит женщине:

– На телегу посадить вашего мужа нужно. Райцентр уже близко.

Засуетилась женщина. Кое-как усадили мужика на телегу.

Женщина просит:

– Дедушка, побыстрее, пожалуйста!

Дед думает: теперь по шоссе нужно ехать, теперь время дорого. Разогнал дед Тимофей свою пару вороных, только ветер в ушах засвистел. Домчались быстро, прямо к поликлинике дед своих пассажиров подвез.

Спрыгнул мужик с телеги – охнул, присел от боли... Но на жену оперся – справился с болью, устоял-таки. Медсестра выбежала. Вот так вдвоем и повели они мужика вверх по порожкам к докторам...

Только к полудню сдал дед Тимофей свой товар на молокозавод. Ух, и бюрократия там у них, честное слово!

На обратном пути, смотрит дед Тимофей, на автобусной остановке знакомая парочка сидит: мужик с перевязанной рукой и пассажирка-красавица рядышком. Оба уставшие, даже испуганные какие-то и не ругаются больше. Только друг на дружку посматривают, молчат и вроде как улыбаются. Почти незаметно, одними глазами улыбаются, но, главное, что не злятся уже... Не кричат.

Дед Тимофей тоже улыбнулся и думает про себя: а вот если бы не я, тогда чтобы у этих двух получилось, а?.. Ничего путного, наверное. Потому что жизнь это вам, граждане, не кратчайшее расстояние между «А» и «Б».

«Хотя с другой стороны, я-то что?.. – рассуждает дальше дед Тимофей. – Пожалуй, даже и ничего. Просто я молоко в райцентр вез вот и все».

Снова улыбнулся дед, затылок почесал... Нет-нет, не про-

стая все-таки эта штука – человеческая жизнь. Вот попробуй, разбери, есть у нее судьба или нет? Ни одна наука этого не знает. Но если есть, то хорошо быть для кого-то судьбой в этой жизни, пусть случайной, пусть мимолетной, пусть почти незаметной... Но, главное, – терпимой и по-божески доброй.

Чистое сердце

1.

Вероника была готова расплакаться.

– Доктор, пожалуйста, поверьте, если бы я могла сама разобраться во всем, то не пришла к вам! – молодая женщина по-девчоночьи всхлипнула носом. – Я запуталась, мне больно и я не знаю, как мне жить дальше. Господи, да за что же мне такое наказание?!..

Скрывая улыбку, психотерапевт Николай Петрович потер лицо ладонью.

– Доктор, вы опять смеетесь!.. – по щекам Вероники побежали слезы. – Меня никто не понимает и я скоро с ума сойду!

– Хорошо, давайте разберемся во всем по порядку, – Николай Петрович пытался стать серьезным, но, тем не менее, в его глазах продолжали светиться веселые искорки. – Итак, вы замужем. Как вы относитесь к своему мужу?

– Миша очень хороший, но я люблю его совсем чуть-чуть. Понимаете, доктор...

– Понимаю, – перебил Николай Петрович. – Недавно вы встретили своего школьного друга и вдруг поняли, что по-настоящему любили только его всю свою жизнь. Но, кроме того, вы уже давно и безнадежно влюблены в начальника по работе Вениамина Сергеевича. Он старше вас на пятнадцать лет, женат и похож на симпатичного шпиона Штирлица. Знаете, не удивительно, что вы плачете... Вы любите трех мужчин сразу.

Николай Петрович закрыл лицо руками, выдавил тихое «Ой, мамочка родная!..» и захохотал.

Вероника заревела навзрыд.

– Действительно, с ума сойти можно! – сквозь смех простонал врач.

– И сойду!.. – захлебываясь слезами, пообещала Вероника.

В кабинет заглянула медсестра. Она округлила глаза от удивления, едва взглянув на парочку за столом, и тихо закрыла дверь.

Николай Петрович не без труда справился со смехом.

– Знаете, Вероника, ко мне обращаются разные люди, в том числе и те, которые действительно нуждаются в помощи. Но ваша проблема настолько элементарна, что, простите, похожа на простую детскую занозу. Эту занозу можно вытащить всего за пару минут. Хотите, вы сделаете это сами и

без моего участия?

– Хочу! Любой ценой хочу, – Вероника вытерла слезы и с надеждой посмотрела на врача. – А как?

– Очень просто. Вам будет немножко больно, но вы справитесь. А теперь слушайте меня внимательно...

Николай Петрович понизил голос до шепота. Вероника слушала молча, и уже через пару минут в ее глазах было куда больше удивления и светлого ужаса, чем в глазах случайно заглянувшей в кабинет медсестры.

2.

...Вероника пряталась в телефонной будке. Ее бывший школьный друг Коля появился возле кафе «Регина» ровно в час дня. Вероника набрала в грудь побольше воздуха и шагнула ему навстречу.

– Коля, я люблю тебя! – громко сказала она.

Коля замер, словно по мановению волшебной палочки превратившись в статую.

Вероника отвернулась и быстро пошла прочь.

– Вероника, подожди! – окликнул ее сзади хриплый от волнения голос.

Но молодая женщина ускорила шаги и быстро свернула за угол...

3.

Начальник Вероники Вениамин Сергеевич собирался посетить налоговое управление. Его шофер позвякивал гаечным ключом под капотом «Вольво» и тихо ругался. Импортный начальник нетерпеливо переминался с ноги на ногу рядом с машиной.

Вероника появилась совершенно неожиданно. Взволнованное лицо молодой женщины горело румянцем отчаяния.

– Вениамин Сергеевич! – окликнула она.

Вениамин Сергеевич оглянулся.

– А-а-а, это вы, Вероника? – он улыбнулся. – Ну, как ваши проблемы? Надеюсь, решили все?..

– Вениамин Сергеевич, я люблю вас! – выпалила Вероника.

– Что-что?!..

– Люблю! – Вероника резко остановилась и сделала шаг назад.

– Подождите, как же так?.. – Вениамин Сергеевич растерянно заморгал глазами. – Вероника, но я замужем... То есть женат! Подождите, куда же вы?!

Вероника уходила быстро и, даже споткнувшись, не замедлила шаги...

4.

– Боже мой, я действительно сошла с ума!.. – слезы отча-

нения и стыда застилали Веронике глаза, и она почти не видела дорогу. – Господи, это же невозможно и так пошло, что меня сейчас стошнит!

Вероника без сил опустилась на краешек детской песочницы – идти дальше уже не было сил. Женщина прикоснулась холодными пальцами к горячему лицу и едва ли не обожглась об него.

– И если бы ты только знал, Господи, как мне больно и стыдно!..

В шаге от Вероники стоял донельзя тощий, крохотный котенок. Он грозно выгибал спинку и шипел на такого же тощего и бездомного щенка. Перепалка в виде шипения и тьяканья была похожа на тоненькую, случайную паутинку готовую вот-вот разорваться.

Вероника протянула руку, взяла котенка и прижала его к груди. Щенок подбежал поближе и сел, не спуская с молодой женщины полного надежды взгляда.

– Ой, мамочка!.. – Вероника глотала слезы. – Ой, роденькая, да что же со мной происходит?!

5.

Звонок в дверь был непрерывным и оглушающим. У Мишки екнуло под сердцем, и он бегом поспешил в прихожую. За дверью стояла рыдающая Вероника.

– Милый мой, родной мой Мишенька, прости меня, по-

жалуйста! – сразу же выпалила она. – Я же вас всех люблю, понимаешь?!..

Вероника вытащила из-за пазухи щенка. Тот жалобно тьякнул.

– Я его люблю.

Следом за щенком последовал котенок. Но он только беззвучно открывал рот.

– И его я люблю!.. Ну, ошалела я от этой бездны любви, понимаешь, Мишенька?!.. Ошалела!

Потрясенный Мишка обнял жену за плечи и провел ее в спальню. Вероника захлебывалась слезами.

– Господи, я же не могу без любви!.. Ой, мама, что я говорю? Мишенька, родненький, что со мной?!.. Я же действительно сошла с ума!

Сильные и заботливые руки осторожно сняли с Вероники легкую куртку, туфли и уложили ее на диван. Теплые губы коснулись ее щеки и широкая ладонь погладила по голове.

– Успокойся, пожалуйста, все будет хорошо... – улыбочивый Мишкин шепот был успокаивающим и нежным. – Попси немного и все пройдет.

– Не пройдет, не пройдет!.. – Вероника легла и уткнулась носом в подушку. – Это не может вдруг взять и пройти!.. Мишенька, если я вдруг умру от любви, ты можешь жениться еще раз, и я совсем не буду тебя ревновать... Потому что теперь я все понимаю. Без любви нельзя жить, Мишенька. И когда ее так много, то можно просто умереть... И я совсем

ошалела, Мишенька!.. Совсем-совсем!

Вероника говорила долго, пока вдруг не почувствовала приятную слабость во всем теле. Жар таял и превращался в обволакивающую, мягкую теплоту.

– Боже мой, да как же я вас всех люблю и особенно тебя, Мишенька!..

6.

Вероника проснулась только утром. Солнечный зайчик из распахнутого окна сделал слепую темноту розовой и Вероника открыла глаза. Она улыбнулась и потянулась сильным, гибким телом.

«Хорошо-то как!..» – подумала она и тихо засмеялась.

На сердце было так легко и свободно, что хотелось петь.

– Тарам-там-тара!.. Тарам-там-тара!

Вероника легко встала. Сладко потянувшись еще раз, уже перед окном, она выглянула в зал.

Мишка сидел на корточках и кормил из одной чашки котенка и щенка. Оба найденыша были чисто вымыты и даже, как показалось Веронике, причесанны. Они жадно ели иногда торопливо порывивая и пофыркивая друг на друга.

– Щенок породистый, – Мишка посмотрел на жену и улыбнулся. – Вырастет, здоровым будет, как слон. Придется отдать его в деревню дядь Вите. Он давно себе стоящую собаку присматривает...

Счастливая Вероника села на диван и громко сказала:

– Тарам-там-тара!.. Турум-тум-туру!.. Миш, а Миш, ты меня любишь?

– Ну, люблю... А что?

– Что значит, «а что»?! – притворно обиделась Вероника. – Говори правду!

– Да ну тебя, – отмахнулся Мишка. – Ты мне лучше скажи, что вчера с тобой приключилось?

– Ни за что!.. – Вероника показала язык. – Лучше ты скажи, если ты меня действительно любишь, мог бы ты совершить ради меня какой-нибудь дурацкий и невообразимый поступок?.. А еще лучше два поступка.

– А два-то зачем? – удивился Мишка.

– Два всегда лучше! – горячо заговорила Вероника. – Если человек совершает что-то дважды, значит, первый раз он сделал это совсем не случайно. Понимаешь?.. Теперь говори, смог бы?

– Не знаю... – Мишка пожал плечами. – По-моему, дурацкий поступок это все-таки глупость.

– А вот и нет! И вообще, Мишенька, я тебя люблю, а вот ты меня ни капельки. Ты эгоист! – Вероника засмеялась. – Поэтому сейчас мы пойдем гулять с тобой босиком по лужам, а потом пить сухое вино в баре.

– Во-первых, гулять в сентябре по лужам глупо, – запротестовал Мишка. – А, во-вторых, если мы будем гулять босиком, нас не пустят в бар.

– Ты ни ничего не понимаешь! Счастливых пускают везде и всюду, – Вероника спрыгнула с дивана, – А теперь собирайся, лодырь!..

7.

Мишка стоял в прихожей и рылся в карманах в поисках ключей. В зале зазвонил телефон.

– Ой, я сама отвечу! – быстро сказала Вероника. Она прошмыгнула в комнату и сняла трубку. – Да, я вас слушаю...

Мишка, наконец, нашел ключи. Он ждал жену и смотрел на дверь.

– Нет, я не могу, Вениамин Сергеевич, – твердо и громко сказала Вероника в телефонную трубку. – К сожалению, это невозможно... Нет!.. Я думаю, что вы меня поймете. Да, это все!..

Вероника вернулась в прихожую. Она посмотрела на Мишку и улыбнулась:

– Ну, вот видишь, как все просто?

– Что просто? – удивился Миша.

– Все!.. Понимаешь?

– Нет, – честно признался Мишка.

– Эх, ты, простачок мой, – Вероника прильнула к мужу и поцеловала его в щеку. – Ну, ошалела я немного, подумаешь, беда какая! Лучше уж так, чем совсем никак... Кстати, я дано хотела тебе сказать, что хочу сменить работу.

– Меняй, – Мишка пожал плечами. – Мне-то что?.. Кстати, мы идем гулять по лужам или нет?

– Конечно, идем, солнышко ты мое ласковое!

Вероника проскользнула из прихожей за дверь. Когда Мишка закрыл дверь, из-за нее снова послышался настойчивый телефонный звонок. Вероника слегка покраснела и снова быстро поцеловала Мишку в щеку.

– А ну их всех!.. – шепнула она в теплое ухо.

– Кого? – в очередной раз удивился Мишка.

– Всех! Мишенька, кажется, мне уже рожать пора. Ты как, а?..

– Я – за.

– Тогда в чем проблема?

– Сделаем, – Мишка кивнул. – Сегодня же.

Уже спускаясь по порожкам вниз, Вероника крепко держала Мишку под руку, но, тем не менее, весело, по-детски пританцовывала.

– Ошалела!.. – напевала она и громко смеялась. – Мишенька, прости меня пожалуйста, но я и в самом деле ошале-ла-а-а!..

Ассы

...Весной сорок третьего перегоняли мы с подружкой «У-2» из ремонтной бригады на наш фронтовой аэродром. Оружия у нас не было... А впрочем, зачем нам наганы, если

внизу глубокий тыл? Катька мне песни по внутренней связи поет, а я – штурман-стрелок без пулемета – американское печенье грызу.

Катьке тогда двадцать два года было, мне – девятнадцать. Девчонки совсем!.. Но дружили мы крепко. Катька красивая была как королева, бойкая, такая спуску никому не давала. Служил у нас на аэродроме один майор-связист. Грешок за ним водился – любил свое равнодушие к женскому полу руками доказывать. Но после «разговора» с Катькой он не то, что ее, меня за три версты обегать стал. Издалека предпочитал здороваться, при чем крайне вежливо.

На фронте к женщинам особое отношение было. Не в бою, конечно, на земле. Чуть «зазевалась» девчонка – уже и женишок рядом вертится. Люблю, мол, и жить без вас не могу!.. Тили-тили, трали-вали, короче говоря.

Катька все посмеивалась. Мол, эти мужики, как «мессеры», всегда с тыла заходят. Может быть, уже завтра гореть девчонке среди обломков фанерного самолетика, уткнувшись разбитым лицом в приборную доску, а тут любовь, понимаешь!.. Но человек к жизни тысячами нитей привязан. Чего греха таить, жаден он к ней, даже ненасытен. А любовь-то, она и есть самая главная ниточка. Чуть тронь ее – уже стучит глупое сердечко, волнуется... И жизнь огромной кажется, как небо.

Рядом с нами 346-й истребительный полк базировался. Сама не знаю как, но привязался ко мне паренек один. Ладно

бы герой, а то так себе – младший лейтенантик ускоренного выпуска... Худой, как мальчишка и застенчивый еще больше чем я. Из всех достоинств у Петьки только глаза и были. Никогда, ни до ни после, я таких глаз не видела: огромные, голубые, может быть чуть грустные, но едва улыбнешься ему, глядь, и в Петькиных «озерах» живая и лукавая искорка светится. «Озерами» Петькины глаза Катька называла. В насмешку, конечно. А еще она терпеть не могла, когда я ей про Петькины «ухаживания» рассказывала. Злилась даже. Хотя, какой из Петьки, спрашивается, ухажер?! Всей смелости у него только на то и хватало, чтобы рядом со мной присесть да робко за руку тронуть...

Месяц прошел – Петька мне предложение сделал. Смешно!.. Не целовались даже ни разу, а тут – замуж.

Рассказала я Катьке... А она глазами сверкнула, отвернулась и молчит. А я дальше рассказываю и от смеха уже чуть ли не задыхаюсь. Петька – и вдруг муж!.. В ту пору мне больше рослые ребята нравились, с орденами и снисходительными улыбочками. Герои!.. А тут вдруг какой-то красный от смущения Петька.

Катька спрашивает:

– Прогнала его?

Я смеюсь:

– Конечно!

На том и закончился наш разговор.

А уже на следующий день я Катьку рядом с Петькой уви-

дела. Стоит наша гордая полковая красавица и такими влюбленными глазами на Петьку смотрит, что даже у «вечного грешника» майора-связиста челюсть на грудь упала. Мол, чего это она, а?!.. Да что там майор! Сам командир полка и тот головой покачал. А потом вклеил он Катьке сутки «губы» чтобы охолонула она от своего неумного чувства, поскольку зенитчики вместо того, чтобы за небом присматривать, на сияющую от счастья красавицу глаза пялят.

Шевельнулось у меня под сердцем что-то... Что-то не доброе к Катьке. Мол, зачем она к Петьке подошла? Во-первых, мы же подруги, а во-вторых, если я Петьку прогнала, то ей-то он зачем?!

А весной в мае ночи светлые, соловьиные... Сирень пахнет так, словно войны и в помине нет. Если бы мы на ночные бомбежки летали, может быть, я и не думала ни о чем... Но перед этим потрепали нашу старенькую «восьмерку» немецкие зенитки. Сдали ее в ремонт, в тыл... Короче говоря, не один час, по ночам, я потолок нашей землянки рассматривала и никак от мысли, – где и с кем сейчас моя подруга Катька пропадает, – избавиться не могла.

Потом срок пришел за нашей «восьмеркой» в тыл ехать. Я остаться могла, но Катьку не проведешь: мало ли, мол, что в ее отсутствие на моем личном фронте случиться может?.. Ведь у девятнадцатилетней девчонки вчерашнее «нет» очень легко в «да» превращается.

Ох, и ласкова же со мной Катька была!.. Когда мы на «по-

луторке» ехали, она меня два часа шоколадом кормила. Целый месяц она его копила, что ли?.. А болтала Катька так, словно на всю войну наговориться решила: и о доме своем под Иркутском, и об учебе в техникуме, и о матери... Коротче говоря, обо всем кроме Петьки.

Но сколько бы я шоколада не ела, все равно под сердцем горько было. Неуютно как-то и горько...

А еще через сутки поднялись мы с Катькой на своей «восьмерке» с пыльного аэродрома к веселеньким облачкам еще не зная, что идем в самый страшный и отчаянный бой в своей жизни.

Погода была лучше и не придумать: солнышко яркое-яркое и вокруг пышные облака, как огромные корабли.

Вдруг смотрим, ниже нас – «Мессер»!.. Один. Нас он не заметил – мы как раз в облако нырнули. Такие самолеты-одиночки «охотниками» называли. Летали на них ассы. Правда, такому ассу, что полевой госпиталь атаковать, что штаб во время передислокации – все едино.

Война – это азарт. Азарт страшный – до безумия. Отличные у нас были шансы на голову фашиста свалиться и пропеллером его рубануть, но скорости не хватило. У «Мессера» скорость – втрое. К тому же опытный нам фашист попался, успел в сторону шарахнуть.

Кое-как увернулись мы от его очереди и снова – в облако. А фрица видно обида взяла: мол, какие-то русские «фрау», меня, асса, сбить захотели. Знали немцы, что на «У-2» ча-

стенка женщины летали. Короче говоря, решил немец на нас поохотиться. Их брату-ассу за «рус фанер» с «рус фрау», железный крест давали.

Крутимся мы с Катькой в облаках... А фрицу то ли его же собственная скорость за тихоходным самолетиком охотиться мешает, то ли он специально выманивает нас из облака: крутится ниже, словно на вторую атаку напрашивается. Буквально жметя к облакам, гадина!..

Высмотрели мы вдвоем фашиста еще раз. Катька ручку от себя и – в пике прямо на желтые кресты. А «мессер» чуть ли на «пяточке» развернулся и как полоснет очередью! Меня в руку задело, Катьке осколками триплекса лицо посекло. Спасло только то, что Катька успела под брюхом «мессера» прошмыгнуть.

Стал немец еще ближе от облаков кружить. Ждет, сволочь!.. Нате, берите, мол, меня, фрау. А у нас бензин – почти на нуле. С парашютом прыгать бесполезно: для «мессера» двух «фрау»-парашютисток расстрелять – одно удовольствие.

Катька мне кричит:

– Не вижу ничего!.. Кровь глаза заливает. Наводи меня!..

Только я что могла?.. Хоть и не сильно меня фриц задел, но мимо артерии пуля все-таки не прошла. Кровь хлещет так – ладошкой рану не зажмешь. Мутится все перед глазами... А фашист хоть и рядом – попробуй, достань его. Это тебе не бомбы на окопы сыпать.

Вот в ту секундочку и вспомнила я Петькины глаза. Словно в самую душу плеснули мне его «озера». Казалось бы, вот она, смерть, а меня жалость какая-то за сердце берет.

«Ах, Петька ты, Петька!.. – думаю про себя. – Что же ты таким робким оказался? Был бы наглым, как этот фашист проклятый, может быть, и добился своего?..»

Катька мне кричит:

– Бензин кончается!.. Не вижу. Наводи!

А у меня в голове: «Прощай, Петенька!.. Видно не судьба, потому что фашист этот не как ты... От него не уйдешь».

Я смотрю, тень чуть ниже нас скользит. Кажется, руку протяни и достанешь. Не летел даже фашистский асс – словно парил в воздухе как воздушный шарик.

Я кричу:

– Катька, левее на десять часов!

Ближе тень... Еще ближе! Крепкие нервы у немца оказались. Один за одним виражи он закладывал: что, мол, дамочки, слабо вам, да?

Словно по ниточке на ту последнюю атаку мы выходили... Цена ниточки той – жизнь. Когда «мессер» стал высоту на очередном развороте набирать, упала у него скорость... Как акула перед атакой он брюхом к нам развернулся.

Я кричу:

– Катенька, вправо на четыре!.. Угол семьдесят. Милая, прощай!!

Уже не о простом таране речь шла, а о таком, после кото-

рого комок железа вперемешку с человеческой кровью остается.

Только ошиблась я... Просто не могла не ошибиться: перед самым носом фашиста наш самолетик из облака вынырнул. Так что не мы его, а он нас таранил: осколки хвоста нашей «ушки» в одну сторону брызнули, пропеллер от «мессера» – в другую. В грудь ударило так – только искры перед глазами сверкнули, а потом погасли искры... Как в бездне погасли.

Как с парашютом садилась – не помню... В себя на земле пришла – и бегом к Катьке.

А она за лицо обоими руками держится и стонет:

– Господи, да кто же меня теперь замуж возьмет?!..

Оторвала я ее руки от лица. Смотрю – осколки поверху прошли, брови рассекли, лоб и только на одной щеке маленькая царапина.

Я говорю:

– Катенька, это ничего... До свадьбы заживет.

А Катька мне сквозь слезы шепчет:

– Да не будет никакой свадьбы!.. Господи, и что только Петька в тебе нашел-то?!

Обидно мне стало. Даже руки у меня от той обиды задрожали.

– Может, что и нашел – говорю, – тебе-то какое дело?

Катька кричит:

– А такое!.. Ты Петьку прогнала? Вот и не лезь теперь к

нему!

Я кричу:

– А вот захочу и полезу!.. И ничего ты мне не сделаешь.

Мимо какая-то пехотная часть шла. Если бы не мы – потрепал бы их «мессер». Так что сбитого фашиста солдаты наши чуть ли не руки приняли.

Полковник подошел. Посмотрел он на нас, улыбнулся и спрашивает:

– Девочки, вы, что тут драться собрались, что ли?

Немца привели. Ух, и гад нам попался!.. Вся грудь – орденах и рожа как у пса-рыцаря из кино «Александр Невский».

Немец морду задрал и лопочет что-то полковнику через переводчика.

Полковник на нас пальцем показал и говорит:

– Ты не мне, ты им, сукин сын, докладывай.

Посмотрел на нас немец – поморщился... Но козырнул все-таки, потом говорит:

– Майор фон Отто Краух. Совершил триста боевых вылетов. Уничтожил девяносто восемь самолетов противника. В последнем бою своим первым тараном сбил... – еще раз осмотрел на нас немец, еще раз поморщился: – Сбил двух советских ассов.

Двух ассов!.. Хитрый счет у войны. Дотянул-таки до желанной цифры «100» фашист. Правда, «ассы» ему не очень brave попались: полуослепшая от собственной крови девушка-летчица да стрелок-штурман, которая только и могла,

что запустить в немца куском печенья.

Улыбнулся наш полковник: вроде как юбилей у «фона» случился. Сотня, все-таки. Наградить бы нужно его, только чем?.. Снял полковник свою фуражку, отцепил от нее звездочку и на грудь немца, рядом с крестами, приколот.

– Спасибо тебе, гад, – говорит, – за девочек, за твой таран и за то, что они живы остались. Носи свою последнюю награду на здоровье, сволочь.

Даже мы с Катькой и то засмеялись... Сквозь слезы, правда.

А с Петькой у нас так ничего и не получилось.

Уже в госпитале узнали мы с Катей, что три дня спустя 346-й истребительный полк, почти в полном составе, штурмовал железнодорожный узел Перелешино. Бой был страшный... Но кто-то из ребят все-таки успел увидеть, как из последних сил, почти над самой землей, тянул и тянул к жирной «гусенице» фашистского эшелона доверху залитого топливом для танков, объятый пламенем Петькин «Як»... Даже могилы и той от Петьки не осталось.

С тех пор прошло уже много лет, но каждую весну мне снится Петька. Как живой стоит он передо мной, улыбается чуть виновато своими огромными глазами и молчит.

Люди правильно говорят, у войны не женское лицо... Но никто не знает, какая у нее память.

Точка на карте

1.

Говорят, есть такая наука – «теория катастроф». Я не берусь судить, насколько продвинулись математики, пытаюсь взять на короткий поводок парадоксальную непредсказуемость Его Величества Случая, впрочем, одно я знаю наверняка, иногда этот шутник в лихо сдвинутой набекрень короне кладет человеку на плечо свою тяжелую руку и, оглянувшись, ты вдруг видишь его доброе, улыбающееся лицо.

– Ты готов?

И в полете на малой высоте у тяжелой винтокрылой машины вдруг отказывает двигатель...

– Ты готов?

И на последних каплях горючего, сплевывая кровь с прокусанных губ, ты пытаешься посадить вертолет на крошечный «пяточок» между камней...

– Ты готов?..

...Вертолет Кости Виноградова разбился на шестьсот километровой трассе между Дудинкой и Гыданской губой. Так называемый «северный завоз» девяносто шестого года был одним из самых нелепо организованных. Мы трижды, почти на бреющем, прошли трассу, но Костин «Ми-8» попал в пургу. Заснеженная тундра цепко держала свою тайну.

Через три дня охрипший от спирта и мата командир отряда Мишка Егоров вдруг сник и, казалось, постарел на

несколько лет.

– Кто-то должен ехать к ней... – сказал он, стараясь не смотреть на наши лица.

Все знали, к кому и куда нужно было ехать. Костя Виноградов всегда носил в нагрудном кармане фотографию красивой женщины с огромными и веселыми голубыми глазами.

2.

Люба поняла все и сразу. У нее вдруг задрожало лицо и молодая женщина без сил опустилась на диван. В крохотной комнате громко стучали часы, а на стене висела большая фотография улыбающегося Кости.

Может быть, нам нужно было сказать что-то еще, но мы с Сережкой топтались на пороге и рассматривали свои унты. Потом мы ушли...

В гостиничном номере Сережка сорвался. Он кричал про проклятую Гыданскую губу, про дураков-начальников и в кровь разбил кулак о стену.

Когда мы пили спирт, Сережка вдруг стал иронизировать над моей бородой. Он делал это всякий раз, когда злился на самого себя. Но я молчал... У Сережки были мокрые глаза и толстые, потерявшие привычную форму, губы.

– Суки, ах, какие же суки!.. – он ударил покрытыми ссадинами кулаком по столу. – Я не хочу и не буду больше камикадзе!

В последнем полете у нас с Сережкой полностью вышли из строя навигационные приборы и связь. Старенький «Ми-8» был слишком немогуч, чтобы бросать вызов вечной тундре. Мы шли почти вслепую, пробиваясь через две бури: начинающуюся снежную и магнитную, которая легко сводила с ума простенький компас.

3.

Люба пришла к нам утром. У нее было бледное лицо и удивительно спокойные, но ставшие вдруг еще более огромными и светлыми глаза.

Сережка едва успел натянуть на себя одеяло, чтобы скрыть голые ноги.

– Я поеду с вами, – сказала Люба. – Я знаю, где Костя.

Она даже не посчитала нужным сказать, что Костя жив.

– Мы уже искали его, – сказал я.

– Значит, плохо искали. И вы не знаете, где он.

Я смотрел в глаза женщины и пытался найти в них признаки надвигающегося безумия. Но их не было...

Люба улыбнулась и сказала, что у меня очень красивая борода.

– Оборвать ему надо бороду эту... – проворчал Сережка. – Он с ней на святого похож. Во время слепой посадки неизвестно кому молиться, то ли Богу, то ли ему.

Люба улыбнулась Сережке и посмотрела на меня.

Я не знаю, как назвать то чувство, которое овладело мной в ту минуту: это была и растерянность, и надежда, и просто страх. Да, мы искали Костю с воздуха. Мы предположительно знали его маршрут, но пурга могла отбросить обессиленную машину далеко в сторону. В поисках на земле нам могли бы помочь ненцы, но они уже ушли с оленьими стадами на юг и не оглядываться назад. Их шаманы говорили, что смотреть на надвигающийся черный Север – дурная примета...

4.

В кассе аэропорта сказали, что билетов до Норильска нет. Люба заплатила за билеты втрое. Она всегда оказывалась впереди нас и даже в Норильске спокойная и энергичная Люба, а не мы, договаривалась с местными вертолетчиками о полете в Дудинку.

Дома, в отряде, остался только Мишка Егоров. Он сидел за столом в огромной холодной комнате и бездумно смотрел в угол...

Люба сказала, что знает, где Костя.

Мишка усмехнулся и сказал:

– Вы говорите так уверенно, словно у вас есть карта, а на этой карте, в нужном месте стоит галочка.

Люба промолчала.

– Топлива только на один вылет, – сказал Мишка, стара-

сь не смотреть на Любу. Он, как и я, боялся столкнуться с безумием, а не с надеждой. – И у вас все-таки нет карты. Я уже сказал, что не могу на своей «восьмерке» шарить над тундрой. Но если вы найдете Костю, я вас вытащу хоть с того света. С ненцами можно договориться насчет оленей и проводников. Кстати, не оставляйте батарейки в рации... Они замерзнут.

Старик-ненец мотал головой, отказываясь идти навстречу полярной ночи. Сережка предложил ему целую ванну спирта. Но старик давно бросил пить и строго-настрого запрещал своим пятерым сыновьям прикасаться к спиртному.

Тем не менее, на следующее утро из стойбища вышли четыре оленьи упряжки. Трудно сказать, что помогло убедить упрямого старика, то ли немислимые деньги, которые предложила ему Люба, то ли ее огромные и светлые глаза еще более немислимые на нашей грешной земле...

5.

Только тот, кто пережил Полярную Ночь, знает, что по-настоящему обжигает не огонь, а холод. Жар обжигает только кожу, холод мертвит, проникая внутрь и рождает первобытный ужас перед неизбежным. От солнца можно спрятаться в тени, но холод приходит ниоткуда и царит везде.

Мы шли вперед и не видели ничего кроме дороги, которой, в сущности, не было. Дорога была там, уже сзади нас, а

впереди лежала белая, нетронутая пустыня.

На третий день пути у Сережки стала сползать кожа с обмороженного лица, и он поклялся отпустить себе бороду. Когда нас застигала пурга, мы ложились рядом с оленями, а когда она кончалась, не было видно рогов ближайшей упряжки.

На четвертый день пути старик-ненец отказался идти вперед. Инстинкт подсказывал ему, что мы подошли к точке возврата, после которой уже не будет пути назад. Старик верил не в нашу рацию, не в Мишкин вертолет на далеком аэродроме, а в солнце, которое появлялось из-за горизонта уже меньше, чем на час.

Я не стал с ним спорить. Даже словоохотливый Сережка молча сидел на нарах, очищая лыжи от налипшего снега. А в глазах Любочки не было ничего кроме отчаянной и немой мольбы...

На следующее утро, две олени упряжки повернули на юг, две пошли дальше на Север. Наши олени оглядывались и с тоской смотрели на своих товарищей...

6.

За семидесятой параллелью есть чуть ли не единственное на весь Гыданский полуостров плоскогорье. Его восточную сторону наши ребята в шутку называли Вороньими Камнями: похожий сверху на длинный птичий клюв мыс из огром-

ных валунов далеко врезался в тундру. Кончик «клюва» лежал примерно в двадцати километрах от нашего пути.

У нас оставалась уже только одна оленья упряжка, да и от той было мало проку. Голодные олени с каждым разом все труднее поднимались на ноги и смотрели на нас влажными, обреченными глазами.

Сережка обморозил левую ногу и сильно хромал. Мне все чаще приходилось подставлять ему свое плечо. Одна Любочка, казалась, не знала усталости.

– Двужильная она, что ли?!.. – удивлялся Сережка.

Потом была пурга и она продолжалась сутки... Мы, прижимаясь к теплему оленьему боку и слушали, как бьется его сердце.

Любочка начала кашлять. У Сергея поднялась температура, и иногда он бредил: ему казалось, что он весело болтает с девушками на берегу теплого моря.

После пурги встать смог только один олень из четырех оставшихся. Оленя завали Тыгыр и он был вожаком уже не существующего стада.

Я уложил Сережку на нарты. Он тихо позвал меня.

– Смотри! – Сережка протянул мне листок, вырванный из ученической тетради – Это я нашел у Любы...

На листке была нарисована твердой мужской рукой карта с проложенным на ней маршрутом Кости из Дудинки на Гыданскую губу. Рядом с «клювом» Вороньих Камней стояла точка с росчерком, делавшим ее похожей на падающую

звезду.

– Мы идем туда... – Сергей жалко улыбнулся, и его обмороженное лицо стало похоже на вырезанную из дерева маску. – У Любы все-таки есть карта... Ты не заметил, а Люба повернула к Вороньим Камням еще до пурги.

– Зачем?

– Глупый вопрос... Неужели ты не понял? Мы шли к этой точке с самого начала.

У меня вдруг ослабли ноги, и я почувствовал, как мне больно дышать вымороженным до синевы воздухом тундры.

– Полгода назад Костя был в отпуске. Наверное, они болтали о его работе, и Костя нарисовал карту, – сказал Сергей. – Но я уверен, что точку на этой карте Люба поставила сама.

Сережка был прав... Он был прав потому что еще никто не получал писем с того света с координатами могилы отправителя.

Сергей вытащил из-за пояса кухлянки батарейки для радиации. Нам оставалось только вызвать Мишку Егорова и уже через семь часов мы были бы дома.

Я не знаю, слышала ли наш разговор Люба. Если нет, то она все поняла по нашим глазам. Люба молча стала на лыжи и пошла вперед. Она не оглядывалась, и поземка быстро заносила ее следы.

Я уронил батарейки в снег... Когда я поднял их, в них уже не было ни капли тепла.

Я тащил нарты вместе с Тыгыром. Иногда олень косился на меня и испуганно всхрапывал.

– Мы же сдохнем здесь! – Сережка был готов кричать, но у него уже не было сил. – Пойми, просто сдохнем!

Я закрывал глаза, и земля падала мне навстречу. Тундра поднималась на дыбы и казалась мне вязкой, как болото, стеной. До точки на карте оставалось меньше километра, когда я натолкнулся на упавшую Любочку. Она улыбалась...

– Там... Смотри! – она попыталась повернуть голову. – Видишь?!..

Я смотрел на едва заметный над снегом оранжевый край палатки и был готов заплакать от бессилия. Я попытался уложить Любочку на нарты, но не смог. Она встала сама, и я видел, каких усилий ей это стоило. Последние метры мы тащили нарты втроем: двое умирающих от усталости людей и олень.

– Тыгырчик!.. Тыгырчик!.. Ну, еще чуть-чуть! – вместе со стоном выдавливала из себя Любочка. У нее пошла из носа кровь...

Если бы мы не натягивали лямки нарт, мы просто упали на снег. Чтобы облегчить наш груз, Сергей сполз с нарт и мне пришлось возвращаться за ним. Он часто терял сознание и в бреду снова болтал с девушками на берегу теплого моря.

– Там... Смотрите! – шептал он. – Ну, видите?!..

8.

Костя был жив... У него была сломана ключица. Воспаление легких убивало его сильное тело медленно, с большим трудом и у Кости еще оставался шанс.

До того как стать врачом, Любочка работала медсестрой, но делать уколы обмороженными руками мы смогли только вдвоем с ней.

Потом я вызвал по рации Мишку Егорова и пошел готовить площадку для посадки. Я плохо помню, как мне удалось расставить банки с сухим горючим по ее углам, как Любочка плакала, пытаясь найти непослушной иглой вену на моей руке, и как Мишка Егоров отталкивал меня от чуть живого Тыгыра, которого я пытался привязать на длинных лонжах к вертолету.

Самого полета я не помню вообще. Я пришел в себя, когда мне помогали выйти из вертолета и я натолкнулся на уже успевшего встать на колени Тыгыра...

9.

Как шутил Сережка, меня спасло от того, что пришлось пережить в больнице Косте, Любочке и самому Сережке, моя борода.

– Нет, вы смотрите, это же меховой шарфик! – доказывал Сережка смешливым медсестрам. – Или даже коврик. Если спать на снегу, борода может с успехом заменить спальный мешок.

Улыбался даже Костя, хотя ему было трудно не то, что улыбаться, а просто говорить.

Любочка выздоравливала медленнее всех. Про точку на карте я решился спросить ее только после того, как врачи заверили меня, что все самое худшее уже позади.

– Я знала, что рано или поздно ты спросишь, – огромные глаза Любочки чуть заметно улыбнулись. – Ладно... Когда пятнадцать лет назад Костю забирали в армию, мы были еще, в сущности, детьми. Дети не оригинальны в своих выдумках, но они вкладывают в них кусочек своего сердца. Костя уже тогда бредил полярной авиацией, и я сама предложила ему каждый вечер, ровно в одиннадцать смотреть на Полярную звезду. Смешно!.. Это было местом нашей встречи.

Прошло только полгода и я пропустила наше очередное «звездное свидание». Как раз в это время целовалась с другим парнем. Не думаю, что меня мучила совесть, когда я вспомнила о Косте... Перед тем, как лечь спать, я долго стояла перед зеркалом и думала о том, какая я красивая.

А ночью мне приснился страшный сон: Полярная звезда упала с неба на мои ладони и превратилась в «похоронку» на Костю. Я закричала от ужаса и проснулась... Афганистан был несоизмеримо ближе любой звезды, но там стреляли.

Писем от Кости не было три месяца, а потом он написал мне что «немножко ранен» и лежит в госпитале в Москве. Я полетела к нему сломя голову, еще даже не понимая, что делаю свой главный выбор в жизни. Когда я, наконец, поняла это, я рассказала Косте не только свой страшный сон, но и его причину. Наверное, я представляла в эту минуту довольно жалкое зрелище. Костя просто рассмеялся... Он погладил меня ладонью по щеке и сказал, если я еще хоть раз поцелуюсь с кем-нибудь, он обязательно оборвет мне уши.

Сережа был не прав думая, что я поставила точку на карте сама. Тогда... В тот последний вечер, мы действительно болтали с Костей о его работе. Он нарисовал мне карту. Когда он хотел положить ручку в карман рубашки, ручка вдруг упала и оставила на карте точку крохотную, похожую на падающую звезду.

Костя долго рассматривал эту случайную «звездочку», потом улыбнулся и вдруг припомнил мне мой давнишний «грех» – наше не состоявшееся звездное свидание. Конечно же, это был не упрек, а только веселая и добрая насмешка, но я почему-то вдруг страшно разозлилась. Я накричала на Костю, скомкала листок и бросила его в угол... Костя поднял листок, и я увидела его глаза. Они были... – Любочка замолчала. – Я не знаю почему, но мне вдруг стало страшно. Костя сказал: «Знаешь, а ведь все-таки ты не пришла тогда... К нашей звездочке».

Листок так и осталась лежать на столе, пока не пришли вы

с Сережкой. Уже ночью я вспомнила о карте и долго смотрела на падающую «звездочку»... И я понимала только одно, об этой «звездочке» знаем только мы двое – я и Костя. Поэтому я не сказала вам о «карте». Вы просто не поверили бы мне...

– Да я и сейчас не верю! – невольно вырвалось у меня. – Что дальше?..

– Пожалуй, это все, – молодая женщина пожала плечами. – Правда, я не знала, что нам придется идти пешком. Обо всем остальном ты сможешь догадаться сам, это не трудно...

Любочка устало улыбнулась и замолчала. Я потер лоб, собираясь с мыслями.

Костя летел один и разбился почти на середине трассы. О том, чтобы добраться пешком до Дудинки или стоянки геологов-буровиков на Гыданской губе ему не стоило было и думать. Но ждать он тоже не мог – пурга погребла место аварии и пожара под толстым слоем снега и увидеть его сверху было практически невозможно. Костя дважды замечал наши «Ми-8», но мы взяли место аварии в «вилку» обойдя его справа и слева.

О чем тогда подумал Костя?.. О «звездочке» на карте и о том, что ему придется пережить собственную смерть. В эту смерть должны были поверить мы, его друзья, но не женщина с огромными глазами в далеком городе.

Костя взял с собой все, что могло спасти его от холода и голодной смерти. Он хорошо помнил примерные координаты

ты «звездочки» и прошел двадцать три километра до «Вороньего клюва»... Это был его крохотный шанс спасти жизнь, пережив собственную смерть.

– Но ведь это же все случайность! – я смотрел на Любочку и, все-таки понимая всю ее довольно простую логику, еще не мог поверить в нее. – Костя мог разбиться далеко от «Вороньего Клюва», ты могла выбросить листок с картой, забыть о нем... Да мало ли еще что могло произойти?!

– Ты знаешь, – Любочка виновато улыбнулась. – Однажды я поняла, что в мире нет ничего случайного... Ничего! Понимаешь?

10.

Я рассказал эту историю Сережке и Мишке Егорову. Они выслушали ее молча и предложили выпить за второе рождение Кости.

Поздней весной, Сережка попытался вытащить из тундры неподготовленную группу геологов и пропал в районе большого Гыданского плоскогорья. Я и Мишка Егоров искали его неделю и четыре раза сажали вертолеты у «Вороньего клюва». Там, у «звездочки»... Но Сережки не было. Он выбрался сам к енисейскому заливу худой, оборванный, голодный и украшенный давно обещанной бородой.

Забирая его от рыбаков, злой как черт Мишка не выдержал и дал ему подзатыльник. Сережка чуть не подавился

рыбой и удивленно посмотрел на командира. Мишка сказал ему, что мы ждали его у «Вороньего клюва» возле той самой «звездочки». Сережка виновато улыбнулся: такая простая мысль не приходила ему в голову.

Любочка оказалась права: ничего случайного в этом мире просто не существует...

Белая мышь

1.

Наташа ходила по комнате и терла щеку... Мысли молодой женщины были ужасно гордыми и мучительными. Мысли властно обнимали и грели, как гриппозный жар и, собственно говоря, если бы саму Наташу вдруг попросили сказать, о чем она думает, она вряд ли смогла ответить. Но молодая женщина наверняка припомнила как-то раз промелькнувший в телевизоре заносчивый заголовок: «Ее все предали, а она всем отомстила!..»

В высокомерном деспотизме странных мыслей – таком же неистребимом как потливость в простудной горячке, – определено было что-то нехорошее и болезненное. Но Наташа ничего не могла с собой поделать: молодой женщине было приятно страдать и ей хотелось именно страдать, а не, допустим, мыть на кухне посуду. Наташка терла и терла щеку, щека стала совсем горячей, а от ногтей вдруг запахло све-

жим лаком.

Все началось вчера с утверждения подружки Ольки: «Если у мужа есть заначка, значит, он уже тебя не любит!» Наташка не стала возражать подруге и позже, весь вечер, сидела на Мишку. Она молча смотрела, как ее муж ест ужин, затем как он смотрит телевизор, кормит рыбок в аквариуме, а в завершении всех дел возится со старым компьютером.

«Типичный одомашненный деспот!» – вынесла свое пренебрежительное заключение Наташка.

– Ты что дуешься, как мышка-норушка на крупу? – поинтересовался муж.

– Ничего! – отрезала Наташка. – И, кстати говоря, я не мышка!

– Правильно, – согласился муж и улыбнулся. – Ты – не норушка, ты – белая, домашняя мышка.

Короче говоря, вчерашний вечер получился молчаливо-мучительными. Наташка решительно прерывала все дальнейшие попытки мужа заговорить с ней.

«Нет, Олька все-таки не дура, – продолжала рассуждать про себя Наташка. – Она уже два раза разводилась, а я?!...»

Оля была одинокой и гордой женщиной. И Наташе то же вдруг захотелось стать такой.

«Если у Мишки есть заначка, я уйду к маме!» – наконец решила она.

На секунду Наташка представила себе, как она – бледная, ужасно гордая и неприступная – стоит на пороге квартиры

с чемоданом. Где-то там, на заднем плане, мелькнуло Мишкино лицо – не менее бледное, чужое и потеряно жалкое...

2.

От письменного стола Мишки пахло сигаретами и еще чем-то неопределенно мужским.

«Дешевым одеколоном, наверное...» – недобро усмехнулась Наташка.

За пару минут молодая женщина обшарила все ящики стола, заглянула под крышку и даже попыталась поднять ее. Но тайного клада не было. Наташка довольно бегло осмотрела два подоконника и тумбочку с телевизором. Заначки не было и там...

Однокомнатная квартира вдруг показалась молодой женщине ужасно маленькой. Наташка подошла к шкафу. Бабушкин шкаф был еще более старым, чем письменный стол. Под его единственной, широкой дверцей располагались два выдвижных ящика.

«Нет, шкаф это место скорее для женской заначки, – подумала Наташка. – Я же каждый день в нем что-нибудь перекладываю...»

Она заглянула за шкаф. У нее тут же радостно и зло екнуло сердце – там, на полу, между стеной и шкафом лежал небольшой, зеленый рулончик, туго и густо перемотанный леской. Иногда Мишка ездил на рыбалку, и леска говорила

о том, что это именно он, Мишка, обмотал загадочный рулончик.

Наташка просунула руку в щель между шкафом и стеной. Ей мешал изогнутый угол трубы отопления – гладкий и холодный металл сильно давил на локоть.

«Все равно достану!..» – уже не на шутку рассердилась Наташка.

Конечно, можно было сходить за шваброй и попытаться достать предполагаемую Мишкину заначку снизу, но добыча казалась уж очень близкой. Наташка прикусила губу и втиснула руку дальше. Ее пальцы слегка коснулись рулончика...

«Еще чуть-чуть!.. Ух, и устрою же я Мишке «Исповедь непокоренной»!..»

Очередной рывок руки вперед заставил Наташку вскрикнуть от боли. Она инстинктивно попробовала вытащить руку, но вдруг с ужасом поняла, что рука застряла. Шкаф и труба парового отопления держали как клещами. Любые попытки не просто пошевелить рукой, а даже сесть удобнее, вызвали невыносимую боль в локте.

Наташка испугалась и с силой рванула руку. Боль стала просто чудовищной. Перед глазами вспыхнули огненные круги, а на лбу выступила холодная испарина...

3.

... Два часа изнурительной, крайне болезненной борьбы

почти лишили сил молодую женщину. Отдыхая, она сидела, неудобно привалившись боком к стене. Страшно ломило не только зажатую в щели руку, но и затекшую поясницу.

На столе зазвонил телефон.

«Вас приветствует автоответчик, – ответил телефон радостным Наташкиным голосом. – Ку-ку!..»

Что-то щелкнуло.

– Наташ, я сегодня в командировку сорвусь на пару дней, – сказал Мишкин голос. – Ты не возражаешь?.. Домой заходить не буду. Позвони мне на сотовый.

Голос пропал.

Наташка заплакала от отчаяния. Промелькнула мысль «Все, это конец!..» Боль и ужас стали просто нестерпимыми. Слезы застилали глаза, комната поплыла как в тумане. Сознание то ли ускользало в темноту, то ли попросту растворялось в ней. Тело стало заваливаться вперед и страшная боль, как игла, в очередной раз прошла от пяток до затылка.

«Я же вот так умру!..» – вдруг подумала Наташка.

Приступ ужаса – огромный и похожий на распахнутую пасть – на какое-то время затмил боль. Наташка снова изо всех сил рванула руку и тут же рухнула в бездну...

4.

... В прихожей хлопнула входная дверь.

– Мишенька!..

Наташа не узнала собственного голоса. Он был хриплым и глухим, как из подполья. Мишка ничего не ответил. Он рванулся в комнату так, что сорвал вешалку в тесной прихожей.

– Мишенька!..

Мужу потребовалась только одна секунда, чтобы понять смысл случившегося. Он бросился к шкафу.

– Сиди тихо, не шевелись, – рявкнул он.

– Бо-о-ольно!.. – заплакала Наташка. – Мишенька, воды дай!..

Снова нашлись слезы, хотя там, внутри, было жарко и пусто, как в разохшейся бочке.

Муж на удивление легко справился со шкафом. Дубовая громадина, как пушинка, скользнула по полу и замерла в шаге от Наташки.

Мишка бережно усадил жену на диван.

– Мишенька, воды дай!..

Наташка прижимала руку к груди как ребенка и раскачивалась взад-вперед. Мишка метнулся на кухню. Через секунду оттуда донеслось громкое «Ой, черт!..» и звук разбившегося о раковину стакана.

Наташку начало трясти... Мишка принес воду в пол-литровой банке. Пока Наташка пила, он попытался осмотреть ее руку. Наташка закричала от боли. Вода попала в легкие... Кашель получился надрывным и старческим, из самой глубины.

Мишка кинулся к двери в прихожую.

– Ты куда?.

– Я «скорую» вызову.

– Не уходи!.. Я боюсь. Еще воды дай!..

5.

Визит «скорой» был недолгим, а диагноз пожилого врача даже слегка улыбочивым.

– Уверяю вас, молодой человек, ничего страшного. В основном это нервный шок, – заверил он Мишку. – Кости целы. А синяк будет не таким уж небольшим...

Наташка лежала на диване. Она безучастно рассматривала потолок, прижимала к груди руку и механически повторяла одно и то же:

– Больно!.. Больно!

– Я сделал три укола, – пояснил Мишке врач. – Если хотите, мы можем отвезти вашу жену в больницу.

– Я никуда не поеду! – твердо сказала Наташка.

После того, как врач ушел, Мишка все-таки заглянул за шкаф и поднял с пола загадочный, обмотанный леской рулончик.

– Итальянская леска, – пояснил он жене. – Только леска. Закатилась, видно... А тебе она зачем понадобилась?

Вместо ответа Наташка долго рассматривала рулончик в руках мужа. Она вдруг поняла, чего она боится – пустоты внутри себя самой. Примерно такой неживой бессодержа-

тельности, которая бывает в комнате с вдруг провалившимся полом или когда все вокруг заслоняет боль.

– Миша, воды дай!.. – буквально вскрикнула Наташка.

6.

... Стрелки часов показывали уже половину третьего.

Наташка прижимала к груди руку и расхаживала по комнате.

– Больно!.. Больно! – тускло и автоматически повторяла она.

Мишка сунул голову под подушку. Любые его попытки заговорить с женой – а они длились не один час – и как-то отвлечь ее вопросами «Где болит?» или «Ну, давай я поглажу, да?..», вызывали одну и ту же реакцию – Наташка принималась стонать еще громче.

– Больно!

Наташка подошла к столу. Она взяла стакан с водой пострадавшей рукой, выпила его до дна и со стуком поставила на стол.

– Больно!

– Наташенька, зайка моя, я сейчас с ума сойду, – наконец пообещал из-под подушки Мишка.

– Больно!

– Я спать хочу. Мне утром на работу идти.

– Больно!.. – повысила голос Наташка.

Мишка приподнял подушку и посмотрел на жену... Ответный женский взгляд был чистым, ясным и по-детски страдающим.

– Я сейчас снова вызову «скорую» и отвезу тебя в больницу! – пообещал Мишка.

– Больно, – тише и чуть менее уверенно сказала Наташка.

– Честно слово, отвезу!

– Больно... – уже совсем шепотом сказала Наташка.

Для того чтобы уснуть Мишке хватило и минуты тишины.

7.

... Но его пробуждение было просто ужасным – Мишку избивали.

Наташка сидела верхом на муже и колотила его подушкой.

– Нашла, нашла!.. – весело кричала Наташка. – Она за диваном была!

Мишка поднял руки, пытаясь хоть как-то защититься. Лицо Наташки буквально сияло от счастья.

– Нашла!.. Ах, ты сволочь моя! – Наташка нагнулась и с шумным «чмоком» поцеловала мужа в щеку. – А ты думал, я не найду, да?..

– Что ты нашла? – только и смог выговорить удивленный донельзя Мишка.

– Твою заначку! – радостные и чистые глаза в упор смотрели на мужа. – Три тысячи рублей. Я победила, понима-

ешь?!

– Кого?.. – снова не понял Мишка.

Вместо ответа Наташка показала мужу язык. Она положила подушку и принялась устраиваться за спиной Мишки. Между делом женщина еще раз поцеловала мужа, уже в плечо.

– Тоже мне, конспиратор.

– Я это... Хотел тебе подарок купить, – начал было оправдываться Мишка. – Я же не для себя копил, честное слово!

– Не верю.

– Я же говорю, что...

Мишка попытался повернуться к Наташке, но в его спину уперлись два кулачка.

– Тпру, стоять!.. Мишка, тебе спать осталось только два часа. Вот и спи.

Мишка замер, лежа на спине. Наташка прильнула к его большому и теплому телу. Она провела по его груди ладошкой и снова засмеялась.

– Ты что?..

– Ничего.

– А все-таки?..

– Да так... Ты копил-копил, а я нашла и победила. Спи-спи!..

Уже усыпая, Наташка вспомнила свое недавнее ужасно гордое и прекрасное лицо. Лицо растворялось и уходило в бездну. А сама бездна была уже неощутима, как забытая

боль.

«Мышь ты, белая!..» – улыбаясь, почему-то подумала про себя Наташка.

Ночью ей приснился странный сон: на людной улице она остановилась возле нищего старика. Тот сидел на асфальте и гладил худющего, видно, что тоже бездомного котенка. Наташка подала нищему три тысячи рублей, а, пройдя дальше, она вдруг оглянулась и громко и радостно крикнула: «Спасибо вам, дедушка. Спасибо вам огромное!..»

«Что это я так?..» – там же, во сне, снова удивилась Наташка.

Ее догнала мысль: «Действительно, ведешь себя как белая мышь!..»

Всегда

1.

Если бы автор был злым человеком, он рассказал эту историю короткими, насмешливыми словами, потом, чему-то многозначительно усмехнувшись и стукнув себя кулаком по колену, встал и, не прощаясь, ушел. Я не могу и не стану утверждать, что я добрый человек, просто в силу не зависящих от меня причин я вижу – нет, не лучше! – а чуточку дольше злого человека.

Короче говоря, эта история началась для Насти Егоровой,

когда ей было всего пять лет. Однажды мама рассказала ей, как дядя Вася разбил пузырек с лекарством. Дядя Вася и тетя Вера жили напротив и чуть наискосок от дома Насти. Все соседи знали, что у тети Веры больное сердце. Когда врачи прописали ей какое-то новое лекарство, через пару дней она сказала мужу, что ей стало легче. Вот тогда-то дядя Вася и разбил пузырек. Он сказал жене: «Не радуйся. Хощу – лечу, хощу – угроблю».

Мама так артистически точно передала деревенский акцент дяди Васи, что Настя, не понимая или почти не понимая смысла его слов, засмеялась.

– Сволочь немытая, – сказала о дяде Васе мама. – Выродок. Ему больная жена надоела, вот он и хочет, чтобы она быстрее умерла.

Настю совсем не испугала жуткая история. Во-первых, дядя Вася жил довольно далеко, а, во-вторых, мама всегда говорила о нем с ледяной усмешкой и каким-то удивительным светлым, успокаивающим Настю чувством неодолимой внутренней силы. Но рассказ о пузырьке с лекарством все-таки произвел на маленькую девочку сильное впечатление, и она стала смотреть на дядю Васю с особенным любопытством, таким, словно видела перед собой не человека, а жуткую, но интересную игрушку.

Когда тетя Вера умерла, и прошло полгода, мама снова высказалась о дяде Васе, но на этот раз довольно необычной фразой в которой, почему-то не прозвучало его имени:

– Ты знаешь, Настенька, а ведь любой человек, даже если он очень хороший, – всегда сволочь.

Мама горько усмехнулась, отвернулась от Настеньки, и стала смотреть в окно пустыми, усталыми глазами. На этот раз Настя испугалась. Она подошла к маме, взяла ее за руку и уткнулась в нее лицом.

Мама Насти преподавала русскую литературу в старших школьных классах. Она была самым умным, самым сильным и самым добрым человеком на свете. Мама знала все обо всех и никогда, – Настя знала точно, что ни-ко-гда – не ошибалась в своих суждениях.

– А дядя Вова к нам больше никогда не придет, – неожиданно глухим голосом, сказала мама.

Настя не помнила своего родного папу Олега. Он давно умер, и к ним часто приходил дядя Вова. Не отрывая горячего лба от прохладной руки мамы, Настя быстро закивала головой, словно не она, а какой-то глупый теленок внутри нее, играя, пытался забодать эту руку. Дядя Вова был веселым, знающим много забавных фокусов, человеком и в сердце маленькой девочки впервые закралось смутное сомнение, насчет всегдашней правоты мамы. Хороший человек не мог просто так стать какой-то там нехорошей сволочью как дядя Вася.

Впрочем, мама оказалась права и в тот раз – дядя Вова к ним больше не пришел...

Дом достался Насте в наследство от бабушки. Он был очень уютным, и внутри него прятались, как в теремке, целых три комнаты – «совсем большая», «просто большая» и «не такая уж и маленькая». Дом украшали невысокая, похожая на гриб-боровик крыша и синяя, веселенькая веранда. Настя любила бабушкин дом не меньше того, в котором она выросла, а может быть так же сильно, как и саму бабушку.

Теперь уже сама Настя, как и мама, преподавала литературу в старших классах. Она была замужем целых шесть лет, воспитывала двух желанных малышей – Олю и Игорька – и очень хорошо относилась к мужу Сергею.

На этот раз странная история началась с того, что зимой потекла крыша дома. Настя разбудила Сергея ночью, лишь только заметила небольшие потеки на потолке. Снаружи бушевала темная метель, но Сергей безропотно полез на крышу.

– Шифер на углу сильно треснул, – сказал он Насте, вернувшись через долгих полчаса. – Видно давно подтекало. Угол дома весь во льду и крайняя балка подгнила.

– Что теперь?! – одними губами спросила Настя.

Сергей пожал плечами:

– Крышу менять. Летом, конечно. Лучше всю целиком. Кирпичный угол я переложу, дело нетрудное.

– Это ты виноват! – вдруг закричала Настя на мужа. – По-

чему ты раньше не увидел этот дурацкий треснувший шифер? Ведь ты был должен!..

В общем, «почему» у Насти получилось много, причем каждое из них сопровождалось обязательным «должен». Сергей ничего не сказал в ответ. Он взял нужные для спешной починки инструменты и снова ушел в темную метель.

Настя села у окна и стала прикидывать в уме, во сколько обойдется неожиданный капитальный ремонт. Она ничего не понимала в строительстве и рассчитывала только возможности семейного бюджета. Подсчеты шли тяжело, потому что Насте не давала покоя мысль: а так ли уж сильно виноват в том, что случилось, Сергей?.. Они жили в бабушкином доме только третью зиму, на работе Сергей крутил баранку шофера не меньше десяти часов, и, кроме того, он часто работал и в выходные.

«Он ведь и не высыпается толком, – промелькнула вдруг в голове Насти хотя рассеянная, но уже теплая мысль. – А ведь Сережке еще и тридцати нет...»

Настя с досадой отмахнулась от глупой бабской жалости. «Должен – значит должен!» – решила она.

Для ремонта дома нужны были деньги. И это был главный вопрос.

3.

Начало мая получилось таким, словно на небесной кухне

погоды его готовили сразу три повара – зима, осень и лето. Майское солнечное прораствание то вдруг растворялось в сереньких дождях, то его обжигало короткими заморозками, то вдруг оно расцветало такой чарующей красотой, что весенней погоде легко прощали прежние оплошности.

Когда Сергей вернулся с работы, Настя проводила на веранде ревизию остатков зимних припасов,

– Насть, я на массаж записался, – еще с порога и словно извиняясь, сообщил он. – Пятьсот рублей сеанс.

– Сколько сеансов? – Настя как раз пробовала клубничное варенье и была явно недовольна его вкусом.

– Двенадцать. Можно и больше, но...

– Мог бы, и потерпеть, – оборвала мужа Настя. – У меня тоже спина болит, но я-то не ною. Сам знаешь, что деньги на ремонт нужны.

Спина у Насти действительно болела. В школе она занималась художественной гимнастикой и последствия травы, которую когда-то получила двенадцатилетняя девочка, ощущались до сих пор. Как правило, спина заболела в апреле или начале мая, и боль медленно отступала до самого августа.

Сережка виновато улыбнулся. А Настя вдруг вспомнила об истории с лекарственным пузырьком, которую ей когда-то рассказала мама.

«Сволочь, – одернула себя Настя. – Какая же ты все-таки сволочь!»

– Ладно-ладно. Конечно, тебе нужен массаж, Сереженька, – уже вслух и, как-то искусственно, уже по лисьи улыбаясь, сказала Настя. – Иначе кто же будет крышу ремонтировать?

«И шутишь ты тоже как сволочь», – одернул Настю холодный внутренний голос.

Он был очень умным, этот голос, потому что помнил все страшные сказки, которые рассказывала Насте мама.

4.

В сущности то, что произошло с Настей дальше, любой психотерапевт назвал бы депрессией от усталости – учебный год уже находился на тяжелом излете, а кроме того, Настя подрабатывала репетитором. Она и сама себя именно так успокаивала, но почему эта странная депрессия началась так внезапно и именно тогда, когда она впервые в жизни назвала себя сволочью?

«Сначала пожадничала, а потом мужа, как рабочую лошадку, пожалела, – говорил внутри Насти холодный голос. – Жаль-жаль!.. Сколько же ты стоишь, такая жаднющая жаль?»

Настя снова и снова она вспоминала пузырек с лекарством и даже видела, как он брызжет осколками, с силой ударяясь о стену и, в конце концов, она перестала верить в то, что она – разумный, хороший и добрый человек. Она вспоминала ма-

мины пустые глаза, когда та произносила страшную фразу, и все картонные домики из оправданий внутри нее, которые она старательно возводила, рушились.

«Любой из нас всегда сволочь, – мучил ее голос. – Чуть заденут человека – и сразу все наружу выскакивает. Посмотри-посмотри, разве это не правда?»

Настя вдруг с особой ясностью поняла, что, если уж честно, то она не очень-то и любит Сережку. Пусть она и вышла за него замуж, но все-таки ей раньше больше нравился Эдик Новослободский. Просто тогда, после школы, Настя вовремя поняла, что нужно Эдику, сдержала свой порыв и, словно отступая на заранее приготовленные позиции, влюбила в себя Сережку.

«Парень он с простинкой, но добрый и умный, – сказала о нем бабушка. – Лучше ты не найдешь».

«Да-да, – соглашалась с холодным голосом Настя, – так все и было».

Она не любила Сережку. Она вообще никого и никогда не любила, даже маму и бабушку. Они – умерли, но разве что-то изменилось для Насти? Совсем нет. Она и плакала-то всего два раза, а холодный внутренний голос уже тогда говорил ей, что ничего не вернешь, что всему свое время и что врачи не умеют творить чудеса.

Прошла неделя, потом еще одна. Настя потеряла аппетит, ее стала мучить бессонница, а темное пятно внутри нее, то самое, откуда звучал холодный голос, становилось все боль-

ше и больше. Настенька уже боялась его, потому что не было силы способной противостоять ему. Ведь холодный голос говорил только правду.

А потом Настя вдруг поняла, что осталась совсем одна. Рядом по-прежнему был Сережка и дети, но их словно и не было. Ведь они, как утверждал холодный голос, ровно ничего не стоили для нее...

5.

В субботу Сережка вернулся с работы и сказал, что «совершенно выздоровел».

– Массаж помог, – он улыбнулся. – Ну, а ты что снова такая грустная?

«Потому что я – сволочь, – подумала Настя. – Ведь я хотела сберечь три копейки на чужой боли».

Сережка попытался обнять жену, но Настя отвела глаза и мягко отстранилась. Она сказала, что у нее температура, что она немного простыла и ушла в спальню. Рухнув лицом на постель, она вдруг почувствовала, что у нее очень сильно болит спина. Боль была режущей, почти зубной и тянулась к лопаткам и к коленям.

Настя заплакала от бессилия. Нужно было позвать Сережку и попросить натереть ей спину мазью. Но для этого нужно было встать и раздеться, а Насте было больно... Неимоверно больно.

Возможно, она и в самом деле простыла, потому что вдруг почувствовала жар во всем теле. Мысли стали путаться и даже холодный голос куда-то пропал. Настя ощущала только физическую боль. Постепенно она растворилась в ней и ушла в темноту...

6.

Утром Настя проснулась как от легкого толчка. Она открыла глаза, осмотрелась и вдруг поняла, что случилось что-то очень важное.

Она встала легко, как встают маленькие школьницы, понимая, что сегодня мало уроков, что эти уроки совсем нетрудные, а день – солнечный и яркий – будет длинным и очень-очень интересным. Тревожащее чувство внутри нее отступило и превратилось в невесомое ожидание. Примерно так ждут писем из армии или просто хороших, уже известных заранее своим приходом, вестей.

Настя прошлепала босыми ногами к окну. Утро только начиналось, и небо было разделено поровну: с запада надвигались тучи, а на востоке вставало чуть припухшее, розовое после сна, солнце.

«Господи, у меня же спина не болит!» – вдруг поняла Настя.

Она завела руку за спину, потрогал спину и слегка прогнулась. Спина действительно не болела.

«Почему?!...»

Но Настя не понимала почему. Боль никогда не отступала так быстро и так бесследно.

Настя поспешила во двор. Прохладный воздух приятно обжег лицо, шею и голые ноги. Физическое движение подтолкнуло мысли, и Настя вдруг поняла, почему боль прошла так внезапно. В силу своей профессии Настя прочитала много книг, в том числе и Библию. О муже и жене там были сказаны следующие слова: «...И будут два одна плоть».

«Это что же, получается? – подумала Настя. – Массаж делали Сережке, но по-настоящему легче стало мне?»

Она едва не засмеялась от облегчения. Каждый вечер втихомолку – так, чтобы не видели муж и дети – она молилась Богу. Она боялась Его, иногда многословно просила избавить ее от физической и внутренней боли и совсем не удивлялась тому, что бесконечно далекий Бог не спешит к ней с помощью. Настя не верила в чудо и, наверное, даже побаивалась его.

И вот теперь Бог – всеведущий и добрый – не придавил ее громоздким чудом исцеления. Он просто выполнил то, что было обещано, а значит Он признал, что она – настоящая жена Сережки. Даже не смотря на ее давнюю и грешную симпатию к Эдику.

«Го-о-оспо-оди!...» – протянула про себя Настя и осела на порожки веранды.

Хлынул дождь. Стена веранды и козырек над порожками

оградили Настю от изумрудно блестящих капель. Они хлестали по ветвям яблони, траве, желтому песку дорожки и задевали Настю только запахом свежести и чистоты.

Бог – был. Он существовал, а значит существовала на свете необоримая сила способная взметнуть человека на недосягаемую высоту не только выше адского пламени всемирной катастрофы, но и от куда более страшного холодного внутреннего голоса.

Настя засмеялась, уткнувшись лицом в ладошки. Она и сейчас верила не только в Бога, но и в то, что человек – любой человек – может незаметно для самого себя превратиться в сволочь, но она вдруг перестала бояться этой холодной правды. Сидя на Божьей ладошке и вцепившись руками в Божий палец, разве можно было бояться чего-нибудь? А ничего-го!.. И даже за Сережку и детей. Потому что спасающая ее сила не могла не спасти и весь мир.

7.

– Ты что тут, голая, под дождем сидишь и смеешься? – вдруг спросил Настю сонный голос.

Рядом с ней на порожки присел Сережка. Он набросил на плечи Насти куртку и сунул в рот сигарету. Пахнуло табачным дымом.

– Я не голая, я в рубашке, – сказала Настя. – И я не смеюсь... Это я закашляла чуть-чуть.

Настя протиснула руку под локоть мужа и прижалась к его плечу.

– Вот именно, кашляешь, – согласился Сережка. – Я когда тебя вчера вечером раздевал, чувствую, ты горишь вся... Ну, как в огне, честное слово. Толкаю тебя и спрашиваю, мол, ты как?.. А ты мычишь что-то и руками отмахиваешься. Потом вдруг заулыбалась и бормочешь: «Нет, не сволочь, не сволочь!..» Помнишь?

– Нет, – Настя вдруг почувствовала, что краснеет. – А что потом было?

– Ничего.

– Долго рядом сидел?

Сережка промолчал. Запах сигаретного дыма стал сильнее.

«Рассказать ему?» – подумала Настя. Она вдруг поняла, что ни за что на свете не сможет найти нужных слов. «Ах, как жаль-жаль-жаль!..»

Сережка заговорил о крыше. У него был монотонный, деловой тон, но сама речь была похожа на журчание ручья. Настя положила голову на плечо мужа и закрыла глаза.

«Так все-таки человек сволочь или нет?.. – подумала она. – У Сережки бы спросить, вот только он не поймет ничего. Да и про этого дурака Эдика ему знать совсем не нужно. Ну, ладно, сволочь я... Только ведь совсем чуть-чуть и когда все это было?»

Воин света

Наташе Лопухиной подбросили котенка. Впрочем, даже не подбросили, котенок сам вошел в полоску света, падающую из полуоткрытой уличной двери. Он сел и принялся рассматривать Наташу глупыми, голубыми глазами.

Девушка стояла на порожках веранды и искала ключи в сумочке.

– Ты откуда взялся, рыженький? – спросила Наташа.

Котенок тонко и жалобно мяукнул.

– Я на работу иду и не могу тебя оставить, – пояснила котенку Наташа.

Она подумала: «Он голодный, наверное...»

Девушка вернулась в дом. Пока котенок жадно ел, Наташа то и дело посматривала на часы. В конце концов, котенок наелся и стал похож на светло-рыжий, меховой шарик. Солнечный цвет его шубки казался довольно забавным.

– Тебя как звать-то, Воин Света? – улыбнувшись, спросила Наташа.

Котенок едва взглянул на девушку. Он зевнул и направился в спальню...

Через пару недель Наташа вдруг поняла, что котенок быстро слепнет. Воин Света реагировал только на звуки, перестал бегать и громко, жалобно мяукал. Он ел только тогда, когда натыкался носом на еду.

В ветеринарной больнице Наташе посоветовали усыпить котенка. Девушка легко, точнее говоря, механически быстро согласилась, но потом, уже стоя у дверей кабинета без номера, вдруг почувствовала пронзительный, леденящий ужас под сердцем. Это была уже не просто жалость к котенку, а сильнейшее нежелание иметь дело со смертью. Хладнокровные доводы рассудка в ее пользу Наташа отмела с неожиданным ожесточением.

«Да пошло оно все!..» – подумала девушка и сжала зубы.

Громко постукивая каблучками по кафельному полу, Наташа вернулась в кабинет врача. Она спросила, можно ли вернуть котенку зрение. Врач ответил, что операция будет стоить тридцать тысяч рублей.

Ожесточение ушло.

«Приехали... – слабо улыбнулась Наташа. – Не было проблемы, так извольте получить финансовый кризис на пустом месте...»

Весь кошмар сложившейся ситуации заключался в том, что Наташа не видела выхода. Летом она вложила почти все деньги в ремонт бабушкиного дома, который достался по наследству ее матери и в котором она сейчас жила. У Наташи осталось только двадцать пять тысяч рублей. Но ремонт дома не был окончен... Кроме того, нужно было купить новую стиральную машину и телевизор.

«А ты что, в самом деле, решила потратить последние

деньги на приبلудного котенка?!» – спрашивала себя Наташа.

Очень часто эта мысль казалась ей не менее чудовищной, чем та, от которой она отказалась в ветеринарной больнице. Но детское сострадание в душе девушки продолжало отчаянную борьбу с житейским практицизмом и раз за разом побеждало его.

У Наташи пропал аппетит, и испортилось настроение. Два взаимоисключающих чувства – протест против смерти и взрослое понимание никчемности жизни котенка – переплелись между собой и, в конце концов, превратились во что-то серое и вяжущее. На работе все валилось из рук... Начальник – всегда строгий и подтянутый Александр Гальдерович Штумм – то и дело бросал на Наташу недоумевающие взгляды.

«Вот и карьера летит к чертям, – злилась про себя Наташа. – Возьми же себя в руки, дура!»

Александр Гальдерович собирался назначить Наташу начальником отдела сбыта. Почти двукратное увеличение зарплаты могло бы обрадовать любого...

А потом пришла мучительная, изматывающая бессонница. В ночь на субботу Наташа не могла уснуть почти до самого утра. Она гладила Воина Света, который, в сущности, успокаивался только тогда, когда рядом была его хозяйка, и рассматривала темноту за окном.

«Господи, да что же это со мной творится-то?! – думала

она. – Еще немец этот привязался...»

Наташа то злилась на Александра Гальдеровича, то, понимая, что ее злость лишена малейшего основания, злилась на себя, а то попросту плакала, уткнувшись носом в подушку.

«Честное слово, это безумие какое-то!.. Нужно на что-то решиться. Пойду завтра к маме...»

Воин Света подобрался к щеке Наташи. Он громко урчал, и Наташа так и уснула под эти успокаивающие, ласковые звуки...

Мама жила на соседней улице в большом, крепком доме с младшей дочерью Олей, ее мужем и годовалыми внуками-близняшками. После смерти отца она, по выражению Оли, «ударилась в религию». Но если младшая дочь довольно скептически относилась к вере матери, то Наташа часто сопровождала ее в церковь.

– Тебе нужно ходить в церковь, – говорила Наташе мама. – Ольке двадцати нет и у нее уже двое детишек. А тебе уже двадцать пять, а ты еще не замужем.

Когда Наташа рассказала маме о слепом котенке, та всплеснула руками.

– Ты с ума сошла! – закричала мама. – Выбрось его немедленно!

Наташа покраснела и опустила глаза.

– Не хочешь на себя деньги потратить – людям отдай, а не коту, – жестко сказала мама. – Большой грех в душе носишь!

Разговора с мамой не получилось... Наташа быстро ушла. Мама пыталась задержать ее, но Наташа с силой вырвала руку.

На улице она заплакала. Наташа почти не видела дорогу, которую ей застилала серая, непроглядная мгла...

Вечером небо заволокли не по-осеннему легкое стадо облаков. Дождь то шел, то затихал и, казалось бы, прятался в зеленой, шуршащей листве.

Наташа надела плащ и сунула за пазуху котенка. Воин Света замурчал и потянулся носом к ее щеке.

– Сиди тихо! – прикрикнула Наташа на котенка.

Она подошла к церкви не со стороны центральных ворот, а сзади и остановилась у калитки. Единственный фонарь на церковном дворе освещал киоск и белый бок храма.

«С котенком, наверное, дальше нельзя...» – нерешительно подумала Наташа.

Она оглянулась по сторонам. Быстро темнело, никто не мог видеть стоящую у калитки девушку.

Наташа перекрестилась.

«Господи, пожалуйста, помоги! – жалобно попросила она. – Мне денег не жалко, только если вдруг случиться беда с мамой, чем я ей помогу?»

Неумелая молитва получилась настолько искренней, что Наташе вдруг стало жарко. Воин Света за ее пазухой притих и больше не высовывал любопытный нос наружу.

«Господи, пожалуйста...»

Сзади подъехала машина. Свет фар осветил Наташу с головы до ног. Послышались мужские голоса, кто-то засмеялся...

Наташа отступила подальше от дорожки, в темноту.

– Прямо в лужу наступил, – пожаловался мужской голос. –

Ни зги не видно.

– Отец Михаил, вас проводить?

– Сусанин ты!.. – улыбнулся первый и, судя по всему, не совсем трезвый голос. – Ладно, ты езжай, тут до фонаря два шага.

Машина стала разворачиваться. Свет фар нырнул в сторону.

– А ты что тут делаешь? – спросил веселый голос за спиной Наташи.

Девушка оглянулась... Сзади стоял священник в полном облачении. Наташа видела отца Михаила только в церкви. Она с удивлением рассматривала озорную улыбку на его лице.

– Ну, выпил, – сказал отец Михаил. – А что, грех, да?..

– Что вы!.. – торопливо выпалила Наташа.

– В семьдесят третьем доме квартиру освящал, – священник с интересом рассматривал лицо девушки. – А этажом ниже – свадьба... В общем, извлекли меня из лифта и повели... Силой не поили, но людей обижать не хорошо. По-

том молодых благословил. . . – отец Михаил чуть помолчал и спросил: – А ты Наташа, дочка Ольги Васильевны?

Наташа кивнула.

– Что стоишь-то тут?

Наташа еще раз взглянула в веселые глаза отца Михаила и пожала плечами.

– Нечего тут в темноте маяться, – отец Михаил взял девушку за локоть. – Ну-ка, пошли ближе к свету.

Голос священника вдруг стал властным, а взгляд строгим и трезвым.

Остановившись в пяти шагах от фонаря, отец Михаил сказал:

– А теперь рассказывай все.

Наташу словно прорвало. . . Она сбивчиво, торопливо и многословно принялась рассказывать о своем горе. Из-за отворота плаща Наташи высунулась слепая кошачья мордочка. Воин Света понюхал сырой дождевой воздух, чхнул и по-черепаши втянул голову.

– Я жить так дальше не смогу, понимаете?! – Наташа заплакала. – Убить котенка – не могу, а вылечить – не имею права. . . У моей сестры – двое близняшек. Уж лучше ей деньги отдать, чем котенку. Только я не могу. . . Я ничего не могу, понимаете?!

Наташа замолчала, но слезы не кончились. Она плакала так безысходно, что Воин Света вдруг словно почувствовал ее боль и принялся лизать щеку девушки.

– И все-таки права, пожалуй, твоя мама, – задумчиво сказал отец Михаил. – Вот недавно наводнение на Дальнем Востоке было. Да и вообще, мало ли вокруг тех людей, которым помочь можно...

Едва накрапывающий дождь вдруг усилился, но тут же стих, как набежавшая на берег волна.

– Ладно, я пойду, – тихо сказала Наташа. – Спасибо вам...

Она уже поворачивалась, но отец Михаил вдруг взял ее за руку.

– Подожди!.. Все что я тебе только что сказал понятно и просто, но теперь давай рассуждать с тобой следующим образом: вот скажи мне, пожалуйста, Бог есть?

Девушка удивленно посмотрела на священника.

– Как это?!.. Конечно же, есть!

– Хорошо. А если есть Бог, значит, существует и душа человеческая. И она, душа эта, может болеть и страдать. Вот скажи мне, если бы у тебя, например, заболела рука, и нужно было заплатить за лечение, стала бы эта плата грехом?

Наташа отрицательно покачала головой.

– А если не рука болит, а душа? – продолжил отец Михаил. – Те тридцать тысяч, о которых ты говорила, разве только котенка вылечат, а не тебя саму?.. – отец Михаил широко улыбнулся. Он потянулся вперед и по-отечески поцеловал Наташу в лоб. – Ах, ты, дите, дите!.. Плати! Никому бы такого совета не дал, а тебе говорю: плати за котенка. Не хлебом единым жив человек. А ту трещинку в своей детской душе,

что ты получить можешь, потом ни один хлебный мякиш не залепит. Подожди-ка... – отец Михаил порылся в кармане и вытащил пятитысячную денежную бумажку. – На, держи... Люди, которым я квартиру освящал – не бедные... Бери.

– Нет, что вы!.. – Наташа попятилась.

– А я говорю, бери! Затем тебе даю, что твою маму знаю. Начнет она тебя ругать, так и скажи ей: мне, мол, отец Михаил пять тысяч добавил. Не поверит – ко мне ее пошли. Я с ней поговорю.

Наташа взяла деньги.

– Я отдам, – сказала она.

– Знаю, – отмахнулся отец Михаил. Он с радостью смотрел в широко распахнутые и сияющие от счастья глаза девушки. – По разному люди отдают... А ты береги себя и все у тебя будет хорошо. Теперь беги домой, дите!..

Он перекрестил Наташу.

– С Богом!

Уже у ворот, оглядываясь на храм и поднося сложенные пальцы ко лбу, Наташа вдруг увидела полусекундную, мысленную картину: сидящего на ее постели малыша и огромного, светло рыжего кота за ним. Лицо ребенка было как в тумане, а кот стоял так, словно огибал спину малыша и настороженно оглядывался вокруг.

«Это же Воин Света! – догадалась Наташа. – И я замуж скоро выйду...»

Она не увидела лица своего мужа, но вдруг поняла, что у

него добрые, улыбочивые глаза и сильные руки.

«А Воин Света, значит, нашего малыша охраняет...»

– Беги домой, козочка пуховая, – донесся до Наташи веселый голос отца Михаила. – И запомни: береги себя!..

Священник засмеялся и погрозил девушке пальцем.

– С Богом береги, дите!

Жизнь прекрасна!..

1.

– ...Восемьдесят два, восемьдесят три... Убивать нужно таких авторов!

У Любы дрожали руки. Капли валокордина пролетали мимо стакана и украшали поверхность стола красивыми, дождевыми каплями.

– ...Девяносто девять, сто! – Люба отхлебнула глоток лекарства, поморщилась и снова склонилась над рукописью.

«...Мрачное подземелье склепа было сырым и тусклым.

– Я его и мертвого любить буду, – закричала Марита и упала на гроб любимого. – Мертвого!..

Лица собравшихся людей казались неживыми в свете погребальных факелов.

«Бам!..» – донесся откуда-то издалека глухой удар колокола.

Рука любимого, лежащая на краю гроба, вдруг шевельнулась и медленно обняла Мариту за шею...»

Люба попыталась вслепую нашарить стакан с лекарством. Стакан упал набок.

– Да черт!..

– Ты что ругаешься?

Голос был добродушным, но на какое-то мгновение Любе показалось, что он прозвучал из мрачного склепа. Она вздрогнула всем телом и подняла глаза.

– Наверное, очень хороший роман? – Улыбающийся Федор Петрович сел в кресло напротив стола Любы. – Ты не заметила, как я вошел.

– Я боролась в подземелье с трупом любимого, окруженная компанией вурдалаков, – Люба попыталась улыбнуться в ответ. – Кстати, на сорок восьмой странице автор уколошил шестьдесят восемь человек без малейшей на то причины.

Молодая женщина взяла пузырек валокордина.

– Меньше строчки на один труп. Талант!.. Любочка, детка, давай-ка я лучше сам налью тебе лекарство, – Федор Петрович взял пузырек. – У тебя дрожат руки. Сколько капель?

– Лейте весь пузырек.

Молодая женщина потерла уставшие глаза ладошками.

– Люба, я твой шеф, а ты – мой заместитель. Ты должна много и упорно работать, а я наконец-то имею право отдохнуть, – Федор Петрович протянул стакан. – Потерпи еще

полгода и я найду для тебя другую работу.

– Санитаркой в сумасшедшем доме? – усмехнулась Люба.

– Наше издательство платит за рукопись сорок тысяч рублей. Любочка, пойми, у тебя не хватит патронов на всех авторов, – Федор Петрович кивнул в сторону двери. – Кстати, твои подчиненные не столько читают чужие опусы, сколько строчат свои. Больше всего меня удивила одна молодая и симпатичная женщина у окна. Она плакала, но все равно писала... Интересно, кто она?

– Надя Васильева... Федор Петрович, это же кошмар! – Люба обхватила голову руками. – Представляете, у Нади недавно попал под машину маленький сын, и теперь он лежит в больнице с изуродованной ступней. От Нади ушел муж, а, кроме того, она в клочья разругалась со своей матерью. И она тоже пишет ту же чушь, что и все остальные?!

– Действительно, кошмар, – согласился Федор Петрович. – Так, Любочка, а теперь иди домой, но сначала погуляй по магазинам. Говорят, что для молодой женщины это самый лучший отдых. Твой шеф подменит тебя. Кстати, не забудь купить мне валокордин.

2.

Федор Петрович закончил работу пол-седьмого. Он сладко зевнул и оттолкнул пальцем подальше рукопись романа «По прозвищу «Кровавый Динозавр».

– Бред какой-то... – поморщился Федор Петрович.

Он встал. В пустом кабинете для сотрудников издательства пожилая уборщица шмыгала мокрой тряпкой по полу.

– До свидания, Федор Петрович, – уборщица улыбнулась.

– До завтра, Клавдия Михайловна, – Федор Петрович старомодно приподнял шляпу.

На столе Нади Васильевой лежала толстая, ученическая тетрадка. Федор Петрович уже было потянулся к ручке двери, но потом задумался... Он подошел к столу и взял тетрадку в руки.

Через пару минут Клавдия Федоровна завершила свою незамысловатую работу и без того растянутую присутствием начальства и с удивлением посмотрела на шефа. Тот сидел за столом Нади Васильевой и читал.

– Федор Петрович, вы идете?

– Что?.. – Федор Петрович поднял глаза.

– Вы идете домой?

– Да-да... Я потом... – шеф снова углубился в чтение.

Клавдия Федоровна пожалала плечами и тихо закрыла за собой дверь.

3.

– Поймите, у нашей детской больницы ограниченные возможности, – главный врач с интересом посматривал на седоволосого мужчину в кресле. – Например, клиника профессо-

ра Тешнера в Цюрихе смогла бы поставить маленького Мишу на ноги за полгода. Что же касается нас...

– Сколько будет стоить лечение ребенка за границей? – нетерпеливо перебил Федор Петрович.

– Не меньше пятидесяти тысяч долларов. Простите, а вы родственник Миши?

– Нет, я начальник его мамы Нади Васильевой, – Федор Петрович встал. – Спасибо за консультацию, доктор. Детали перевода Миши в швейцарскую клинику вы обговорите с моим бухгалтером завтра.

– Простите, а где и кем вы работаете? – немного смущенно спросил врач. – Моя дочь недавно закончила экономический факультет университета и ищет работу...

– Вас интересует, какая фирма способна выложить пятьдесят тысяч долларов за лечение сына своей рядовой сотрудницы? – улыбнулся Федор Петрович.

– В общем, да...

– Я владелец издательства «Этана», – Федор Петрович протянул визитную карточку. – Ваша дочь может позвонить мне по этому телефону.

Лицо врача побледнело и дрогнуло.

– Простите, книгу «Привет из гнилого гробика» издали вы?

– Да.

– До свидания, – сухо сказал врач.

Федор Петрович спрятал визитку в карман и молча вы-

шел.

4.

У мамы Нади Васильевой было нервное и очень подвижное лицо.

– Да поймите же, поймите!.. – от нетерпения Федор Петрович едва не воздел руки к небу. – Ваша поездка с внуком в Цюрих не будет стоить вам ни копейки. Во-первых, с малышом должен быть рядом кто-то из родных, а, во-вторых, почему вас смущает то, что вы будете жить в шикарном санатории для нервных больных?

– Потому что я здорова, – отрезала Вера Владимировна.

– А кто в этом сомневается? – наигранно удивился Федор Петрович. – За вашу поездку плачу я и ваше проживание в течение полугода в санатории, а не в гостинице, обойдется мне дешевле. Понимаете?..

– Но я здорова! – упрямо повторила Вера Владимировна.

– И я тоже. Но я с удовольствием поехал вместо вас.

– Это все Надька на меня жалуется – лицо пожилой женщины вдруг сморщилось и постарело. – Надоела ей мать, вот и хочет ее упечь подальше с глаз.

– Да куда упечь-то?! – снова повысил голос Федор Петрович. – В шикарный номер-люкс с вышколенной прислугой и видом на прекрасное озеро?.. Каждую неделю вы будете посещать горные Альпы. А если не хотите в Альпы, то просто

шатайтесь по магазинам и покупайте тряпки.

Вера Владимировна надолго задумалась.

– Ладно, – она пожевала губами. – Внука Мишеньку жалко... Только одна я не поеду. У меня еще племянница есть, шестнадцать лет девочке, а она заикается сильно.

– И отлично! – перебил Федор Петрович. – Все расходы я беру на себя.

– Только учтите, – женщина нахмурилась. – Я еще и передумать могу.

5.

Похмелье было просто ужасным... Сашка Васильев с трудом приоткрыл один глаз и тут же застонал от боли в голове.

В кресле, рядом с диваном, сидел седоволосый, импозантный мужчина.

– Вы кто?... – с трудом ворочая языком, спросил Сашка.

– Не беспокойтесь, я не ваша белая горячка, – Федор Петрович ободряюще улыбнулся. – У меня есть к вам одно деловое предложение.

– Хорошо, наливайте... – усмехнулся Сашка.

– Немного подождите. Ответьте, пожалуйста, мне на один вопрос: вы хотите бросить пить?

– Да, – признался Сашка. – Но сначала все-таки нужно опохмелиться.

– Да ради Бога!.. – Федор Петрович поставил на грязный

столик яркую бутылку. – Знаете, Саша, водка сыграла с вами весьма дурную штуку. Вы лишились любящих вас жены и маленького сына. У вас нет работы и вы живете у своего друга на птичьих правах. Я хочу дать вам шанс...

– Какой? – Сашка жадно отхлебнул прямо из горлышка бутылки.

– Один мой знакомый геолог занимается поиском нефти. Ребята из его бригады зарабатывают очень большие деньги. Но если кто-то из них нарушит «сухой закон», с него снимают штаны, привязывают к дереву и оставляют на ужин комарам.

– Хорошая традиция и очень хорошее предложение с вашей стороны, – Сашка отхлебнул еще раз – Вы добрый джин из бутылки?

– Нет, джин, который вы сейчас пьете, никогда не сделает вам подобного предложения.

– А вам оно зачем?

– Это секрет. И у меня есть условие, вы уезжаете не менее чем на полгода.

Сашка сел и потер лоб.

– А за это время моя любящая жена найдет моему сыну нового папу?

– Сомневаюсь. Хотя полной гарантии, конечно, дать не могу, но девяносто девять процентов в вашу пользу я обещаю. Однажды я видел, как плакала ваша жена Надя...

Сашка со стуком поставил бутылку на столик.

– Когда я должен ехать?

– Завтра утром, – Федор Петрович положил на колени Сашки конверт и встал. – Здесь все необходимое, включая адрес.

– А я вас знаю, – окликнул Сашка гостя. – Вы начальник моей жены. Надя часто говорила, что вы похожи на бегемота с добрыми глазами.

– У вашей жены удивительная фантазия, – Федор Петрович улыбнулся и приподнял шляпу. – Думаю, она ей скоро очень пригодится...

6.

У Нади Васильевой было усталое, недоумевающее лицо. Она со страхом смотрела то на Федора Петровича, то на красную от возмущения Любу.

– Поймите, Наденька, я только бизнесмен и если я вкладываю в вас огромные деньги, то надеюсь получить хорошую прибыль, – Федор Петрович был абсолютно спокоен и даже холоден. – Я предлагаю вам пятьдесят тысяч долларов аванса за первую рукопись вашего романа и совершенно не претендую на авторские права. Вас это устраивает?

– У меня нет никакого романа... – с трудом выдавила из себя Надя.

– Вы его напишете. Я устроил все ваши личные дела на ближайшие полгода. Вы можете спокойно работать.

– Но я просто не смогу!.. – Надя была готова зареветь от горя. – Я не умею писать романы.

– Сумеете, – сухо заметил Федор Петрович. – А теперь идите домой, и садитесь за работу.

Надя с трудом встала из кресла и побрела к двери.

– Кстати, в следующий раз вы можете прийти в наше издательство только с рукописью, – сказал Федор Петрович.

Надя всхлипнула и, не оглядываясь, кивнула.

– Мне действительно пора в сумасшедший дом, – твердо сказала Люба, как только закрылась дверь. – Или может быть вам, шеф?

Федор Петрович откинулся на спинку кресла и не спеша, закурил.

– Любочка, вам тридцать два года и я знаю вас уже восемь лет. Вы незаменимы в работе, и вы уже дважды успели побывать замужем. Но, к сожалению, оба раза не удачно. Как вы думаете, что такое счастье?

– Счастье – всего лишь крикливая жар-птица, которая верещит от возмущения, если ее держат за хвост обоими руками.

– Любочка, вы самый трезво мыслящий человек, которого я знаю. Но вам нужно отдохнуть, – Федор Петрович, наконец, улыбнулся в ответ. – У меня есть на примете прекрасный санаторий с видом на озеро. Когда вы вернетесь, вам нужно будет немного поработать с рукописью Нади Васильевой. Возможно, потребуются техническая корректировка, но

не более того. Вы всегда отлично работали с начинающими авторами.

– Но не с теми, которым платят авансом пятьдесят тысяч долларов за первую рукопись.

– Вы, наверное, удивитесь еще больше, Любочка, если узнаете, что я заплатил эти деньги только за два слова.

– За какие два слова?!

– Идите, пакуйте чемодан, Любочка, и не задавайте лишних вопросов. Кстати, загляните в кассу, там вас ждет приятный финансовый сюрприз.

7.

Надя с ужасом смотрела на чистый лист бумаги и грызла авторучку. В голове было пусто, как в старой, разошедшейся бочке.

«Не смогу, Боже мой, я же просто не смогу, – пульсировала одна единственная мысль. – Никогда не смогу!..»

Надя резко встала. Она долго бродила по комнате, изредка бросая жалкие взгляды на чистый лист.

«Заплакать, что ли?..» – Надя остановилась и потрогала глаза. Они были сухими и горячими.

«А может быть съесть чего-нибудь?»

Резкий звонок в прихожей застал молодую женщину на пути к холодильнику.

За дверью стоял Федор Петрович.

– Извините, Наденька, я украл ваш записки, – он протянул растерявшейся и смущенной хозяйке толстую тетрадь. – Знаете, я долго не мог расстаться с ними, потому что ни разу в жизни не читал ничего более удивительного и замечательного.

Петр Федорович старомодно поклонился, приподнял шляпу и вдруг стал похож на обаятельного бегемота с добрыми глазами.

Надя прижала тетрадку к груди и покраснела до кончиков волос.

– Удачи вам, Надежда!

Федор Петрович быстро пошел по порожкам вниз.

8.

Стрелка часов показывали половину второго ночи...

Надя сидела за столом и листала возвращенную шефом тетрадь. Записки были написаны разными чернилами, разным, в зависимости от настроения, подчеркиком, и состояли только из одной, бесконечно повторяющейся фразы – «Жизнь прекрасна». Иногда конец фразы украшал толстый и оптимистичный восклицательный знак, иногда рука, выводившая буквы, делала фразу дрожащее неумелой и в ее конце стояло многоточие, но чаще всего за ней следовала простая точка.

Надя перевернула страницу...

«Жизнь прекрасна. Жизнь прекрасна... Жизнь прекрасна! – не отрываясь, читала она. – Жизнь прекрасна. Жизнь прекрасна...»

Надя улыбнулась и вдруг вспомнила лицо маленького Миши. Она провела ладонью по лицу и поняла, что плачет.

«Жизнь прекрасна. Жизнь прекрасна. Жизнь прекрасна!...»

Фраза была похожа на весеннюю капель, способную пробить метровую толщу старого, темного льда... Надя писала свои записки последние полгода каждый день. Она писала их, когда ее горе становилось совсем черным. Очень часто Надя не понимала смысла этой бесконечно повторяющейся фразы и просто верила в нее, как верят в восход солнца завтрашним утром.

«Жизнь прекрасна... Жизнь прекрасна!»

Она исписала всю тетрадку до конца.

«Боже, как же это глупо, – Надя засмеялась и вдруг почувствовала огромное облегчение. – Глупо, глупо!...»

Она отодвинула в сторону тетрадку и склонилась над чистым листом бумаги. Авторучка быстро вывела первые строчки:

«Профессор Мишкин сел в кресло возле камина.

– Итак, друзья мои, – он улыбнулся и обвел глазами собравшихся, – сегодня мы не будем выяснять, какой балбес вдруг счел, что я похож на обаятельного бегемота с добрыми глазами. Лучше я расскажу вам одну удивительную, смеш-

ную и просто замечательную историю похожую на сказку. Садитесь поудобнее, и слушайте. Итак, это случилось не так давно...»

Часы пробили два раза. Но Надежда их не слышала. Она улыбалась и работала...

Неведомая земля

– Здравствуй, мама!.. Это моя жена Наташа.

Впрочем, я не уверен, что сказал тогда именно эти слова. Скорее всего, прозвучала другая фраза, – ведь до свадьбы была еще неделя. Но одно я знаю наверняка: пока я говорил, Наташка испытывала жгучее желание спрятаться за моей спиной. Не стоит обвинять ее в трусости – у моей мамы был властный взгляд и сильный голос. Она всегда была полновластной хозяйкой в своем доме. Теперь же маме предстояло жить вместе со снохой, и она постаралась сразу расставить все точки над «и». Правда, мама не могла знать, что смотрит на девушку, которая будет ухаживать за ней последние пять с половиной лет ее жизни во время страшной болезни. Но Наташка справилась с этим... Она смогла пройти через испытание, перед которым пасуют, казалось бы, куда более сильные характеры.

Когда я приходил с работы, Наташка наливала мне борщ, садилась рядом и смотрела на меня. А мама присаживалась

возле двери на кухню и смотрела на Наташку. Иногда мама делала замечания снохе, что-то типа «ты хлеба мало нарезала» или «а вот котлет нужно две штуки положить». Наташке было трудно привыкать к новой жизни. Несколько раз она тихо плакала по ночам. Утром я находил какую-нибудь малозначительную причину и кричал на маму. Мама гордо вскидывала голову, с каким-то насмешливым любопытством, словно впервые видела, рассматривала меня и молча уходила в свою комнату...

На Наташкины письма я натолкнулся через пару недель после свадьбы. Полиэтиленовый пакет лежал на верхней полке шкафа. Я сразу понял, что это за письма... Это была переписка Наташки с ее бывшим парнем: ее письма и письма к ней. Когда жених Наташки пришел из армии, он вернул ей письма и женился на другой.

Я не очень удачно взялся за пакет, часть писем рассыпалась. В комнату тут же вошла мама.

Я собрал листки бумаги и сунул пакет в дальний угол шкафа.

– Могла бы помочь Наташке с уборкой, – недовольно буркнул я матери.

Мама промолчала. Я понял, что она натолкнулась на письма раньше. Но мама ни за что не тронула бы Наташкину переписку без меня.

Я спросил:

– Ну, что ты так смотришь?!

Мама отвела глаза и чему-то усмехнулась.

Потом пришла из магазина Наташка. Она что-то долго объясняла маме, – кажется, речь шла о взбесившихся ценах – но та снова молчала. Хотя вряд ли Наташка могла бы упрекнуть свекровь в таком грехе, как молчаливость. Уж что-что, а поговорить и покомандовать она умела!..

Я забыл о письмах... Просто забыл и все. И я вспомнил о них только через месяц, когда мама вдруг решила сама подмести пол в нашей комнате. Была суббота, и Наташки снова отправилась по магазинам с врученным ей списком.

Пакет с письмами лежал возле шкафа на полу.

– Сам вывалился, – пояснила мама.

Я поднял пакет, а мама подвинула мне веником одно отлетевшее в сторону письмо.

Она сказала:

– Тебе уже за тридцать и ты женился второй раз.

Мама была готова к спору, но на этот раз отмолчался я... Я положил письма в шкаф, запер его на ключ, а ключ демонстративно положил в карман.

Вечером, за ужином, предварительно бросив на свою сноху гордый взгляд, мама насмешливо сказала, что «ее сын – благородный человек». Я со звоном швырнул ложку на стол. Еще секунда и я бы грохнул по нему кулаком. Наверное, у меня был довольно грозный вид. Наташка перестала есть... Мама поморщилась, но все-таки сменила тему. Она приня-

лась рассказывать о полуторогодовалом крохе с огромными глазами и длиннющими ресницами. Однажды малыш разбудил ее ночью и сказал, что ему страшно. Крохотный человек смотрел так доверчиво, так испуганно и с такой надеждой, что это просто не могло не вызвать улыбки. Увлеченная своим рассказом мама, наконец-то улыбнулась и сама... Напряжение за столом спало и исчезло без следа.

Нет, мама не была злой свекровью. Она умела заразительно смеяться, в подавляющем большинстве случаев была проста в общении, но... Мама была очень красива в молодости. Удивительно красива!.. И, наверное, как и все красавицы, капризна. А еще она была готова в любую секунду броситься на защиту своего малыша. Конечно, малыш давно вырос, но только не в ее памяти...

Потом родилась Женечка. Наташка не всегда успевала справиться с делами, и тогда мама занимала ее место на кухне. Уже теперь, вспоминая лицо матери, я не могу удержаться от улыбки – только слепой не смог бы прочесть на нем выражение «а вот для меня сын важнее внучки! Нет, это было не часто, но все-таки это было. Были и упреки снохе, был и шепот на ухо сына, мол, «она ничего не успевает!..»

Мама привыкала к внучке медленно и только когда Женечка научилась ходить, то есть упрямо следовать за бабушкой, та «сдалась». И – я уверен! – она наградила девочку, удивительно похожую на ее сына, не меньшей любовью, чем

любовь к ее отцу.

«И была ночь, и было утро...»

Однажды я застал маму возле шкафа. В ее глазах светилось чувство едва ли не совершенного греха.

«Подумаешь, мы уже три года живем вместе! – легко прочитал я в ее взгляде. – Мы уже привыкли друг к другу и что плохого в том, что...»

Мама перевела взгляд на дверцу шкафа. Да-да!.. В ее взгляде было что-то определенно воровское. Она очень хотела хотя бы скользнуть глазами по строчкам тех Наташкиных писем.

Наверное, я улыбнулся так, что предчувствие греха вдруг оборвалось, и мама отвела глаза. Она вздохнула и сказала, что не стоит так долго хранить «письма с такими адресами». Мама немного подумала и добавила – в отличие от прошлого раза совершенно серьезно – что я «действительно благородный человек». Она сказала это даже с гордостью за меня. Ведь она была красивой и очень гордой. И она была женщиной...

Уже ночью я вспомнил ее слова. Я вдруг понял, что дело совсем не в благородстве. Просто в моих мозгах не умещалась мысль, а точнее желание, прочитать Наташкины письма. Почему так?.. Я никогда не думал об этом. Но, на мой взгляд, благороден тот, кто хотел бы сделать это и боролся с собой. Благороден тот, кто, сдерживая себя, рассуждал о

морали и нравственности, а когда ему становилось совсем трудно, опирался на некий закон «Так нельзя!» Но почему нельзя?.. Как долго это нельзя?

А я просто забывал о письмах. Забывал так, словно их не было. Наташка была всегда рядом, а большего мне не было нужно...

Прошло много лет. Однажды в поезде я выслушал трагичный монолог человека о своей жизни: он прожил с женой пять лет, а потом она ушла к другому... К тому, кого она любила раньше. Я видел в глазах рассказчика два чувства: и безмерную любовь к женщине, и почти такую же ненависть.

Мы разговорились... Наверное, подобные диалоги требуют личных примеров и я упомянул Наташкины письма. В глазах собеседника появилось недоумение. Он не поверил, что молодая, только что вышедшая замуж молодая девушка, может принести с собой «такие письма». Во мне что-то дрогнуло и я впервые – впервые и спустя много лет! – вдруг сам словно со стороны взглянул на все. Действительно, если бы о таком поступке мне рассказал кто-то другой, я бы удивился. Но потом я вспомнил глаза Наташки и помимо воли улыбнулся...

Я довольно путано заговорил о том, что, наверное, талант и любовь очень похожи. Но талант – это высшее проявление искренности. А если это так, то не стоит ли за талантом и

любовью некая высшая и необходимая мера открытости человека?.. С другой стороны разве «не видеть» или попросту «не хотеть видеть» это синоним «не знать»?.. Весь парадокс ситуации с письмами Наташки заключался в том, что я «не видел», – не хотел видеть! – ее письма, но в тоже время, как никто другой, я знал Наташку.

Наш дальнейший разговор с незнакомцем вдруг стал почти враждебным. Мой собеседник сказал, что я все придумал. По его убеждению поступок моей жены был либо крайне глупым, либо крайне хитрым. Любая женщина бережно хранит свое прошлое.

Я легко согласился с последним утверждением. Например, Наташка ничего не рассказывала о себе, а я никогда не расспрашивал.

Незнакомец спросил, что было в письмах. Я молча улыбнулся и пожал плечами... Мой собеседник посмотрел на меня как на сумасшедшего. А я вдруг почти физически почувствовал, как шекспировская трагедия в его душе, – та самая, о которой он недавно мне рассказывал, и которая казалась ему высшим проявлением человеческой сущности, – вдруг лопнула, как упавшая на пол елочная игрушка. Интриги, составляющие ядро его жизни, споры, бесконечные выяснения отношений, измены, – все это вдруг показалось нам обоим мелким и незначительным... Как осколки на полу.

Незнакомец чуть подался вперед, приблизив ко мне напряженное, потемневшее лицо, как-то странно усмехнулся и

шепотом спросил:

– Что, Бог есть любовь, да?..

Я не знал, что ответить. Точнее говоря, я знал ответ, но меня смутил тон, каким был задан вопрос.

– Да бросьте вы!.. – собеседник взмахнул руками так, словно отгонял наваждение. – Придумаете тоже!..

Наш разговор закончился. Вскоре незнакомец покинул купе. Я слышал, как он недовольно что-то ворчал себе под нос, а уже на выходе несколько раз ткнулся углами громоздких чемоданов о такие же углы.

Ночью я долго размышлял над последним странным вопросом незнакомца: «Бог есть любовь, да?..» Удивительно, но он спросил меня так, словно я сам придумал это. Причем я, да наверняка и он, знали, что это строка из Евангелия. Тогда зачем спрашивать такое?.. Это же нелепо и дико!

Я закурил, отлично понимая, что утром мне придется выслушать гневный монолог проводницы вагона. Я рассуждал примерно так: хорошо, допустим, я бы сам придумал, что Бог есть любовь. Но в таком случае я каждый день говорил бы Наташке «я тебя люблю». Ведь человек – по крайней мере, благородный человек, – должен помнить Бога, если он знает, что Бог есть. Но я-то всегда считал, что слова любви – не мелкая, разменная монета. И я знал одного человека, который за долгие годы только один раз признался в любви жене, а потом погиб, спасая ее от трех мерзавцев.

Значит, не я придумал, что Бог есть любовь?.. Но я все-

таким образом понял это. Понял и принял. Но принял как?.. Вот в чем главный вопрос.

Наверное, я уже уснул и колеса поезда стучали: все-так, все-так, все-так...

Точный ответ на главный вопрос я не знаю до сих пор...

Одна команда

1.

Старую, разбитую машинами и размытую дождями трассу гонщики называли «корытом».

– Сто метров, влево сорок, спуск тридцать пять!.. – Леночка на секунду оторвала глаза от карты.

За лобовым стеклом машины, почти на уровне глаз, промелькнули корни сосны в желтой, высокой осыпи обочины. Мощный «внедорожник» взревел, набирая обороты на пониженной передаче. Машину резко подбросило. Осыпь вдруг резко провалилась вниз и словно из-под земли вынырнули верхушки густого ельника.

– Двести метров, вправо десять, подъем двадцать пять... Нас заносит!

– Вижу... – сквозь сжатые зубы процедил Сашка.

– Прижмись вправо.

– Не командуй!

– Сто пятьдесят, влево сорок...

«Корыто» выдало очередную рытвину. Леночка стукнулась шлемом о лобовое стекло.

– Саш, ты как хочешь, а я шубку у Людки все-таки куплю, – вдруг выпалила она.

– Снова за свое, да?!.. – Сашка рванул руль влево. – Сколько можно говорить на эту тему?

– Все женщины, как женщины, одна я без шубки, как дура! – обиделась Леночка.

– Карта!.. – взвыл Сашка.

– Пятьдесят метров, спуск сорок, вправо девяносто...

Овраг перед финишем был похож на ловушку. Сашка вдруг услышал, как скрипнули его зубы... Пот заливал глаза, а шлем казался тяжелым и ненужным, как колода.

– Все равно я куплю эту шубку, – твердо сказала Леночка.

– А-а-а, черт!..

Огромная сила инерции рванула машину в сторону и приподняла левые колеса над дорогой.

– Вот увидишь, куплю!.. Тридцать метров, влево девяносто, подъем сорок.

Сашке удалось почти невозможное – он удержал машину и прошел последний поворот по-каскадерски удерживая машину на двух колесах.

Тренер Паша Елкин стоял на финише. Он счищал грязь с сапог палкой и хмуро посматривал на проскакивающие мимо машины.

Сашка затормозил и устало откинулся на спинку сиденья.

– Опять вторые, – выдавил он.

– Если бы!.. – сказала Леночка. – Мы не можем позволить себе купить мне шубку даже из вторых рук.

2.

– Если мы не возьмем первого места в Эженсю, нас всех просто спишут, – Паша Елкин внимательно рассматривал хмурые лица гонщиков. – Больше одного экипажа послать туда мы не можем. Завтра последний заезд. Карты трассы получите перед стартом.

Гонщики переглянулись... Паша Елкин опять менял трассу, но сделать из нее что-то более трудно проходимое казалось уже невозможным.

– Эженсю – просто семечки!.. – пошутил кто-то.

3.

Сашка закончил ужин и вошел в зал. Сияющая от счастья Леночка сидела на полу рядом с диваном. На диване, во всей своей вызывающей и пышной красоте, раскинулась шубка.

– Ну, и откуда деньги? – спокойно спросил Сашка.

– Я отдала только половину, – торопливо пояснила Леночка. – Людка согласилась подождать.

– Ясно, – Сашка улыбнулся. – Завтра мы выиграем в «Спортлото»?

Леночка покраснела.

– Я не могу без шубки! – закричала она. – Понимаешь ты это или нет?! Как только я увидела ее не Людке, я сразу поняла, что это моя шубка.

– Вот и ограбила бы ее в темном подъезде.

– Дурак!

Сашка пожал плечами и ушел в спальню.

4.

...Стрелка часов показывали половину третьего ночи. Леночки рядом не было. Сашка встал, прошлепал босыми ногами на кухню и жадно выпил стакан компота.

Леночка спала в зале, на диване, в обнимку с шубкой. Женские пальчики нервно вздрагивали и то и дело жадно сжимали мягкий мех в кулачки.

Сашка остановился рядом и долго рассматривал счастливое лицо жены. Кот Изюм мирно дремал на стуле. Сашка улыбнулся и взял кота на руки. Изюм доверчиво мурлыкнул. Сашка положил кота на шубку рядом с незнающей покоя рукой Леночки и ушел в спальню.

Через пару минут из зала донесся возмущенный вопль Изюма. Женская рука все-таки добралась и до кота.

– Ты еще тут разлегся! – возмущенно сказала Леночка. – И, между прочим, на чужой шубке.

На пол шлепнулось что-то тяжелое. Сашка тихо засмеялся

и уткнулся носом в подушку...

5.

– Главное, пройти трассу, – Паша Елкин заложив руки за спину, расхаживал перед выстроившимися на старте машинами. – Тот, кто пройдет ее здесь, получит отличный шанс в Эженсю.

Леночка стояла за спиной Сашки и рассматривала карту маршрута.

– По машинам!

Леночка подняла круглые, полные страха, глаза и посмотрела на Сашку.

– Боже мой, это же не трасса, а самоубийство, – прошептала она.

Сашка молча сел в машину. Перед тем, как завести двигатель, он проверил ремни безопасности Леночки.

– Шляпку надень, – пошутил он.

Леночка надевала шлем, не отрывая глаз от карты...

6.

– Пятьдесят метров, влево девяносто!.. – Леночка вдруг с ужасом поняла, что ее штурманские команды опаздывают. – Подъем сорок!

«Внедорожник», казалось, крутился на одном месте, и

только пейзаж за окнами менялся с жуткой, калейдоскопической быстротой.

– Пятьдесят, вправо семьдесят!.. Спуск!

Сашка пошел на спуск, не зная угла его наклона.

– Влево сорок!..

«Пятерка» Мишки Дорохова стояла, уткнувшись носом в сосну. Леночка успела заметить краем глаза, как сзади и чуть ниже нелепо сползает боком с трассы «тройка» Володи Семушкина.

– Подъем тридцать!..

Машину швырнуло в сторону. Леночка ударилась затылком о подголовник.

– Карта! – рявкнул Сашка.

Карта ускользала из рук Леночки и плыла, словно в тумане.

– Сто, влево пятнадцать, спуск пятьдесят!

– Ты с ума сошла!.. Сколько спуск?!

– Пятьдесят...

Сашка бросил быстрый взгляд на Леночку.

– Говори!.. – прохрипел он.

– О чем?!

– О шубке!..

Почти перед самым капотом машины вдруг выросла сосна.

– Mamочка!.. – закричала Леночка и тут же перешла на истошный визг. – Шу-у-уб-к-а-а-а!!..

Машина совершила немислимый кульбит и нырнула вниз, как в бездну.

– ...У-у-уб-ка-а-а!!.. – на какое-то мгновение Леночке показалось, что внутри ее стало пусто, как в бочке. – Сашенька, родненький, вправо сорок!.. Подъем двадцать!

– Я из тебя сейчас сделаю «шубку»! – Сашка со злостью смотрел на прыгающую перед капотом дорогу. – Ты у меня сейчас пуховой и нежной станешь!

– Восемьдесят, влево сорок!.. Через двести – финиш.

7.

Пашка Егоров сидел на пенке и курил, рассматривая свои грязные сапоги.

– Ты один прошел эту трассу, Саша, – не поднимая головы, сказал он. – В Эженсю мы едем через неделю. Теперь иди...

Сашка отвернулся и с трудом побрел к машине.

– Подожди, – окликнул его тренер.

Сашка оглянулся.

– Слушай, Саша, а ты, случаем, на свою жену не молишься? – Пашка улыбнулся.

– А что, похоже?..

– Похоже, – улыбка Пашки стала еще шире. – «Влево сто, спуск пятьдесят» – здорово я придумал, да? Но в это еще поверить надо было. Понимаешь?.. Поверить!

Сашка ничего не сказал и с тоской посмотрел на свою машину. Пройти до нее сто метров и не упасть, казалось ему почти невыполнимой задачей.

Леночка хлопнула дверцей и, пошатываясь, пошла на встречу Сашке...

8.

Леночка сидела на диване и плакала.

– Ты пойми, Саша, я эту шубку у Людки только одолжила.

На один день.

– Могла бы и купить.

– Я просто хотела позлить тебя! Ведь у нас действительно нет денег...

– Будут, – Сашка отвернулся от дивана и с трудом подавил в себе желание лечь. – Подожди, я скоро...

Людка Чернышова жила на два этажа выше. Прежде чем нажать кнопку звонка, Сашка вытер потное лицо и обругал про себя хитроумного тренера Пашку Елкина.

«Устал как старый бобик...»

– Ой, это вы!.. Здравствуйте, Саша! – на Людке был более чем скромный халатик с огромным декольте. – Я так рада вам.

– Мне бы это... Шубку, в общем, – Сашка опустил глаза. – А деньги вам мы потом отдадим.

– Хорошо, – Людка чарующе улынулась. – Но может

быть, вы не откажитесь выпить со мной чаю?

Сашка натолкнулся глазами на декольте.

– Не-е-е... Потом чай... Мне бы шубку.

– Шубка тоже потом, – сухо сказала Людка и захлопнула дверь.

9.

– Обрати внимание на Ганса фон Дитера. Все считают его явным фаворитом, – Пашка Елкин уныло вздохнул. – Но нужно признать, хорош, сукин сын!

Возле шикарного «Мерседеса» последней модели стоял рослый, рыжеволосый парень и, улыбаясь, разговаривал с целой толпой корреспондентов.

– А это его штурман...

Из машины вышла девушка очень похожая на фотомоделю в шикарной шубке.

– У красотки реакция мангуста и память, как у компьютера, – продолжил Пашка. – Одним словом, сладкая парочка.

Леночка не отрываясь смотрела на девушку в шубке. Гонщики стали медленно расходиться к своим «внедорожникам».

Сашка сел в кабину и задумчиво погладил руль.

– Саша, ты представляешь, у штурмана Ганса Дитера шубка из голубой норки, – вдруг возмущенно сказала Леночка.

– Что-что?... – растерянно переспросил Сашка.

– Из голубой норки! – чуть не закричала Леночка. – Боже, какая прелесть!..

Сашка взглянул на жену. Глаза Леночки горели хищным огнем. Сашка вдруг громко рассмеялся и, сжав правую руку в кулак, показал большой палец тренеру Пашке. Тот тут же приободрился...

10.

Прежде чем сесть в свою машину, Ганс фон Дитер посмотрел в сторону машины русского гонщика. Парень за рулем улыбнулся и подмигнул ему. Но больше всего Ганса поразили глаза его штурмана... Женские глаза сияли, как у пантеры перед прыжком.

У фон Дитера вдруг появился легкий, кроличий холодок под сердцем и на какое-то мгновение он почувствовал себя маленьким, пушистым зверьком.

Усаживаясь на водительское сиденье, Ганс наткнулся рукой на мягкую шубку.

– Сколько раз я говорил тебе, чтобы ты не брала на гонки эту рухлядь! – неожиданно для самого себя взорвался Ганс. – Ты сведешь меня с ума, Марта.

– Не ори на меня, кретин! – тут же бурно отреагировала красотка.

«К черту все, нужно сосредоточиться», – решил Ганс.

Он закрыл глаза и принялся пересчитывать свои победы.

ные трофеи. Их было очень много... Но холод под сердцем почему-то не проходил.

Судья подал команду приготовиться к старту.

Фон Дитер осторожно покосился на машину русского гонщика и тут же снова столкнулся с женскими глазами... Они излучали такой свет, что Ганс едва не зажмурился. Холод под его сердцем вдруг стал похож на горечь поражения. Ганс снова почувствовал себя неуклюжим кроликом, по следам которого вот-вот устремится безжалостная пантера.

«Чертовщина какая-то!», – подумал фон Дитер и стал подводить свою машину к линии старта...

Профессионал

1.

Сергей старался выглядеть солидно. Впрочем, это не мешало ему по-мальчишечьи ерзать в глубоком кресле и с самодовольством коситься на дорогую сигару в уголке рта. Его друг Петр молча рассматривал стоящего перед столом широкоплечего мужчину. Лицо гостя было спокойным и твердым.

– Мы знаем о вашем прошлом все, – сказал гостю Сергей. – И хотим предложить вам работу. Вне всякого сомнения, вы были лучшим специалистом в свое время и...

– Я завязал, – коротко бросил мужчина.

– Знаю, – Сергей откинулся на спинку кресла и выпустил

в потолок струйку дыма. – В противном случае было бы сумасшествием предлагать вам вскрыть наш сейф. Но все дело в том, что мы поспорили, удастся ли вам это сделать, – Сергей кивнул на своего товарища. – Мой друг считает себя умным человеком способным провести даже вас.

Гость молчал. Молодые люди за столом переглянулись.

– Десять тысяч долларов, если вам удастся вскрыть сейф, – снова заговорил Сергей. – Эту сумму вы должны заплатить за операцию на сердце вашей жены. Но у вас нет денег, Никита Степанович. Кстати, вы ничем не рискуете, – он улыбнулся. – Мы не собираемся вызывать милицию.

Гость криво усмехнулся в ответ и впервые за все время опустил глаза.

– У меня нет инструмента, – тихо выдавил он.

– Мы уже одолжили его в музее милиции, – Сергей показал сигарой в угол комнаты, на две большие сумки. – Это именно ваш инструмент. Эксперты до сих пор не могут разобраться, зачем вам были нужны кое-какие штучки.

– Остальные условия?

– Их мало. Во-первых, времени у вас только до семи утра. Во-вторых, сейф там... – Сергей кивнул на дверь кабинета.

2.

Комната была абсолютно пуста. Никита опустил на пол тяжело громыхнувшие сумки и задумчиво потер подбородок.

«Из обстановочки только батареи парового отопления, – подумал он. – Ловкие ребята, ничего не скажешь. Ладно, приступим...»

Никита вынул из сумки металлоискатель и нажал на кнопку. Стрелка на циферблате дрогнула и заняла серединное положение – на нуле... Металлоискатель заскользил по стене.

3.

– Плакали твои полмиллиона, – Сергей сладко потянулся и посмотрел на часы. – Тебе не нужно было спорить. Но вчера вечером мы слишком много выпили, и ты меня уговорил.

– Ты думаешь, что этому типу удастся найти сейф? – спокойно возразил Петр. – Уверен, что через пару часов он просунет голову в дверь и спросит: «Ребята, кончай дурака валять, где он?!...»

4.

В комнате было жарко. Зажатый в ладони металлоискатель стал влажным и липким. Никита вытер пот со лба и выругался – стрелка неподвижно стояла на нуле.

«Тут наверняка без подначки не обошлось, – мелькнула мысль. – Черт их знает, что они могли придумать за последние пять лет. Например, сейф из керамики. Стареешь, Никита, стареешь...»

5.

– Выпьем? – Петр поставил на стол бутылку конька – Все равно больше нечего делать.

– Тебе мало вчерашнего?

– Не знаю как ты, но вчера я был почти трезв.

– Почти – не считается. Наш вчерашний спор трудно назвать не то что логичным, а хотя бы вменяемым.

Прежде чем ответить, Петр опрокинул в рот рюмку.

– Все очень просто... Моей жене срочно потребовалась новая спортивная машина.

– И ты решил «одолжить» деньги у не совсем трезвого друга?

Петр сунул в рот сигарету и хмыкнул. Сергей взял бутылку и осмотрел ее.

– Ишь ты!.. А коньячок-то по пятьсот баксов за штуку. Кстати, ты не боишься, что наш гость сбежит с твоими деньгами?

– Нашел идиота, – усмехнулся Петр. – В сейфе фальшивые «бабки».

– Ха!.. Значит, ты все-таки его боишься?

6.

Никита стоял у окна... Там на улице шел пушистый снег.

Далеко внизу сиял огнями ярко освещенный проспект.

Никита вспомнил виноватое лицо Олечки... Они познакомились пять лет назад на пляже в Сочи. Вокруг было очень много красивых женщин, но взгляд Никиты сразу упал на хрупкую девушку с книгой.

«С первого же взгляда!...» – улыбнулся Никита.

Он обвел глазами пустую комнату.

«С первого взгляда... – снова пронеслась в голове мысль. – С первого... Кстати, о чем я подумал, когда вошел в комнату? Батареи...» – рука Никиты скользнула по горячему и гладкому металлу.

Металлоискатель реагировал только на батареи...

7.

Пачка сигарет лежала на столе.

– Мы с тобой профессионалы, – Сергей пренебрежительно щелкнул по пачке сигарет пальцем и достал из кармана очередную сигару. – И мы умеем зарабатывать деньги. Но психология профессионала довольно хрупкая штука. Например, недавно я узнал, что...

– С этой дурацкой сигарой ты похож на Черчилля, – заметил Петр.

– И мне это нравится, – Сергей налил в рюмку коньяк. – Что же касается психики профессионала, то она либо ломается с ужасным треском, либо ради спасения психиче-

ской целостности собственного «я» профессионал совершает нечто немислимое. Понимаешь?..

– Значит, наш гость скоро сойдет с ума. Даже если он найдет сейф, он ни за что не откроет его. Механизм заблокирован до семи часов трех минут утра. Еще ни одному гению не удалось справиться со временем.

8.

Сейф был за батареей парового отопления. Никита отложил в сторону щуп и вынул из сумки два небольших баллона и газовую горелку.

«Ловко спрятали, – беззлобно улыбнулся он. – Если бы я перед последней ходкой в тюрюгу так же догадался... Впрочем, ладно... Пообещал Олечке – значит баста».

Чиркнула спичка... Огонек газовой горелки потянулся к трубе.

«Там же горячая вода и пар!...» – вдруг ударила в голову мысль.

9.

– Ну, а все-таки если он...

– Тогда с ума сойду я, а не этот тип! – повысил голос Петр. – Или ты думаешь, что термостойкие плиты с космического челнока «Буран» возьмет газовая горелка?

– Он очень любит свою жену.

– Ну-у, это уж совсем страшно! – засмеялся Петр. – Влюбленный профессионал.

– До сегодняшнего дня он не знал поражений. Кроме двух ходок в тюрьму по вине своих дружков.

– И отлично! Сегодня он поймет, что такое надежность финансовой группы «Рашен Фокс Лимитед».

10.

Стрелки часов показывали половину третьего ночи.

«Если заткнуть трубы? – лихорадочно думал Никита. – Черт, в них же бешеное давление. Сожгу руки – значит, не открою сейф... А если обмотать руки рубашкой?»

Никита быстро снял пиджак и рубашку.

«Нет!.. Трубы – две, пока буду возиться с одной – ошпарит из второй... А если попробовать их нагреть и согнуть?»

Пламя горелки осторожно коснулось трубы. Нагрев до красна одну, пламя опустилось к другой. Едва вторая точка под горелкой стала менять черный цвет на розовый, первая успела остыть до черноты...

11.

– ...Спасибо, доктор! – Сергей бросил трубку на аппарат и снова потянулся к бутылке. – Операция прошла успешно.

– Какая операция? – удивился Петр.

Сергей опрокинул в рот рюмку.

– Я заплатил за операцию на сердце жены нашего профессионала, – он улыбнулся. – Любимая женщина будет жить.

– Сдурел? Он же ни за что не откроет сейф!

– Женщина могла умереть. Никогда не стоит быть жестоким.

– Глупо! Впрочем, это твои деньги.

– Вот именно. Кроме того, я уверен, что ты просто напросто спаиваешь своего друга. И я почему-то верю, что наш гость все-таки справится со своей задачей...

12.

Труба не поддавалась. Ломик скользнул в руках и ударил под колено.

«Черт! – выругался Никита. – Нужно спокойнее!..»

Он вытер руки и снова осмотрел трубы. До угла комнаты было не более метра, и трубы были слишком короткими чтобы, изогнувшись до возможного предела можно было бы открыть дверцу сейфа.

Никита посмотрел на часы. Стрелки показывали половину пятого утра...

13.

– Кажется, я напился... – Сергей завожился в кресле и открыл глаза. – Который час?

– Без пяти семь. Я загляну в комнату?

– Наш гость выйдет сам. Не стоит ему мешать.

– Слушай, а этот тип случайно не повесится с горя?

Сергей взглянул на пару пустых бутылок на столе и сглотнул слюну.

– Я всегда говорил, что у тебя юмор висельника, Петя.

Петр нагнулся к полу и поставил на стол третью бутылку.

– Я не буду!.. – Сергей отвернулся.

– Почему?

– Потому что, расплачиваясь со мной, ты наверняка считаешь пьяного дурака.

14.

Никита вышел ровно в семь. Он швырнул на стол рубашку с чем-то тяжелым, и устало опустился в кресло. Сергей осторожно тронул край рубашки. На пол упала пачка сто долларовых купюр.

– Можете не считать, там полмиллиона, – глухо сказал Никита.

– Теперь ты можешь говорить, Петя, что это невозможно, – пьяно улыбнулся Сергей. Он с победоносным любопытством смотрел на компаньона.

Бледный как полотно Петр молчал.

– Пожалуйста, ваш гонорар... – продолжил Сергей. – Нет-нет, не из этой кучи, которую вы нам принесли. У моего друга лежит в кармане несколько другая по качеству пачка баксов. Я решил удвоить ваш гонорар, Никита Степанович. Компания «Рашен Фокс Лимитед» всегда держит свое слово... Большое, просто огромное вам спасибо! Кстати, выпить не хотите?

Никита выпил стакан коньяка и молча вышел.

– Профессионалы никогда не прощаются, – заметил Сергей, с трудом поднимаясь из кресла. – Ну, пошли, посмотрим, как он распотрошил наш сейф?

Петр долго тер виски, пытаясь собраться с мыслями. Он выругался и смел со стола деньги в керамическую урну, стилизованную под нечто древнекитайское. Следом упала горящая спичка и недопитая бутылка коньяка.

– Мой обедневший на полмиллиона друг не хочет иметь дела с милицией, – констатировал Сергей. – Впрочем, зачем ему фальшивые «поллимона», когда у него всегда под рукой есть настоящие?

15.

На полу лежали сорванные обои. За отогнутой от стены батареей парового отопления виднелась дверца сейфа. Сергей подошел поближе...

– В голове не уместается! – пробормотал он. – Професси-

она не догадался, что в батарее нет воды и там обыкновенная электрическая «тэна». Он хоть подумал о том, как мы положили деньги в сейф?

Сергей пошарил за батареей рукой и она, тихо скрипнув, легко отошла от стены. Но дверца сейфа не поддавалась.

Сергей посмотрел на часы.

– Сколько время?

– Три минуты восьмого, – выдавил Петр, не спуская глаз с дверцы сейфа.

– Значит, сейчас должна сработать... – механически заметил Сергей.

Внутри дверцы что-то зажужжало, щелкнуло и она распахнулась... Внутри лежали пачки копюр.

Петр выкрикнул что-то нечленораздельное и метнулся из комнаты. Пробежав по длинному коридору, он ворвался в свой личный кабинет, едва не сорвав с петель дверь. Дверца стенного сейфа была широко распахнута... В кабинете кружились снежинки.

Петр подошел к открытому окну и выглянул наружу. Внизу, в далекой бездне, шумел проспект. Небольшой, не шире ладони, покрытый льдом карниз тянулся к углу здания и исчезал за ним...

16.

– Я понимаю, проспорить пятьсот тысяч и по-гусарски

сжечь еще «полмиллиона» – глупо. Но, в конце концов, мы не говорили нашему гостю, какой именно сейф он должен был открыть, – убеждал своего компаньона Сергей. – Я показал профессионалу на дверь, но там, за дверью, был целый мир. Профессионал нашел другой сейф, а это уже его право выбора.

– Да как он смог пройти по карнизу?! – закричал Петр. – Это же самоубийство!.. А как он открыл окно и сейф «Аберхайм-2004»?! Это просто физически невозможно!

– Друг мой, – Сергей вытащил сигару и не спеша закурил. – Мы имели дело с влюбленным профессионалом. Уверяю тебя, что о том, как он это сделал, уже не узнает никто.

В кабинете наступила тишина. Петр закрыл руками лицо и глухо застонал.

– Профессионалы никогда не прощаются... – совсем не к месту глухо сказал он. – Никогда!

– Пожалуй, это самое неприятное, – глубокомысленно заметил Сергей. – В случае крайней необходимости этот чертов профи может нанести нам еще один визит. Ты понимаешь это?

17.

Через полгода у маленького сына Никиты заболел животик. Ребенка положили в больницу вместе с мамой.

– Все будет хорошо, вот увидишь! – улыбаясь, заметила

Оля, целуя мужа в щеку. – Все будет хорошо.

Никита улыбнулся в ответ и молча вышел. В коридоре больницы его догнала молоденькая медсестра.

– Простите, вас Никита Степанович зовут? – спросила она, заглянув в блокнот. – А фамилия Петров?

Никита кивнул.

– Вам не нужно платить за лечение ребенка. Деньги уже внесены. Сегодня же вашего сына и жену переведут в отдельную палату. Лауреат Нобелевской премии профессор Свенсон с группой врачей вылетает к нам из Стокгольма вечером charterным рейсом.

– Кто заплатил? – коротко спросил Никита.

Девушка снова заглянула в блокнот.

– «Рашен Фокус...». Извините, – быстро поправилась она. – Финансовая группа «Рашен Фокс Лимитед».

Никита чуть заметно улыбнулся и направился к выходу...

Радость моя

Я точно знаю, что барон Штоли – потомок аристократического, поизносившегося и, конечно же, вырождающегося рода.

Например, я лежу на диване и смотрю телевизор.

Лара кричит из кухни:

– Иди и помоги, Штоли!..

Пауза. Жена молчит и ждет ответа. Я – тоже.

Лара повышает голос:

– Тебя тапочкой стукнуть, Штоли?!..

Кстати, я тоже возмущен безответственным поведением барона Штоли. Когда зовет женщина, мужчина обязан прийти на помощь.

Лара идет в комнату.

Она останавливается напротив дивана и грозно спрашивает меня:

– Ты глухой, Штоли?! Разлегся тут как барон!

Я смеюсь... Женскую логику трудно понять. Кого звала моя жена? Барона Штоли. А я кто?.. Я – ее любимый муж.

Я говорю:

– Ларочка, радость моя, успокойся, пожалуйста.

Жена садится на диван.

Я кладу руку на ее колено и спрашиваю:

– Вспомни, пожалуйста, когда ты последний раз говорила мне ласковые слова?

Лара смеется:

– А ты что баба, Штоли?

Я делаю вид, что обиделся и пытаюсь отвернуться к стене. Лара удерживает меня. У нее сильные, натренированные ежедневной работой руки.

– Ладно, я буду сейчас говорить тебе ласковые слова, – горячо шепчет в мое ухо Лара. – Хочешь, Штоли?..

Она щекочет меня. Наша возня оканчивается тем, что я шлепаюсь на пол.

– Все, хватит. Пошли на кухню. Мне нужно отодвинуть холодильник.

Моя жена немного помещена на чистоте и если она моет пол, то она моет его везде. Я рассматриваю смеющееся лицо Лары... Не верится, что совсем недавно она сердилась на меня.

Лара говорит:

– Давай-давай, Штоли, вставай!

Сегодня суббота... Ни черта не хочется делать. Ведь я донельзя выматываюсь на работе за неделю.

Когда на кухне мы пытаемся отодвинуть холодильник, Лара командует:

– Ой, не мешай мне!..

Фактически она пытается справиться с холодильником в одиночку.

– Ты лучше вот тут придержи... Теперь тут чуть-чуть... Все!

Я спрашиваю:

– Радость моя, ты зачем меня с дивана подняла?

– Лучше скажи, что с пола. И как это зачем? – весело возмущается Лара. – Завтракать пора!..

...На следующее утро я просыпаюсь как от сильного толчка. Идиотская работа!.. Нервы совсем расходились.

На улице идет снег... Я смотрю на снег и ни о чем не думаю. Просто смотрю и все...

К моему носу вдруг прикасается палец Лары. Я снова невольно вздрагиваю.

Лара тихо спрашивает:

– Думаешь, Штоли?..

У нее было удивительно чистый и смеющийся взгляд. Если бы не Лара, я проводил выходные дома: ел, спал и тупо глазел в телевизор... Но сегодня мы едем в Покровский монастырь.

Нам немножко не везет – автобус безнадежно глохнет в трех километрах от обители. Лара идет впереди.

Она часто оглядывается и передразнивает меня:

– Скрип-скрип, скрип-скрип!.. Старый вояка-барон возвращается домой. Не отставай, Штоли!..

Семь лет назад мне ампутировали левую ступню и половину разорванного осколками гранаты легкого. После операции профессор Николай Федорович Гайдуков сказал: «Ладно, кости целы – а мясо нарастет». Ожог двадцати процентов тела и еще три крошечных осколка в кишечнике он посчитал «элементарной мелочью»...

В этом году удивительно красивая зима. Я невольно люблю сказочным лесом. Скрип-скрип, скрип-скрип... У меня не очень хороший протез. Потому что на хороший у нас пока нет денег.

– Давай, барон, давай! – весело командует Лара. – Ужо до темноты не управимся!..

Я хорошо помню, что тогда, в госпитале, профессор Гайдуков терпеть не мог мою жену именно за ее веселость. Он называл Лару «Гламурной Куколкой». Это недоброжелательное отношение сыграло большую роль – весь больничный персонал также недоверчиво косился на Лару. Я слышал, как толстая медсестра Оля как-то раз сказала о моей жене: «Какая же она бойкая и красивая, эта стервочка!»

Лара любит модно одеваться. У нее эффектная фигура и раскованное поведение.

Шестилетний Миша Егоров – Рядовой Мышка – окрестил мою жену «Леактивной Ралой». Он часто ждал ее в коридоре возле моей палаты. Малыш робко улыбался ей и, казалось, чего-то ждал...

Семья Мишки-Мышки погибла, когда отец вез ее из аэропорта в свой военный городок. Они попали в засаду и их расстреляли в упор. Рядовой Мышка выжил чудом. Малыш прижился в больнице, потому что профессор Гайдуков решил, что ему будет лучше в госпитале, чем в детском доме.

Лара сказала мне и Мышке:

– У барона Штоли нет левой задней лапы, а у Мышки – правой. Но Мышка уже хромотает по коридору, а лодырь Штоли валяется на кровати как барон.

Проходившая мимо медсестра Оля оглянулась и громко сказала Ларе:

– Как ты может смеяться над больными? У вас совсем нет совести!

Дело было даже не столько в насмешливых словах Лары, сколько в вызывающе веселом тоне, с которым они были сказаны.

Лара быстро ответила:

– А пошла бы ты, коза пуховая!

Это была единственная грубость Лары, но больше ее никто не трогал...

К моей жене хорошо относился только священник отец Андрей. Наши койки стояли рядом. Никто не знал, почему пожилой священник оказался в военном госпитале. Но, может быть, потому что бывших военных не бывает?..

Каждый день к отцу Андрею приходило множество людей. Врачи терпели это массовое паломничество только потому, что старый священник пользовался гораздо большим авторитетом, чем профессор Гайдуков. Все видели, что профессор явно смущается своего пациента. А однажды я услышал реплику отца Андрея, обращенную к профессору: «...Иди ты на фиг со своими процедурами, Коля! Мне уже семьдесят пять. Сколько Бог даст, столько еще и протяну...»

Сам профессор Гайдуков – убежденный атеист. Это я знаю точно, потому что и у него есть свой маленький бог – скальпель.

Среди посещавших отца Андрея особенно выделялась молодая женщина в черном платке, со строгим лицом на котором тускло светились неподвижные, почти плачущие глаза. Племянницу отца Андрея звали Софья. Она задержива-

лась в палате дольше остальных. Иногда она выпрашивала у старшей медсестры Натальи Александровны какую-нибудь работу и мыла в коридоре полы.

– А я что могу сделать? – краснея, оправдывалась потом Наталья Александровна перед профессором Гайдуковым. – Матушка Софья не отстаёт!..

Скрип-скрип, скрип-скрип...

Я люблю смотреть на зимний лес. Правда, в нем столько же белого, как и в больнице. Или даже больше?..

Лара часто приносила отцу Андрею клубничное варенье.

Старый священник хитро улыбался и спрашивал:

– Это чтобы я не похудел, да?..

Рядовой Мышка садился рядом – чаще на кровать отца Андрея – и ждал, пока Лара поднесет к его губам ложку. Малыш закрывал глаза, а улыбка до ушей мешала ему открывать рот.

Как-то раз отец Андрей кивнул на кофточку Лары и спросил:

– Сама сшила?

Лара молча кивнула.

– Все успеваешь, да?..

Лара улыбнулась и пожала плечами.

– Все, все!.. – ответил за нее отец Андрей. – И любить, и рожать, и варить, и стирать. Правильно Мышка сказал, ты – Леактивная Рала. Тебе коня на скаку останавливать незачем

– ты на нем пахать будешь.

А когда к отцу Андрею приходила его племянница, он горько вздыхал и говорил:

– А вот и моя Совушка пожаловала.

Софья садилась на стул и принималась рассматривать лицо отца Андрея долгим, измученным взглядом. Возвышенное лицо молодой женщины было похоже на копию какой-нибудь черной, сектантской иконы.

– Были бы силы, подушкой тебя стукнул! – страдал отец Андрей. – Ну, кто тебя сделал такой постной?

Софья тоже любила Рядового Мышку. Но малыш уходил из палаты, как только в ней появлялась Софья.

При этом Мышка громко говорил:

– Пойду в коридор Ралу ждать!

Скрип-скрип, скрип-скрип... Я учился ходить на протезе еще там – в больнице. Сначала я ненавидел этот звук больше боли.

– Давай, барон, давай!

Однажды я упал, увлекая за собой Лару. Когда я открыл глаза, я увидел напротив ее глаза – они были злыми от многочисленных и тщетных усилий и одновременно, до пронзительности, веселыми.

– Как на линии фронта, блин! – засмеялась Лара. – Слышь, фон барон, если ты сейчас не встанешь, я тебя за собой по полу поташу.

Профессор Гайдуков сказал мне: «Тебе нельзя останавливаться. Ты будешь жить пока ты идешь». Наверное, Лара запомнила эти слова лучше, чем я.

А еще я помню свой последний день в госпитале... Когда пришла Лара, отец Андрей громко сказал:

– А вот и радость моя пришла! Иди сюда, радость, поговорить нужно.

Тогда я и запомнил это обращение – радость, радость моя... «Радость моя пришла!»

Лара села рядом и отец Андрей строго спросил:

– Ну, что с Мышкой?.. Берешь его, значит?

Лара сказала:

– А куда же его девать-то? Когда своих двое – третий уже не помешает.

Все уже знали, что утром Мышка бросился в коридоре к Ларе с громким криком «Моя мама пришла!» Он сильно хромал и был похож на худющего, нелепо переваливающегося с бока на бок утенка. Мышка вцепился в Лару обоими руками и жадно, вопросительно смотрел вверх.

– Что ты так орешь, Мышка? – спросила Лара. – Ты так всех котов перепугаешь.

Меня вызвали в кабинет протезирования, а Лара и отец Андрей еще долго о чем-то говорили...

Чуть позже профессор Николай Федорович Гайдуков извинился перед Ларой.

– Вы, это самое... Ну, в общем... Как это?.. – профессор

потупился. – Ну, вы понимаете меня, да?..

Отец Андрей сказал со своей койки:

– Профессор, а извиняться не умеешь. У Лары муж – барон, а ты – баран, Коля.

Профессор Гайдуков покраснел от возмущения и закричал на отца Андрея:

– Встать и сейчас же марш на процедуры!.. Тоже мне, еще один барон Штоли нашелся!..

Через полтора года после ранения я вернулся на работу. Правда, на кабинетную... Я хорошо помню тот первый вечер, когда вернулся с работы. Лара сидела на кухне, и я впервые – впервые за полтора года после ранения! – увидел ее не улыбающееся лицо.

Я спросил:

– Ты что, радость моя?

Лара отвела испуганные глаза и сказала:

– Слышь, аналитик, тут, на кухне, нужно розетку проанализировать... Замыкает, зараза такая. Займись ей, что ли?..

Она тогда сказала именно так раздельно – «что ли»... И без «барон». Нет, дело было совсем не в розетке. Все дело было в том, что я впервые за полтора года сам – один! – вышел из дома и Лара понимала, что она не сможет прийти мне на помощь.

Мышка жался к Ларе и так же, словно впервые, смотрел на меня. Я только молча улыбнулся в ответ... И напряжение

спало, оно ушло словно его и не было.

Скрип-скрип, скрип-скрип...

Там, вдали за верхушками заснеженных елей наконец-то появляются золоченые купола обители.

Лара оглядывается и смеется:

– Не отставай, Штоли! Давай, давай, фон барон!..

Я улыбаюсь в ответ: я слышу, радость моя...

Я иду, радость моя!

Страшная месть

1.

– Нет, как ты мог?!.. И на что мы будем теперь жить? – Любочка была готова заплакать от досады. – Мне еще целый год нужно работать над диссертацией!

Андрей сидел на диване и безучастно смотрел в окно.

– А что я сделал? – глухо спросил он.

– Ты подрался с Сашкой как последний дурак. А у кого еще ты найдешь такую работу?!

Андрей болезненно поморщился.

– Он первый начал... – возражение мужа звучало крайне неуверенно.

– Вставай, – Любочка подошла к Андрею и взяла его за руку. – Мы идем к Сашке.

– И не подумаю.

– Еще как подумаешь, – Любочка топнула ногой. – Как миленький побежишь и извинения попросишь. При мне попросишь!..

Возле Сашкиного подъезда Андрей вырвал руку из цепкой ладошки жены и сел на скамейку.

– Все, дальше не пойду, – твердо сказал он.

– Дурак, он же тебя не выгонит, – на глазах Любы снова навернулись слезы. – Вы же дружите с первого класса.

– А теперь, это самое... – Андрей отвернулся, стараясь не встречаться с женой взглядом. – Мы теперь совсем по-другому подрались.

– Из-за чего?

Андрей молчал. Любочка ждала ответа целую минуту. Потом она решительно вошла в подъезд...

2.

Дверь открыла Света.

– Здравствуйте! – решительно сказала Любочка.

Молодая хозяйка кивнула, с любопытством осматривая неожиданную гостью.

Любочка вдруг со страхом почувствовала, что ее недавняя твердость исчезла без следа. С женой Сашки Любочка встречалась всего несколько раз на больших вечеринках. Красивая Светка всегда вела себя независимо и несколько случай-

ных фраз не могли свидетельствовать об их близком знакомстве.

– Мне поговорить... – с трудом выдавила Любочка и, совсем упавшим голосом, добавила. – Очень нужно, понимаете?

– Понимаю. Проходите, пожалуйста.

Света посторонилась. На большой, шикарно обставленной кухне царил праздничный блеск.

– Кофе? – улыбаясь, просила Света.

– Если можно, – Любочка присела на краешек кресла. – Простите, ваш муж дома?

– Нет, но он скоро придет.

«Так даже лучше, – решила Любочка. – Она женщина и она должна понять...»

– Вы слишком напряжены, Люба, – Света села напротив. – Давайте просто поболтаем? Признаться, я немного скучала.

– У вас, наверное, мало подруг? – неожиданно для самой себя спросила Любочка и тут же с досадой подумала: «Ну, ляпнула, все-таки!..»

– У меня, их вообще нет, – Света пожала плечами. – И трудно сказать почему.

– Наверное, у вас слишком независимый характер.

– А это плохо?

– Нет, не все так однозначно, – Любочка торопливо взяла чашку. Кофе плеснул на юбку. – Ой, так я и знала!..

Света протянула чистую салфетку.

– Давайте, я посыплю пятно солью, – предложила она.

Немного бестолковая суета сняла напряжение в разговоре. Когда злосчастное пятно на юбке потеряло свою перевозданную свежесть, Любочка легко улыбнулась в ответ гостеприимной хозяйке...

3.

– Чего расселся?.. Подвинься, дружбан!

Андрей поднял глаза. Рядом стоял Сашка. Андрей подвинулся и вытащил сигареты.

– Фингал здоровый все-таки, – миролюбиво сказал Сашка, рассматривая лицо друга. – Я думал меньше будет. Извини, а?..

– Кури, балбес, – Андрей протянул пачку сигарет.

– Можно...

Друзья прикурили от зажигалки Сашки.

– А ты мне зуб выбил, – Сашка вздохнул. – Только он уже и так шатался.

Мужчины принялись молча рассматривать бездомного котенка возле детской песочницы. Котенок безнадежно мяукнул, взглянув на людей возле подъезда, и снова уставился на окна многоэтажки...

4.

Света хохотала до слез.

– Это еще что!.. – в глазах Любочки прыгали веселые и азартные бесенята. – Хотите, я расскажу вам, как я уходила от мужа?

– Ой, пожалуйста! – Света радостно хлопнула в ладоши. – У вас так смешно все получается.

– Еще бы!.. Во-первых, я до ужаса ревнивая и, во-вторых, на свадьбе у Синицыных мой муженек напился, как последний свин. Представляете, Андрей на моих глазах волочился за всеми женщинами. У него были масляные глаза и по-настоящему свинская физиономия.

– На вашем месте, я бы устроила скандал мужу прямо на свадьбе, – попробовала угадать Света.

– Слишком просто и совсем не коварно. В общем, я решила дожидаться утра...

5.

– Ты что грустный? – Андрей толкнул друга в бок. – Случилось что-нибудь?

– Да так... – Сашка тяжело вздохнул. – Такие, братан, проблемы в жизни, что хоть в петлю лезь.

– Поэтому и бесился вчера?

Сашка промолчал.

Котенок подходил медленно и осторожно. Иногда он оглядывался на песочницу, на свой первый в крохотной жизни

«дом», но она была пуста и неудобна.

Андрей взял на руки котенка. Тот охотно замурлыкал и доверчиво ткнулся лбом в широкую ладонь.

– Голодный... – Сашка слабо улыбнулся.

– Ты лучше о себе расскажи.

– Да что я!.. – Сашка безнадежно махнул рукой. – Мне уже никто не поможет.

6.

– ...Я стояла с чемоданом посреди комнаты и вдруг поняла, что это навсегда – Любочка посмотрела на вдруг ставшее серьезным лицо Светы. – Точнее говоря, я поняла, что то, что сейчас окружает меня, что стало едва ли не частью меня самой, через секунду, просто исчезнет. Уже больше не будет ни Андрея, ни этой квартиры и вообще больше ничего. Знаете, я стояла, словно над бездной и боялась сделать первый шаг. Бездне был нужен только он, единственный шаг, а дальше все начало происходить само собой.

– И вы испугались? – по лицу Светы скользнула тень снисходительной и слегка разочарованной, улыбки.

– Да, но мне не было стыдно за свой страх.

– Ясно. И тогда вы решили схитрить?

– Конечно. Я села на диван и сказала себе: «Хорошо. Допустим, я уже ушла. Но что будет здесь дальше, уже без меня?» Андрей стоял у окна и курил. Прошла минута, но без

меня ничего не происходило и ничего не начиналось. Я даже не слышала, как тикают часы. Потом ко мне подошел Андрей. Он ничего не сказал, а только сел рядом на пол и положил голову на мои колени...

– А потом вы вдруг услышали, как тикают часы? – в голосе Светы уже угадывались холодные, насмешливые нотки. – Что ж, довольно романтично, возвышено, но поверьте мне, совсем не интересно и не весело.

– Нет... Вы не понимаете... – Любочка с трудом находила слова. – Знаете, я не помню, с чего тогда начался наш разговор с Андреем. Но... Но я никогда еще не видела его таким радостным! – Любочка виновато улыбнулась. – Я хотела рассказать вам об этой радости, о нашей общей радости, но я... Как мне рассказать вам это?! Я помню, мы сидели на полу и сравнивали свои ноги. Андрей сказал, что его ноги красивее, потому что они лохматые и чуть кривые. Мы тянулись пальцами к стулу и хохотали без остановки...

– А что же тут смешного? – Света отхлебнула кофе.

– Не знаю... Может быть, это было облегчение очень похожее на счастье? – Любочка давно поняла, что ее рассказ не нравится хозяйке, но не могла остановиться. – Нет-нет, вы поймите, я все-таки говорю вам о радости... Ведь смех – одно, а радость совсем-совсем другое. Знаете, это был, может быть, самый прекрасный и радостный день в нашей жизни. Это было почти абсолютное счастье, но я...

– Я все отлично понимаю, – холодно сказала Света.

На кухню вошел рослый мужчина в дорогом пальто.

– Ты тут? – он нагнулся и поцеловал Свету в щеку. – Знаешь, зайчик, у меня есть для тебя приятные новости...

– Мы поговорим с тобой потом, – резко перебила его женщина.

– Прости, но я хотел...

– Меня не интересует, что ты хотел! – вдруг повысила голос до крика Света. – А теперь выйди отсюда и дай мне договорить с человеком.

Мужчина не без любопытства взглянул на вжавшуюся в кресло Любочку.

– Хорошо, я подожду тебя в зале, – он пожал плечами и вышел.

В голове Любочки мелькнула страшная догадка.

– Простите, а кто это? – еле слышно спросила она.

– Это мой муж. Его зовут Виктор.

– А Сашка?..

– Сашки нет уже два месяца, – на щеке Светы, под тонкой кожей, задрожал мускул. Она подняла руку и прикрыла его, массируя тонкими, холеными пальцами. – Теперь скажите правду, это Сашка вас ко мне прислал?

– Нет, что вы!.. – Любочка не знала, куда деть глаза от стыда. – Я пришла поговорить об Андрее. Он подрался с Сашкой, а я хотела...

– Ложь!.. Немедленно уходите отсюда, – Света встала. Ее голос снова сорвался на крик. – И больше никогда не прихо-

дите, слышите, вы?!...

7.

Любочка вышла из подъезда почти ничего не видя перед собой. Она механически опустилась на скамейку рядом с мужем и тихо сказала:

– Боже мой!..

Растерянный взгляд женщины натолкнулся на настороженное, ждущее лицо Сашки и стал более осмысленным.

– Боже мой, – повторила Любочка. – Да за что же я ее так?!

– Что случилось? – забеспокоился Андрей.

– Я же не хотела, – Любочка чувствовала, как горит ее лицо. – И я не имела никакого права... А ей было до ужаса больно! – Любочка не отрываясь, смотрела на Сашку. – А ты, что мстить сюда пришел, да?..

Сашка молча отвернулся.

– Не ходи... Я сделала это за тебя.

– Как? – глухо спросил Сашка.

– Так, что лучше ты уже не придумаешь... И больше никогда не звони нам! – Любочка взяла мужа за руку – Пошли, Андрюша.

Андрей покорно кивнул и встал. Возле гаражей Любочка оглянулась. Сашка плелся следом за ними. Чуть сзади него бежал бездомный котенок.

– Что тебе еще нужно? – крикнула Любочка.

– Я, это самое... Сказать хотел... Пусть завтра Андрей на работу приходит, – Сашка потупился – Погорячились оба, что зло держать?

– Что еще?

Сашка все ниже и ниже опускал голову.

– А еще это... Узнать хотел... Отомстила-то ты Светке как?

– Знать хочешь, да?.. – Любочка нагнулась и подняла половинку кирпича. – Сейчас узнаешь... Убью!

Любочка замахнулась... Сашка отбежал за гаражи. Кирпич с железным грохотом разбился о стену.

Андрей взял на руки перепуганного котенка и спрятал его за пазуху.

– Что стал?.. – Любочка рванула мужа за руку. – Пошли! Из-за угла показалась повеселевшая физиономия Сашки.

– Андрей, ты все-таки завтра приходи, а? – крикнул он вслед.

Любочка заплакала.

– Ах, какие же вы все сволочи!.. Мужики проклятые! – слезы были горячими и жгли еще не остывшее лицо. – Подлецы!.. Ты что оглядываешься? – Любочка крепче прижала руку мужа к себе и прикрикнула. – Ты сейчас у меня тоже получишь. Боже, Боже мой, да за что же я ее так?!..

И никто в целом мире кроме Любочки не знал, как безысходно и горько плачет сейчас в одиночестве несчастная и потерянная Светка...

Камень

...У каждого человека, Леша, такие минуты в жизни встречаются, когда голову в петлю сунуть хочется: на душе темно, тошно донельзя и боль как рвота. Сидишь и думаешь, да зачем мне все это?!.. И сколько можно вот так жить?

Смерти любой человек боится. Потому что смерть – ничто... Бездна. Страх смерти и толкает человека прочь от бездны. Но если душа онемела, а боль, эту проклятушую боль, чувствует только разум и нервы, тогда и уходит страх.

Нам раньше говорили, человек, мол, царь природы, потому что у него есть разум. Смешно!.. Ты когда-нибудь видел, как крохотные малыши учатся ходить? В маленьком человечке есть все те же чувства что и у взрослых: страх и радость, боль и жажда узнать что-то новое, разочарование и восхищение... Но ответь мне, пожалуйста, почему дети несоизмеримо сильнее нас и какая удивительная сила хранит их от безумия и отчаяния?

Теперь о том, Леша, как я топился... В общем, долго я по берегу реки на своих «Жигулях» рыскал, пока подходящее место не выбрал: крутой бережок, обрывистый, с чертенячьим омутом внизу.

Вышел я из машины, на всякий случай край ногой попробовал – не загремлю ли, мол, вниз без подготовки? Покурил немного... Сижу и природу рассматриваю. Погодка вро-

де ничего – только жарко чуть-чуть. Птички летают, травой пахнет... Кукушка в лесочке кому-то долгую жизнь обещает. Ладно, думаю, кукуй, себе дура, а мне на тот свет пора... Зажился я на белом свете. Нужно и меру знать

Какое может быть дело у будущего утопленника? Разве только камень подходящий найти да на шею его себе повесить. Иначе-то нельзя, иначе своим: «Караул, спасите!» утопленник всю округу на ноги поставит. Нет, конечно, можно было и «запаску» от «Жигулей» использовать, только это как-то не очень красиво все получалось. Представляешь, вокруг природа без признаков цивилизации, а человек идет к обрыву с символом прогресса на шее. Стыдно так себя жизни лишать, не культурно как-то...

Битый час я камень подходящий искал, все вокруг обшарил. Даже в лесок поблизости заглянул – нет ничего подходящего. Да елки-палки!.. Тут, понимаешь, речь о финише жизни идет и вдруг из-за какой-то мелочи суетиться приходится. Словно пацан игрушку потерял. Поднял я голову к небу и шепчу: «Господи, пожалей хоть ты меня! Не могу я так, честное слово, устал...»

И минуты не прошло, гляжу, под кустиком камушек лежит аккурат для нашего брата-утопленника: толстенький такой и весом пуда на четыре. Одно плохо, до берега далеко-далеко. Но ничего, думаю, я мужик здоровый...

Обвязал я камень концом веревки, потом этот «галстук» себе на шею повесил. Попрыгал немного на месте... Вроде

удобно. Только шею чуть-чуть жмет. Поправил я свой «галстук», потом даже покурил немного. Слышу, кукушка-бедолага все еще в лесу надрывается. Думаю: ну это она мне уже не годы, а последние минутки отмеривает...

Встал. Пошел... А камень тяжеленный и скользкий, как полированная сталь. И десятка шагов не сделал, чувствую, вот-вот руки от усталости оторвутся. Черт, а?!.. И, наверное, не четыре пуда в этом камушке оказалось, а не меньше пяти или даже шести. Дай, думаю, его за спину закину, как мешок, все равно он на веревке. Еще пять шагов сделал – скользит в потных ладонях веревка, душит горло петля на шее. Думаю про себя: эдак пока я до берега доберусь, мне и топиться не нужно будет... Как в поговорке: кому суждено быть повешенному, тот не утонет.

Присел... Отдышался кое-как, снова закурил. На руки посмотрел – дрожат родимые!.. Главное, перед этим я две ночи не спал и почти не ел ничего. Переживал, так сказать, насчет своей дурацкой жизни... Но откуда я мог знать, что перед самоубийством нужно плотно позавтракать?

Тут кукушка поближе подлетела, на елочку уселась... Обычно кукушки людей боятся, но я-то считай уже покойник, что ей меня стесняться? Покосилась на меня полосатая «горлица» и снова – ку-ку, ку-ку, ку-ку...

Злость меня взяла. Бросился я было за сучком, что в шаге от меня лежал, а веревка за горло как рванет!.. Так что в кукушку я не палкой, а хриплым лаем запустил, как кобель

с привязи.

Пнул я в сердцах камень и думаю: удружил ты мне, Господи!.. Так я до обрыва и к вечеру не доберусь. Стал я веревку отвязывать, чтобы другой груз полегче найти. Но узлы так стянуло, что хоть ногти об них обломай – все без толку. Попробовал веревку пережечь, но на ветру спички быстро кончаются. А веревочку я для такого случая крепкую подобрал, импортную.

И что делать, спрашивается?.. А ничего. Уж коли начал, думаю, то иди нужно. Видно доля у меня такая... Помучится перед смертью придется. За что?.. А за грехи!

Еще ни разу в своей жизни, Леша, я такого свирепого упрямства не проявлял. Пятнадцать метров прошел – упал от усталости. Думаю: все, больше не встану... Дальше покатил уже я свой камень. А он-то веревкой обвязан и длина этой веревки меньше метра, в таком «положении» камень разве что только вместе с головой катить сподручно.

Глядь, солнышко к зениту поднялось, припекло так, что пот с физиономии вытирать не нужно – сам испарится. Ты в пустыне был?.. Я тоже не был. Но могу себе представить, сколько там у них кружка холодной воды стоит.

Нашел я какую-то травку посочнее, пожевал ее... Одна горечь во рту осталась. Сесть попробовал – уже сил нет. Чтобы сидеть, камень на коленях держать нужно, а я на этот камень чертов уже без слез смотреть не могу. Уткнулся я носом в траву и лежу... Мыслей в башке нет, только стакан холодной

воды мне мерещится.

Дальше я уже на корячках пополз... Полшага сделаю – камень следом подтяну, еще полшага – снова за веревку. Картина, да?.. Потом думаю, а если, мол, по-черепашии камень тащить, а?.. Кое-как взвалил я каменюку себе на спину. Лежит, камушек, не падает... Только осторожно идти на карачках нужно, не переваливаться с боку на бок.

Пошел по-черепашии... Смотрю на свои грязные руки и шаги считаю: раз, два... Восемь... Тринадцать... В сосну головой – тресь! Камень – на землю, а сверху кукушка – куку, ку-ку... В другую сторону я пополз, понимаешь?.. В сторону леска. Потому что уже почти не соображал ничего от усталости.

Распластался я на земле, в небо смотрю и думаю: пивка бы сейчас... И знаешь, мысль сама по себе простая такая, почти житейская. Даже совсем уже не злая. А еще бы, мол, покушать чего-нибудь... Хоть колбасы кусок.

Закрыл я глаза – дремоту потянуло... Глядь, вода перед самым носом плескается. Пить хочется и в тоже время ужас какой-то меня берет. Зачем я же так, а?.. Может не надо туда, в омут этот чертов?..

Тут вдруг снова злость в голову ударила – а что, мол, струсил, собака?!.. Ведь решил же все! Три дня думал, чуть с катушек не съехал, а теперь в сторону решил шархнуть, сволочь?

Как я дальше полз, я уже, Леш, плохо помню... Камень на

спине все тяжелее и тяжелее, а сам я... Как бы тебе получше объяснить? Сам я словно из комнаты в комнату переползаю: в одной комнате воздух злостью пропитан, в другой отчаянием, в третьей болью... Это как круги ада, только кругов этих не семь, не девять, а куда как больше. И все их пройти надо, все преодолеть. И ни как-нибудь, а камнем на шее...

В сущности, тогда я уже не понимал ничего... Разве что кроме одного – до берега доползти мне нужно. И полз: круги перед глазами, позвоночник от тяжести вот-вот треснет, руки в крови... Полз пока во тьму, как в нору, не забрался.

...В себя пришел, чувствую, прохладой в лицо тянет. Осмотрелся: на берегу я, оказывается, лежу, собственным камнем придавленный и уже сил нет его с себя сбросить. Заплакал я от слабости, по-детски заплакал, навзрыд. Думаю про себя: Господи, да за что же ты так меня?.. За что?!.. Но удивительные это слезы были, Леша... Даже странные. Словно всю грязь с души они мне омыли.

Человек не может сказать «меня нет». Если есть «я», значит ты живешь. А тут... Словно исчез я на какое-то время, словно растворился в слезах и сам на себя со стороны взглянул... На всю непутевую свою жизнь. И на людей, которые рядом со мной были, включая жену. Ты спросишь, как именно взглянул?.. Как Бог. Спокойно я смотрел, просто и с любовью. И не моя эта любовь была, Леша, не моя!.. Словно за один вздох я в себя весь воздух вобрал, который мне за всю

жизнь вдохнуть полагалось.

Так что не я свою жену простил, Леша, не я, а Бог... И больше я ничего тебе на эту тему говорить не буду. А мне было дано понять за пару секунд, почему Бог ее простил... И что это такая за такая мера любви, которая меры не знает.

Дальше стал я понемногу в себя приходить... Протрезвили меня те волшебные секундочки от обиды и злости так, что от них не то что следа, тени не осталось. Смотрю, по пустой ракушке муравей ползет... Забрался он на самую верхушку, оглядывается и усиками шевелит: нет, мол, большая слишком ракушка, не сдвинуть мне ее с места. А впрочем, ладно, мол, я и без нее как-нибудь проживу...

Безмозглая букашка, а, поди, ты умнее меня оказалась. Много тогда я, Леш, передумал, пока по-собачьи зубами веревку перегрызал. Грызу, а самому смеяться сквозь слезы от радости хочется. Кукушка кукует: ку-ку, ку-ку, живи дальше, мол, дурак. Я тебе из жалости уже сто лет жизни накуковала, а ты от собственной дурасти чуть в петле не удавился, утопленник!..

Только к вечеру я и освободился... По дороге домой в церковь зашел. Поставил свечу возле образа Божьей Матери и шепчу: спасибо Тебе, Господи!.. Ты и камень утопленнику ко спасению подашь. Спасибо Тебе за все: за боль и за радость, за горе и за минуты счастья, за солнышко, что светит у нас над головой и за последний путь Сына Твоего, когда нес Он на Голгофу наш крест, а не свой камень.

С тех самых пор не покидает меня, Леша, мысль: я не знаю, какая сила создала человека, Бог или он произошел от обезьяны, но я знаю, что рано или поздно каждому из нас приходится решать, кто вложил в человека душу, – Бог или та самая обезьяна. И если Бог, то человек должен всегда начинаться с простой и самой теплой благодарности... Понимаешь, да?..